
Сборник документов, относящихся к убийству Императора Николая II и его семьи

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Из инструкции команде Дома особого назначения по охране царской семьи, май 1918 г.
- Инструкция коменданту Дома особого назначения, служащего местом заключения бывшего царя Николая Романова и его семьи
- Из книги записей дежурств Членов Отряда особого назначения по охране Николая II 13 мая — 11 июля 1918 г.
- Письмо Е.С. Боткина в Екатеринбургский исполнительный комитет
- Из дневника Николая II
- Из дневника Александры Федоровны г. Екатеринбург, дом Ипатьева май — июль 1918 г.
- Телеграфное сообщение исполкома Уралоблсовета Председателю Совнаркома В. И. Ленину и Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову
- Выписка из протокола № 1 заседания Президиума ВЦИК по поводу расстрела Николая II
- Из протокола № 159 заседания Совета Народных Комиссаров о расстреле царской семьи
- Из рассказа Я. М. Юровского о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске
- Из воспоминаний чекиста Г. И. Сухорукова, одного из участников уничтожения трупов царской семьи
- Из воспоминании участника расстрела царской семьи М. А. Медведева (Кудрина)
- Из расшифрованной записи беседы с Г. П. Никулиным в Радиокomiteте о расстреле царской семьи
- Из расшифрованной беседы с И. И. Родзинским в Радиокomiteте о расстреле царской семьи
- Из рапорта прокурора Казанской Судебной Палаты Миролубова министру юстиции Старынкевичу о ходе предварительного следствия по делу об убийстве Николая II и его семьи
- Письмо министра юстиции Старынкевича Управляющему Министерством иностранных дел о данных предварительного следствия по делу об убийстве Николая II и его семьи
- П. Быков. Последние дни последнего царя
- Р. Словцов. Красный террор
- Беседа с владельцем дома, в котором был убит Николай II и его семья
- Список вещей царской семьи, которые остались в доме ипатьева и которые удалось найти у разных лиц

№ 1

Из инструкции команде
Дома особого назначения по охране царской семьи
Май 1918 г.

Обязанности караульного начальника

Караульный начальник отвечает за исправное несение караулом его обязанностей.

Кар[аульный] нач[альник] расставляет посты, усиливает их в случае надобности по приказанию коменданта, следит, чтобы постовые не спали на постах, чтобы никто из караула ни на посту, ни во время отдыха не разговаривал ни с кем из заключенных, удаляет из караульного помещения заболевших.

Режим

Комендант должен иметь в виду, что Николай Романов и его семья являются советскими арестантами, поэтому в месте его содержания устанавливается соответствующий режим.

Этому режиму подвергаются: а) сам б[ывший] царь и его семья; б) и те лица, которые изъявляют свое желание разделить с ним его положение.

Примечание. Водворение под стражу лиц, указанных в пункте 6, производится решением областного Совета.

С момента перехода лиц, указанных в ст. ...[1], в ведение областного Совета всякое свободное сообщение их с волей прекращается. Прекращается точно так же и свободное сношение с Романовыми каких бы то ни было лиц, находящихся на свободе.

Обращение с заключенными

В обращении с заключенными комендант должен быть, безусловно, вежливым.

Разговоры с заключенными могут быть только следующего содержания: 1) принятие от них всевозможных устных заявлений; 2) объявления и приказания облсовета; 3) разъяснения, которые они попросят по поводу режима, 4) о доставке провизии, кушаний и необходимых предметов; 5) об оказании медицинской помощи.

Никакие разговоры на общеполитические темы с кем бы то ни было из заключенных не допускаются.

Комендант строго следит, чтобы конвойные не позволяли себе, безусловно, никаких замечаний по адресу заключенных в их присутствии.

Заключенные не имеют права говорить с конвойными. Если такие попытки с их стороны будут делаться, конвойный должен отвечать, что разговаривать не разрешается. Со своей стороны конвойные не имеют права заводить разговоры с заключенными.

Пропуски к заключенным посторонних лиц

Как общее правило, никакие свидания посторонних с заключенными не допускаются. Однако, если такое свидание было разрешено, оно должно быть выражено письменно за подписями президиума облсовета и должно быть подтверждено по телефону или лично.

При разрешении свидания в письменном разрешении указывается точно, с кем именно разрешено свидание и его продолжительность. При свиданиях обязательно присутствует комендант, который следит, чтобы пришедшими не было передано заключенным что-либо неразрешенное. При попытке сделать такую передачу комендант прекращает свидание. При свиданиях в разговоре должен употребляться только тот язык, который понимает комендант. При попытке говорить на каком-либо другом языке комендант прекращает свидание.

Инструкция коменданту Дома особого назначения, служащего местом заключения бывшего царя Николая Романова и его семьи

Общие положения

Комендант должен иметь в виду, что содержанием под стражей Николая Романова преследуются две основные цели:

А. Прием и обязанности коменданта

Комендант является перед областным Советом ответственным лицом за содержание под стражей Николая Романова и его семья. В случае бегства или похищения бывшего царя или кого-либо из лиц, находящихся вместе с ним под стражей, комендант всецело несет за это ответственность.

Находящийся в доме караул исполняет беспрекословно все приказания коменданта, относящиеся к установлению определенного режима. Приказания коменданта по караулу отдаются через караульного начальника в устной или письменной форме по усмотрению коменданта.

Ответственность за содержание под стражей царя перед Советом Народных Комиссаров несет областной Совет. Постановлением облсовета наблюдение за заключением царя передано президиуму и проводится через председателя, поэтому комендант исполняет только те приказания, которые исходят от председателя. Комендант должен знать председателя облсовета в лицо, а на случай передачи письменных приказаний должен знать подпись председателя, а также и подписи членов президиума и иметь оттиск специальной печати областного Совета на случай проверки.

Прогулки

Прогулки заключенных разрешаются ежедневно на срок, указываемый обл[астным] Советом. На прогулку выходят все вместе. Перед тем как вывести заключенных на прогулку, комендант дает приказание усилить караул на месте прогулки расстановкой постовых во все углы прогульного двора, а также и на балконе.

Комендант старается по возможности не назначать постоянного времени начала прогулки и изменять это время в пределах от 12 до 4 часов дня.

Переписка

Вся переписка, которая ведется заключенными, просматривается лицом, специально уполномоченным на это президиумом областного Совета.

Письма и телеграммы, которые отправляют заключенные, они передают коменданту, а последний отправляет их тому лицу, на которое возложен просмотр переписки.

Письма и телеграммы на имя лиц, указанных в ст. ...[\[2\]](#), непосредственно полученные комендантом, направляются им лицу, занимающемуся просмотром.

Комендант следит, чтобы не было попыток со стороны заключенных обойти эти правила посредством передачи писем для отправки их на волю караульными лицами, имеющими место пребывания в Доме особого назначения.

Комендант предупреждает заключенных, что если таковые попытки будут обнаружены и доказаны — они лишаются права переписки.

В письмах употребляется только русский, франц [узский] и немецкий] языки.

Центральный архив МБ РФ. Коллекция документов по делу Романовых.

Из книги записей дежурств Членов Отряда особого
назначения по охране Николая II
13 мая — 11 июля 1918 г.

Дежурство. Комендант Сидоров

13 Мая. 5 ч. в[ечера]

Принято от Бабича в присутствии члена обл[астного] Сов[ета] Авдеева и караул [ьного] начальника Гларнер. Приемка происходила во время прогулки следующ[их]: Николай Романов, Александра Романова, Мария Романова, д[октор]а Боткина. Остальные: Чемо-дуров, Седнев и Демидова находились в доме...

15 Мая

В моем дежурстве происшествий никаких не произошло. Кроме после перемены караула были найдены во дворе спрятанные ножи 12 шт. Вышеизложенные лица, находящиеся под моим ведением, были сданы полностью. Были замазаны краской окна.

Комендант Дома особого назначения [3]

В присутствии товарища Авдеева принял комендант [4]

17 Мая

По поступлению моего на дежурство с 15-го числа по 17-е никаких происшествий и особых примечаний не было.

Дежурство сдал тов. Авдееву [5]

20 Мая

Просьба Николая Романова, быв[шего] царя, дать ему работу: вычистить мусор из сада, пилить или колоть дрова.

21 Мая

Просьба Марии Николаевны послать телеграмму в Тобольск от себя лично, а также от Чемодурова послать телеграмму от себя на имя Авдеева. Личная просьба Николая Романова: нельзя ли в саду устроить гамаки для детей.

22 Мая

Прибыли в Дом особого назначения семья Романовых из (4) четырех человек: Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Анастасия Николаевна, Алексей Николаевич и с ними повар Иван Михайлович Харитонов, мальчик Леонид Иванович Седнев...

25 Мая

Шестерки ночью много ходили и все что-то высматривали и прислушивались...

28 Мая

Находящихся в Доме особ [ото] назначения лиц в количестве 12 человек сдал

Принял

29 Мая

Отправлено в прачечную[...][6] белье в стирку бывшего царя Николая Романова по квит[анции] № 956.

31 Мая

Просьба гражданина] Боткина от имени семейства бывшего царя Николая Романова о разрешении им еженедельно приглашать священника для службы обедни.

24 Мая [7]

Нагорный Клементий Григорьев [ич] в Доме особого назначения при бывш[ем] царе Николае Романове, служащий при Алексее Никол [аевиче], 32 год [а], имеет при себе деньги четыреста восемьдесят девять (489) руб.

24 Мая [8]

Трупп Алексей Егорович в Дом особого назначения прибыл из Тобольска совместно] с семьей б[ывшего] царя, лакей, 61 [год]. Имеет при себе деньги сто четыре (104) руб.

Найдено при обыске 310 рублей (триста десять).

1 Июня

Личная просьба гражданина] Боткина разыскать принадлежащий ему чемодан с бельем, присланный из Тобольска.

Около часа дня поступило заявление повара Харитонов о том, что что-то лежит на шкафу в комнате, где помещались раньше гр[аждане] Седнев и Нагорный, по приходе моем туда оказалось, что на указанном Харитоновым шкафу лежат восемь заряженных бомб: пять из них бутылкообразные за №№ 35, 73, 92. Остальные две без №№, две бомбы круглые и одна яйцообразная № 11, которые по приносе в дежурную комнату были разряжены. При дальнейшем распросе гр. гр. Харитонova и Труппа выяснилось: ввиду кладки каменщиками новой плиты в комнате, где помещались Харитонов и Трупп, ими была занята рядом стоящая свободная комната, то он, Харитонов, желая очистить пыль в комнате, обнаружил лежащие на шкафу бомбы и заявил в дежурную комнату, о чем мной было сообщено коменданту Дома особого назначения тов. Авдееву, а им, в свою очередь, сообщено председателю област [ного] Совета тов[арищу] Белобородову.

3 Июня

На посту № 9 часовой Добрынин нечаянно выстрелил, ставя затвор на предохранитель, пуля прошла в потолок и застряла, не причинив никакого вреда.

По разрешению обл[астного] Сов[ета] для службы обедни [к бывшему царю Н[иколаю] Романову были приглашены священник Екатеринбургск [ого] собора поп Иван с дьяконом той же церкви.

4 Июня

Ввиду нормального состояния болезни Алексея Романова доктор Деревенко принят не был.

5 Июня

Первый раз был вынесен на прогулку Алексей Романов, которая продолжалась один час. При очередном осмотре Алексея Романова док [тором] Деревенко в присутствии коменданта Авдеева жена Николая Романова говорила по-немецки, обращаясь к дочерям, вопреки запрещению при посещении док [тором] Деревенко говорить на иностранных языках. После чего комендантом Авдеевым было сделано вторичное предупреждение.

6 Июня

Док [тор] Деревенко принят не был, Алексей вынесен был на прогулку.

7 Июня

Док [тор] Деревенко принят не был. Алексей вынесен был на прогулку.

По заявлению док [тора] Боткина, вследствие расширения вен заболел Николай Романов и с утра не вставал с постели, где его и кормили.

8 Июня

Доктор Деревенко принят не был. На прогулку никто из семьи Романовых не выходил.

9 Июня

Алексей был вынесен на прогулку, Деревенко принят не был. Николай Ром[анов] [в]новь пользовался обычной прогулкой. Около 12 ч. ночи на пулеметном посту № 1 от неосторожного обращения постового произошел взрыв бомбы. Жертв и повреждений нет.

10 Июня

Обычная прогулка семьи Романовых, заявление Николая Романова об открытии окон для проветривания помещения, в чем было ему отказано.

11 Июня

Принесено белье из прачечной [...] [9] по кв[итанции] № 956 и отдано семье Романовых. Обычная прогулка была. Введен усиленный внутренний караул, добавлено тринадцать (13) человек.

12 Июня

Обычная прогулка семьи Романовых. Был принят доктор Деревенко, который заявил, что в городе ходят слухи, будто бы Алексей Романов убит и схоронен сегодня ночью, заявление было сделано перед принятием коменд [анта].

13 Июня

Обычная прогулка семьи Романовых была отменена. Доктор Деревенко принят не был.

14 Июня

Была обычная прогулка семьи Романовых. Татьяна и Мария просили фотографический аппарат, мотивируя тем, что им нужно доделать пластинки, в чем, конечно, им было комендантом отказано. Поступило заявление начал [ьника] караула, что у него кто-то украл револьвер сист [емы] “наган”, числившийся при Доме особого назначения, который не удалось найти. Стоящим часовым на посту № 6 были задержаны два гимназиста бр[Гатя] Тележниковы, фотографировавшие Дом особого назначения, которые после обыска и допросов были препровождены в Чрезвычайную следственную комиссию.

15 Июня

Обычная прогулка всех, кроме Алексея и Александры Федоровны. Деревенко принят не был в дом. За оградой заявил, что он может присылать молоко и яйца, если ему разрешат, а так как команде также нужны продукты, то ему и было разрешено присылать. Боткин просил разрешение написать письмо председателю облсовета по нескольким вопросам, а именно: продлить время прогулки до 2-х часов, открыть створки у окон, вынуть зимние рамы и открыть ход из кухни к ванной, где стоит пост № 2. Написать было разрешено и письмо передано в облсовет.

16 Июня

Утром Боткин просил попа, но ввиду того, что тот поп, которого приводил он, занят, просьба была отклонена. Обычная прогулка. Деревенко принят не был. От него было послано молоко и яйца...

23 Июня

Бывшие попы Анатолий Меведин, Буймеров Василий служили обедню и вечерню в продолжении 1 ч. 15 м[ин.]

В 2 1/2 ч. утра на посту № 3 часовым Поткорытовым при зарядании винтовки произошел выстрел...

4 Июля

Произошла смена караула внутреннего во главе с комендантом Авдеевым и комендантство принял тов[арищ] Юровский. Доктор Боткин приходил с просьбой разрешить привести попа на воскресенье для служения обедни, на что ему было отвечено, что просьба будет передана областному Совету.

5 Июля

За весь истекший день ничего существенного не произошло.

6 Июля

Пулемет на вышке системы “кольт” был обменен на “максим”. Часовым на посту № 9 была найдена серебряная вещь “Кофейник” с орлом на лицевой стороне в саду под пожарной машиной. Остальное все в порядке.

7 Июля

За весь день 7 июля ничего не произошло.

8 Июля

Без перемен.

9 Июля

За весь день девятого [июля] особенного ничего не произошло, лишь только то, что часовым на посту № 5 был задержан тип, который на слова часового отойти подальше, ответил грубостью, за что был препровожден в Чрезв [ычайную] комиссию.

10 Июля

За весь день ничего существенного не произошло.

11 Июля

Доктор Боткин обращался с просьбой пригласить священника отслужить обедню, на что ему было дано обещание, остальное все обычно.

12 Июля

Доктор Боткин просил пригласить доктора Деревенко и принес рецепты с просьбой купить медикаменты, которые ему были доставлены. Доктора Деревенко также дано обещание пригласить.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 37. Л. 1 — 8 об.

ПИСЬМО Е. С. БОТКИНА В ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ [10]

[Без даты]

В ОБЛАСТНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ГОСПОДИНУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении областного Исполнительного комитета, вообще и в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, г-н Председатель, со следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, сопровождающимся вышотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдержать ухода за ним. Моих утасяющих сил тоже не хватает. Состоящий при больном Клим Григорьев Нагорный, после нескольких бессонных и полных мучений ночей сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если на смену и в помощь ему не являлись бы преподаватели Алексея Николаевича г-н Гиббс и, в особенности, воспитатель его г-н Жильяр. Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого, чтением и переменою впечатлений отвлекают в течение дня больного от его страданий, облегчая ему их и давая тем временем родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами для смены их в свою очередь. Г-н Жильяр, к которому Алексей Николаевич за семь лет, что он находится при нем неотлучно, особенно привык и привязался, проводит около него во время болезни целые ночи, отпустил измученного Нагорного выспаться. Оба преподавателя, особенно, повторяю, г-н Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми, и я, как врач, должен признать, что они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен. Ввиду всего изложенного я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный Комитет усерднейшим ходатайством допустить г. г. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а ввиду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их — в крайности же — хотя бы одного г. Жильяра, к нему завтра же.

Ев. БОТКИН

№4

ИЗ ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ П

17 апреля. Вторник.

Тоже чудный теплый день. В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые, и поезд перешел к другой — товарной станции. После полуторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с кот. мы втроем сели в мотор и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом — Ипатьева. Мало-помалу подъехали наши и также вещи, но Валю не впустили.

Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города, и, наконец, просторная зала с аркою без дверей. Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Алике. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару. К 9 час., наконец, устроились. Обедали в 4 1/2 из гостиницы, а после приборки закусили с чаем.

Разместились след. образом: Алике, Мария и я втроем в спальне, уборная общая, в столовой — Н. Демидова, в зале — Боткин, Чемодуров и Седнев. Около подъезда комната кар. офицера. Караул помещался в двух комнатах около столовой. Чтобы идти в ванную и WC, нужно было проходить мимо часового у дверей кар. помещения. Вокруг дома стояла цепь часовых, в садике тоже.

18 апреля. Среда.

Выспались великолепно. Пили чай в 9 час. Алике осталась лежать, чтобы отдохнуть от всего перенесенного.

По случаю 1 мая слышали музыку какого-то шествия. В садик сегодня выйти не позволили! Хотелось вымыться в отличной ванне, но водопровод не действовал, а воду в бочке не могли привезти. Это скучно, так как чувство чистоплотности у меня страдало. Погода стояла чудная, солнце светило ярко, было 15° в тени, дышал воздухом в открытую форточку.

19 апреля. Четверток Великий.

День простоял отличный, ветреный, пыль носилась по всему городу, солнце жгло в окна. Утром читал книгу Алике “La sagesse et la destinee” Maeterlinck. Позже продолжал чтение Библии. Завтрак принесли поздно — в 2 часа. Затем все мы, кроме Алике, воспользовались разрешением выйти в садик на часок. Погода сделалась прохладнее, даже было несколько капель дождя. Хорошо было подышать воздухом. При звуке колоколов грустно становилось при мысли, что теперь Страстная и мы лишены возможности быть на этих чудных службах и кроме того, даже не можем поститься! До чая имел радость основательно вымыться в ванне. Ужинали в 9 час. Вечером все мы, жильцы четырех комнат, собрались в зале, где Боткин и я прочли по очереди 12 Евангелий, после чего легли.

20 апреля. Пяток Великий.

За ночь стало гораздо холоднее; вместо дождя перепал изредка снег, но стаивал сейчас же. Солнце показывалось по временам. Двое суток почему-то наш караул не сменялся. Теперь его помещение устроено в нижнем этаже, что для нас безусловно удобнее — не приходится проходить перед всеми в WC или в ванную и больше не будет пахнуть.

Обед очень запоздал из-за предпраздничного наплыва в город жизненных припасов; сели за него в 3 1/2 ч. Потом погуляли с Марией и Боткиным полчаса. Чай пили в 6 час. По утрам и вечерам, как все эти дни здесь, читал соответствующие Св. Евангелия вслух в спальне. По неясным намекам нас окружающих, можно понять, что бедный Валя не на свободе и что над ним будет произведено следствие, после которого он будет освобожден! И никакой возможности войти с ним в какое-либо сношение, как Боткин ни старался.

21 апреля. Великая Суббота.

Проснулись довольно поздно; день был серый, холодный, со снежными шквалами. Все утро читал вслух, писал по несколько строчек в письма дочерям от Алике и Марии и рисовал план этого дома. Обедали в час с 1 до 2. Погуляли 20 минут. По просьбе Боткина, к нам впустили священника и дьякона в 8 час. Они отслужили заутреню скоро и хорошо. Большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать “Христос воскрес”. Украинцев, помощник коменданта, и солдаты караула присутствовали. После службы поужинали и легли рано.

22 апреля. Светлое Христово Воскресение.

Весь вечер и часть ночи слышен был треск фейерверка, кот. пускали в разных частях города. Днем стоял мороз около 3°, и погода была серая. Утром похристосовались между собою и за чаем ели кулич и красные яйца, пасхи не могли достать [\[11\]](#).

Обедали и ужинали в свое время. Гуляли полчаса. Вечером долго беседовали с Украинцевым у Боткина.

23 апреля. Понедельник.

Встали поздно морозным серым утром. Второй раз взаперти провели именины дорогой Алике, но этот раз не всей семьей. Узнали от коменданта, что Алексей уже выходил на воздух пять дней тому назад — слава Богу!

Гуляли и при солнце и при крупе. Мороз держался около 3 — 4°. Перед обедом хотели затопить камни в столовой, но повалил такой дым, что пришлось загасить огонь, а в комнатах стало прохладно.

24 апреля. Вторник.

День стоял лучше и немного теплее. Сегодня довольствие получили из собрания, но какого, не знаю? И обед и ужин опоздали на час. Гуляли подольше, так как было солнце. Авдеев, комендант, вынул план дома, сделанный мною для детей третьего дня на письме, и взял его себе, сказав, что этого нельзя посылать! Вечером выкупался в ванне. Поиграл с Алике в безик.

25 апреля. Среда.

Встали к 9 час. Погода была немного теплее — до 5°+. Сегодня заступил караул, оригинальный и по свойству, и по одежде. В составе его было несколько бывших офицеров, и большинство солдат были латыши, одетые в разные куртки, со всевозможными головными уборами. Офицеры стояли на часах с пашками при себе и с винтовками. Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас; они разговаривали по-своему, ходили и возились между собой. До обеда я долго говорил с бывшим офицером, уроженцем Забайкалья; он рассказывал о многом интересном, также и маленький кар. начальник, стоявший тут же; этот был родом из Риги. Украинцев принес нам первую телеграмму от Ольги перед ужином. Благодаря всему этому в доме почувствовалось некоторое оживление. Кроме того, из дежур. комнаты раздавались звуки пения и игры на рояле, кот. был на днях перетащен туда из нашей залы. Еда была отличная и обильная, и попевала вовремя.

26 апреля. Четверг.

Сегодня около нас, то есть в деж. комнате и в карауле, происходило с утра какое-то большое беспокойство, все время звонил телефон. Украинцев отсутствовал весь день, хотя был дежурный. Что такое случилось, нам, конечно, не сказали; может быть, прибытие сюда какого-нибудь отряда привело здешних в смущение! Но настроение караульных было веселое и очень предупредительное. Вместо Украинцева сидел мой враг — “лупоглазый”, кот. должен был выйти гулять с нами. Он все время молчал так как с ним никто не говорил. Вечером, во время безика, он привел другого типа, обошел с ним комнаты и уехал.

27 апреля. Пятница.

В 8 1/4 должны были встать и одеться, чтобы принять вчерашнего заместителя коменданта, передавшего нас новому с добрым лицом, напоминающим художника. Утром шел густой снег, а днем вышло солнце. Гулять было хорошо. После чаю опять приехал “лупоглазый” и спрашивал каждого из нас, сколько у кого денег? Затем он попросил записать точно цифры и взял с собою лишние деньги от людей для хранения у казначея областного совета! Пренеприятная история. За вечерней игрой добрый маленький кар. начальник сидел с нами, следил за игрой и много разговаривал.

28 апреля. Суббота.

Сегодня неприятностей не было. Погода была потеплее, гуляли два раза. Познакомились с новым комендантом № 5. Получили телеграмму из Тобольска, там все хорошо, письма наши доходят. Когда они приедут сюда, не знаем. До 9 1/2 вечера ожидали ужина. Играл в безик.

29 апреля. Воскресенье.

Хорошая солнечная погода, довольно прохладная. В эту ночь караульный начальник отлучался часа на три, чтобы потанцевать на балу! Поэтому он весь день ходил смешной и сонный. Алике просидела в садике на скамейке во время нашей прогулки. Обед и ужин были принесены вовремя.

30 апреля. Понедельник.

День простоял отличный, безоблачный. Утром погуляли час. Обед бессовестно опоздал — вместо часа его принесли в 3 1/2! Поэтому вторично вышли гулять около 4 час. только. Какая-то старуха, а затем мальчик лезли к забору — смотреть нас через щель; их всячески отгоняли, но все при этом смеялись. Поганец Авдеев приходил в сад, но держался вдали. Ужинали в 8 1/2 час. Днем много читал вслух хорошие рассказы Лейкина “Неунывающие россияне”. Вечером — безик с Алике.

1 мая. Вторник.

Были обрадованы получением писем из Тобольска; я получил от Татьяны. Читали их друг у друга все утро. Погода стояла отличная, теплая. К полудню сменился караул из состава той же особой команды фронтовиков — русских и латышей. Кар. начальник — представительный молодой человек. Сегодня нам передали через Боткина, что в день гулять разрешается только час; на вопрос: почему? исп. долж. коменданта ответил: “Чтобы было похоже на тюремный режим”. Еда была вовремя. Нам купили самовар, по крайней мере, не будем зависеть от караула. Вечером во время игры имел четыре безика.

2 мая. Среда.

Применение “тюремного режима” продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, кот. смотрится в окна. Вышли гулять в 3 1/4, а в 4.10 нас погнали домой. Ни одного лишнего солдата в саду не было. Караульный начальник с нами не заговаривал, так как все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за нами, за ним и за часовыми! Погода была очень хорошая, а в комнатах стало тускло. Одна столовая выиграла, так как ковер снаружи окна сняли!

У Седнева простуда с лихорадкой.

3 мая. Четверг.

День простоял серый, но теплый. В комнатах, особенно наших двух, ощущалась сырость; воздух, входивший через форточку, был теплее комнатного. Научил Марию играть в трик-трак.

У Седнева лихорадка меньше, но он пролежал весь день. Гуляли днем ровно час. Порядок в карауле значительно прибавился, больше шляющихся в саду при нас не было. Днем получили от Эллы из Перми кофе, пасхальные яйца и шоколад. Электричество в столовой погасло, ужинали при двух свечах, вставленных в банки. В зале тоже не все горело. Принял ванну после Марии в 7 1/2 час.

4 мая. Пятница.

Целый день шел дождь. Узнали, что дети выехали из Тобольска, но когда, Авдеев не сказал. Он же днем открыл дверь в запертую комнату, предназначенную нами для Алексея. Она оказалась большою и светлее, чем мы полагали, так как имеет два окна; наша печка хорошо ее отапливает. Гуляли полчаса из-за дождя. Еда была обильная, как все это время, и попевала в свое время. Комендант, его помощ., кар. нач. и электротехники бегали по всем помещениям, исправляя провода, но тем не менее ужинали в темноте.

5 мая. Суббота.

Погода стояла сырая и дождливая. Свет в комнатах тусклый и скука невероятная! Во время игры с Марией у меня вышел настоящий трик-трак, — так же редко, как четыре безика. Гуляли полчаса днем. Ужина дожидались с 8 до 9 час. Электрическое освещение в столовой поправили, а в зале еще нет.

6 мая. Воскресенье.

Дожил до 50 лет, даже самому странно! Погода стояла чудная, как на заказ. В 11 1/2 тот же батюшка с диаконом отслужил молебен, что было очень хорошо. Прогулялся с Марией до обеда. Днем посидели час с четвертью в саду, грелись на теплом солнце. Не получаем никаких известий от детей и начинаем сомневаться, выехали ли они из Тобольска?

7 мая. Понедельник.

Спокойный день с хорошей погодой. Утром погуляли полчаса, а днем полтора. Сменился караул. Вчера начал читать вслух книгу Аверченко “Синее с золотом”. До ужина принял ванну. Вечером электр. освещение опять пошаливало; пока Седнев исправлял его, играли в безик при свете огарка в банке.

8 мая. Вторник.

Утром слышали гром, в стороне от города прошла [гроза], но у нас было несколько ливней. Читал до обеда 4-ю часть “Войны и мира”, которую не знал раньше. Погулял час с Марией. Авдеев предложил нам осмотреть две комнаты рядом со столовой; караул теперь помещен в подвальном этаже. Более получаса ожидали обед и ужин. Получили поздрав. телегр. от Ольги к 6-му мая [12].

9 мая. Среда.

Полаясный день с несколькими дождями. И Мария, и я зачитывались “Войной и миром”, а перед чаем увлекались в трик-трак. Гуляли час. Все еще не знаем, где находятся дети, и когда они все придут? Скучная неизвестность!

10 мая. Четверг.

Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем, что они приехали на станцию, и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 час. ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельн [ой] разлуки и неопределенности.

Взаимным расспросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути. За ночь выпал снег и лежал целый день. На всех прибывших с ними впустили только повара Харитонову и племянника Седнева [13]. Днем вышли минут на 20 в сад — было холодно и отчаянно грязно. До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей, но напрасно, и всем дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером, как нарочно, он ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал и мешал нам спать.

11 мая. Пятница.

С утра поджидали впуска наших людей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали ему войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате. Хотя мы все сидели вместе в спальне, я много читал; начал “Неоконченную повесть” Апухтина.

12 мая. Суббота.

Спали все хорошо, кроме Алексея, кот. вчера под вечер перенесли в его комнату. Боли у него продолжались сильные, стихая периодически.

Погода вполне соответствовала общему нашему настроению, шел мокрый снег при 3° тепла. Вели переговоры через Евг. Серг. [Боткина] с председат. областного совета о впуске к нам m-г Gilliard. Дети разбирали некоторые свои вещи после невообразимо продолжительного осмотра их в ком [ендантской] комнате. Гуляли минут 20.

Ужин опоздал почти на час.

13 мая. Воскресенье.

Спали отлично, кроме Алексея. Боли у него продолжались, но с большими промежутками. Он пролежал в кровати в нашей спальне. Службы не было. Погода была та же, снег лежал на крышах. Как все последние дни, В. Н. Деревенко приходил осматривать Алексея, сегодня его сопровождал черный господин, в кот. мы признали врача. После короткой прогулки зашли с ком. Авдеевым в сарай, в кот. свезен весь наш большой багаж. Осмотр некоторых открываемых сундуков продолжался. Начал читать сочинения Салтыкова [- Щедрина] из шкафа хозяина дома. Вечером поиграли в безик.

14 мая. Понедельник.

Погода простояла теплая. Много читал. Алексею, в общем, было полегче.

Погоуляли днем час. После чаю Седнева и Нагорного вызвали для допроса в обл. совет. Вечером продолжался осмотр вещей дочерей при них. Часовой под нашим окном выстрелил в наш дом, потому что ему показалось, будто кто-то шевелится у окна (после 10 час. вечера) — по-моему, просто баловался с винтовкой, как всегда часовые делают.

15 мая. Вторник.

Сегодня месяц нашему пребыванию здесь. Алексею все по-прежнему, только промежутки отдыха были больше. Погода была жаркая, душная, а в комнатах прохладно. Обедали в 2 часа. Гуляли и сидели в садике час с 1/4. Алике стригла мне волосы удачно.

16 мая. Среда.

День стоял отличный. Погоуляли утром и днем долго и грелись на солнце.

Алексею было лучше. Вл. Ник. [Деревенко] ему сделал гипсовую повязку. Ужинали в 8 час. при дневном свете. Алике легла пораньше из-за мигрени. О Седневе и Нагорном ни слуха, ни духа!

17 мая. Четверг.

Очень теплый день. Все утро, после уборки комнат, зачитывались книгами до обеда. Еда приходила аккуратно. Алексей был гораздо спокойнее, боли у него были только к вечеру недолго. Гуляли перед чаем. Купался до ужина.

18 мая. Пятница.

Ночью шел дождь и днем тоже. Начал читать второй том Салтыкова [-Щедрина] "Господа Головлевы". В комнатах было серо и скучно. Гуляли полчаса. Перед окнами Алексея забор еще приподняли.

19 мая. Суббота.

Погода была серая и теплая. Читал все утро. Гуляли час с минутами до чая. У Алексея болей почти не было. Зелень понемногу подвигается. Ужин опять принесли за два часа — Харитонов его разогрел к 8 час. Поиграл с Марией в трик-трак.

20 мая. Воскресенье.

В 11 час. у нас была отслужена обедница; Алексей присутствовал, лежа в кровати. Погода стояла великолепная, жаркая. Погоуляли после службы и днем до чая. Несносно сидеть так взаперти и не быть в состоянии выйти в сад, когда хочется, и провести хороший вечер на воздухе! Тюремный режим!!

21 мая. Понедельник.

Чудный теплый день. Гуляли два раза. Внизу в кар. помещении снова был выстрел; комендант пришел справиться, не прошла ли пуля через пол? У Алексея совсем не было болей; как всегда, он проводит день в постели в нашей комнате. Окончил второй том Салтыкова [-Щедрина]. Вечером играли в безик.

22 мая. Вторник.

Жара и духота в комнатах. Гуляли только днем. Около 5 часов прошла сильная гроза и другая вечером. Алексею гораздо лучше, и колено очень уменьшилось в объеме. У меня болели ноги и поясница и спал плохо..

23 мая. Среда.

Перевели часы на два часа вперед. Сегодня Алексей оделся и был вынесен на воздух парадным ходом. Погода стояла чудная. Алике и Татьяна посидели с ним полтора часа. Гуляли в садике в свое время. У меня самочувствие было кислое. Легли спать, когда еще было светло.

24 мая. Четверг.

Весь день страдал болями от гем [орроидальных] шишек, поэтому ложился на кровать, пот. что удобнее прикладывать компрессы. Алике с Алексеем пробыли полчаса на воздухе, а мы после них час.

Погода стояла чудная.

25 мая. Пятница [14].

День рождения дорогой Алике провел в кровати с сильными болями в ногах и в др. местах!

Следующие два дня стало лучше, мог есть, сидя в кресле.

28 мая. Понедельник.

Очень теплый день. В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно! Внешние отношения также за последние недели изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно!

29 мая. Вторник.

Дорогой Татьяне минул 21 год! С ночи дул сильный ветер и прямо в форточку, благодаря чему воздух в нашей спальне был, наконец, чист и довольно прохладный. Много читали. Гуляли опять в две очереди.

К завтраку Харитонов подал компот, к большой радости всех. Вечером, по обыкновению, безик.

31 мая. Вознесение.

Утром долго, но напрасно ожидали прихода священника для совершения службы: все были заняты по церквам. Днем нас почему-то не выпускали в сад. Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евг. Серг. [Боткиным]. По его словам, он и областной совет опасаются выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно — в Москву! Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания чинов караула, по особой просьбе Авдеева.

Около 11 час. вечера он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на 1-е июня мы остались по бивачному ничего не раскладывая.

Погода простояла хорошая; прогулка состоялась, как всегда, в две очереди. Наконец, после ужина Авдеев, слегка навеселе, объявил Боткину, что анархисты схвачены и что опасность миновала и наш отъезд отменен! После всех приготовлений даже скучно стало! Вечером поиграли в безик.

3 июня. Воскресенье.

Опять службы у нас не было. Всю эту неделю читал и сегодня окончил историю “Имп. Павла I” Шильдера — очень интересно.

Все поджидаем Седнева и Нагорного, кот. нам обещали впустить сегодня.

5 июня. Вторник.

Дорогой Анастасии минуло уже 17 лет. Жара и снаружи и внутри была великая. Продолжаю чтение Салтыкова [-Щедрина] III тома — занимательно и умно!

Гуляли всей семьей перед чаем. Со вчерашнего Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб! Недурно!

9 июня. Суббота.

Последние дни погода стояла чудная, но очень жаркая; в наших комнатах духота была большая. Особенно по ночам. По письменной просьбе Боткина, нам разрешили полтора часовые прогулки. Сегодня во время чая вошло б человек, вероятно — областного совета, посмотреть, какие окна открыть? Разрешение этого вопроса длится около двух недель! Часто приходили разные субъекты и молча при нас оглядывали окна.

Аромат от всех садов в городе удивительный.

10 июня. Троицын день.

Ознаменовался разными событиями: у нас утром открыли одно окно, Евг. Серг. [Боткин] заболел почками и очень страдал, в 11 1/2 была отслужена настоящая обедня и вечерня, и в конце дня Алике и Алексей ужинали с нами в столовой. Кроме того, гуляли два часа! День стоял великолепный. Оказывается, что вчерашние посетители были народные комиссары из Петрограда. Воздух в комнате стал чистый, а к вечеру даже и прохладнее.

14 июня. Четверг.

Нашей дорогой Марии минуло 19 лет. Погода стояла та же тропическая, 26° в тени, а в комнатах 24°, даже трудно выдержать! Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые... [\[15\]](#).

Все это произошло от того, что на-днях мы получили два письма, одно за другим, в кот. нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми!

Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны.

21 июня. Четверг.

Сегодня произошла смена комендантов — во время обеда пришли Белобородов и др. и объявили, что вместо Авдеева назначается тот, кот. мы принимали за доктора — Юровский. Днем до чая он с своим помощником составляли опись золотым вещам — нашим и детей; большую часть (кольца, браслеты и пр.) они взяли с собой. Объяснили тем, что случилась неприятная история в нашем доме, упомянули о пропаже наших предметов. Так что убеждение, о кот. я писал 28 мая, подтвердилось. Жаль Авдеева, но он виноват в том, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сарае.

23 июня. Суббота.

Вчера комендант Ю[ровский] принес ящичек со всеми взятыми драгоценностями, просил проверить содержимое и при нас запечатал его, оставив у нас на хранение. Погода стала прохладнее, и в спальне легче дышалось. Ю[ровский] и его помощник начинают понимать, какого рода люди окружали и охраняли нас, обворовывая нас.

Не говоря об имуществе — они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнали об этом, пот. что все количество провизии стало попадать на кухню.

Все эти дни, по обыкновению, много читал; сегодня начал VII том Салтыкова [-Щедрина]. Очень нравятся мне его повести, рассказы и статьи.

День был дождливый, погуляли полтора часа и воротились домой сухими.

25 июня. Понедельник.

Наша жизнь нисколько не изменилась при Ю[ровском]. Он приходит в спальню проверять целостность печати на коробке и заглядывает в открытое окно. Сегодня все утро и до 4 час. проверяли и исправляли электр. освещение. Внутри дома на часах стоят нов. латыши, а снаружи остались те же — частью солдаты, частью рабочие! По слухам, некоторые из авдеевцев сидят уже под арестом!

Дверь в сарай с нашим багажом запечатана. Если бы это было сделано месяц тому назад!

Ночью была гроза, и стало еще прохладнее.

28 июня. Четверг.

Утром около 10 1/2 час. к открытому окну подошло трое рабочих, подняли тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы — без предупреждения со стороны Ю [ровского]. Этот тип нам нравится все менее!

Начал читать VIII том Салтыкова [-Щедрина].

30 июня. Суббота.

Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем.

№5

**Из дневника Александры Федоровны
г. Екатеринбург, дом Ипатьева
май — июль 1918 г.**

1 мая [16]

Среда. ...Оставалась в постели из-за болей в сердце, чувствовала усталость и головную боль. Остальным принесли суп и яйца. У меня было немного хорошего хлеба. Мария читала мне “Духовное Чтение”. ...

2 мая

Четверг. ...N. [17] читал нам в течение дня Евангелие. Солдаты выпили всю воду из самовара. Принесла воду для чая. Немного заболело сердце. Написала открытки. Мария убрала мои волосы. Оставалась в постели в домашнем халате. Ужин. Мы все семеро сидели вместе. N. и E. С. [Боткин] обменивались мыслями о прочитанной 12-й главе Евангелия. Написала детям.

3 мая

Пятница. ...M. читал нам обоим Евангелие и Книгу Иова. Оделась в 1/2 и оставалась в своей постели в домашнем халате. Наконец-то принесли завтрак. Чай. Остальные гуляли в течение 1/2 часа. N. читал нам “Великое в Малом”, а затем в течение вечера Евангелие. Принесли ужин. Седнев приготовил мне вермишель. Написала детям.

4 мая

Суббота. ...Написала детям в восьмой раз. N. читал нам Евангелие и книгу. Им принесли завтрак N. принял ванну. Седнев снова приготовил для меня вермишель. Приняла ванну. Нюта тоже. Снова легла. Написала

детям. Остальные вышли на 20 минут. ...Священник и Дьякон пришли и служили заутреннюю — солдаты охраны тоже пришли.

5 мая

Воскресенье. ...Седнев приготовил нам завтрак, разогрел вчерашнюю еду, я тоже встала и затем прилегла снова. Написала детям. Остальные немного погуляли. ...N. читал вечернее Евангелие нам. Ужин. Ужинала со всеми вместе. Он сидел в комнате Е. С. [Боткина] в течение часа...

9 мая

Четверг. Написала в 14-й раз детям. Солнце и облака. Продолжаю спать плохо и испытываю головные боли. ...Каждое утро мы должны вставать с кровати к приходу Начальника Караула и Коменданта, которые заходят к нам, если мы еще в постелях. Седн [ев] приготовил нам вермишель. Наконец остальным принесли их еду. Мария и Нюта вымыли мои волосы...

10 мая

Пятница. Нам сказали, что мы должны вставать, когда Комендант желает нас видеть перед сменой караула в 1/4 часа и осмотреть комнаты. Вчера они сменялись три раза.

...Снова пришли люди, чтобы на этот раз спросить сколько у нас всех имеется денег (мы сказали сколько), и все должны были переписать ценности и сдать их в Совет на хранение... Играли в карты в комнате Е. С. [Боткина] и разговаривала с начальником Караула.

12 мая

Воскресенье. ...Написала открытку детям. Только что принесли наш чай. Голова вновь продолжает болеть и сплю очень мало.

14 мая

Вторник. ...Теперь нам позволили бывать на воздухе только по 1/2 часа дважды в день. N. читал нам, играли в карты с М [арией]. Чай. N. снова читал. Ужин. Карты. Охрана сменилась после недели дежурств.

15 мая

Среда. ...Им было сказано не выходить из дома этим утром. Старик покрасил белой краской все окна снаружи, так что только сверху можно видеть кусочек неба, и это выглядит, будто мы в толстом слое тумана, не совсем уютно. Завтракала. Седн [ев] чувствует себя плохо и хрипит. N. читал нам. Нам было позволено выйти в сад на час. N. снова читал, мы раскладывали пасьянсы. ...Ужин. Карты. [У] Седнева инфл[юэнция] [температура] 38,6.

16 мая

Четверг. ...Ужин, 3 свечи в стаканах. Карты — при свете одной свечи. Седн [ев] наполовину выздоровел. Получили кофе и шоколад от Эллы. Она была удалена из Москвы и находится в Перми (мы читали в газетах).

17 мая

Пятница. Большая духота, чашка кофе... Сегодня 3 недели, как мы покинули Тобольск. М[ария] написала 22-й раз детям — и Элле, и Зиночке (не отправила их)... Слышали, что дети уже едут. ...Снова ужин при свете свечи. Карты.

19 мая

Воскресенье. ...Ужин. Не могли выяснить, выехали ли дети или нет — не получали никаких писем ни от кого. Карты.

20 мая

Понедельник. Впервые завтрак был принесен пунктуально. Караул и Начальник Караула сменились после недели дежурств. Сидела снаружи свыше часа. ...Играли в карты, почти все время при свете свечи, поскольку электричество в моей комнате не включается. Комендант соскреб краску, закрывающую термометр, поэтому снег[...] снова можно видеть показания в градусах. Неделю никаких вестей от детей.

21 мая

Вторник. ...Слышали, что дети приезжают, вероятно, завтра или в четверг. Нам дали комнату для Бэби... [\[18\]](#)
1

22 мая

Среда. ...Сидела снаружи в течение часа. Чай. N. читал нам. Никаких вестей о детях...

24 мая

Пятница. Бэби и я ели в своей спальне — Его боли то усиливаются, то ослабевают. Завтракали в 2 [часа]. Влад[имир] Ник [олаевич] [\[19\]](#) пришел повидать Бэби и сменить его компрессы, но в присутствии Авдеева, поэтому он не мог сказать ни слова. Чемодуров покинул нас, так как чувствовал себя плохо...

25 мая

Суббота. ...Вл[адимир] Николаевич пришел с Авд[еевым] и Коменд [антом]. 4 человека из комитета позже осматривали внутри. Они осматривали принесенные вещи детей, только необходимые дорожные чемоданы занесены наверх...

26 мая

Воскресенье. Все покрыто снегом, сияет. У Бэби опять была плохая ночь, но день он провел получше. Несколько раз прогревался синим светом, поел немного больше. Он лежал в нашей комнате целый день. Завтрак опять был принесен поздно. Остальные вышли немного погулять.

27 мая.

Понедельник. ...Бэби снова провел плохую ночь, Е. С. [Боткин] сидел наверху часть ночи, чтобы дать Нагорному поспать... Бэби провел день в моей комнате. Вл [адимир] Ник [олаевич] не пришел, не знаю почему... В 6 1/2 Седн[ева] и Нагори [ого] забрали, причины не знаю. Остальные играли в карты с Бэби. В целом получше, хотя временами сильные боли. Евг[ений] Серг[еевич] провел ночь с Бэби.

28 мая

Вторник. ...Вл [адимир] Николаевич пришел наконец, не могла говорить с ним, так как Авд[еев] всегда присутствует. Я спросила, когда наконец Наг[орному] позволят прийти снова, поскольку не знаю, как мы будем обходиться без него — Авд [еев] отвечает, что не знает — боится, что не увидим ни его, ни Седн[ева] снова. Бэби сильно мучился какое-то время...

29 мая

Среда. ...Бэби и я завтракали в его комнате, а затем он пришел в нашу комнату, поспал немного до того, как пришел Вл [адимир] Ник [олаевич] (и новый комендант) положил ему половину пластыря парижской шины...

31 мая

Пятница. Ночь у Бэби прошла так же. [Температура] 36,9 1/2. Я оставалась в постели, так как чувствовала сильное головокружение и боли в глазах... Сильно стучали молотками делая деревянную бадью перед окном Бэби В[ладимир] Николаевич не был допущен, так как Авд[еева] тогда не было. ...После ужина Бэби отнесли в его комнату, у него были легкие судороги в колене опять.

1 июня

Суббота. ...Я провела день в постели, чувствовала себя слабой, тошнило, кружилась голова. [У] Бэби [температура] 37,6. Пospал немного днем. Вл[адимир] Николаевич и Авд[еев] пришли. После ужина Бэби отнесли в его комнату. У него немного болела голова, но он быстро заснул...

3 июня

Понедельник. Бэби хорошо провел ночь. [Температура] 36,5, его отнесли в нашу комнату до 11 [часов]. Завтрак принесли только в 2 [часа]. ...Вл[адимира] Ник [олаевича] не допустили к нам, так как Авд[еева] не было... Я играла в безик с N. и пошла спать в 10 [часов].

4 июня

Вторник. Бэби спал хорошо, но похуже чем за ночь до этого. Прекрасное, ясное утро. Бэби провел день в моей комнате — аппетит по-прежнему плохой... Вл[адимир] Николаевич и Авдеев пришли в 7 часов. Колено много менее опухшее (3 см), его можно будет вынести завтра. Я приняла ванну в 10 [часов]. ...Комитет не дал разрешения для Алексея пока он болен, чтобы выходить одному так долго, как ему нравится, но мы все по-прежнему можем выходить только на час!!

5 июня

Среда. ...Бэби спалось плохо, нога болела, вероятно, больше, потому что Вл[адимир] Николаевич освободил ее вчера от шины... Евг[ений] Серг[еевич] вынесил его на воздух перед домом и сажал его в мое кресло-каталку, а Татьяна и я сидели с ним на солнце перед входом, рядом со строящейся бадьей. Он вернулся в постель, когда нога заболела, во многом от одевания и переноски... Перед всеми нашими окнами к забору прибавляют еще более высокие доски, так что можно видеть не более чем верхушки деревьев — зато можно будет убрать двойные окна, и наконец мы их сможем открывать. Остальные вышли погулять. Вл[адимир] Николаевич и Авд[еев] пришли, снова приложили ему пластырь парижской шины, так как колено опухло больше и так же болит снова.

6 июня

Четверг. М[ария] выносила Бэби на воздух и сажала его в мое плетеное длинное кресло на полчаса. О[льга] и я сидели с ним, а после И. и остальные трое выходили в сад Очень жарко, ужасно душно в комнатах. Вл[адимир] Николаевич не пришел.

7 июня

Пятница. ...N. остается весь день в кровати, так как спал плохо две ночи от болей... Завтрак принесли в 2 1/4. N. и Ал[ексей] завтракали в кровати в нашей комнате. ...В полдень они немного поспали. N. [температура] 37,3 Ал[ексей] [температура] 36,7. Вл[адимир] Ник[олаевич] снова не пришел. N. чувствовал себя много лучше к вечеру, посидел немного — N. — [температура] 34, 1/2. N. начал принимать йод 5 гр. Татьяна начала читать вслух Алексею “Крестоносцев” Сенкевича.

8 июня

Суббота. N. спал очень хорошо, не просыпаясь. Температура 36,6. Бэби спал прекрасно... Завтрак. N. сидел до 2 и затем лег снова. [Температура] 37,2. Ал[ексей] температура 36,1. ...Владимир] Ник [олаевич] снова не пришел, они говорят, будто в его доме была скарлатина и что он не может прийти до четверга... Играли в

безик с N., его темп [ература] 37,2. Большая суета происходит вокруг нас сегодня, так как 3 дня не давали нам никаких газет для чтения; а ночами было много шума.

9 июня

Воскресенье. Прекрасная погода. N. [температура] 36,1. N. оделся и встал. Бэби спал хорошо...

11 июня

Вторник. Завтрак был принесен. Харитонов приготовил нам картофель, ветчину и компот. Татьяна читала Бэби и мне.

12 июня

Среда. ...Вл[адимир] Ник [олаевич] пришел с Авд[еевым], но не притронулся к Бэби, так как боится делать это до того, как кончится его карантин.

13 июня

Четверг. ...Они сказали, что ни один священник не может прийти, когда такой великий праздник!! Принесли завтрак. Остальным сказали, что гулять нельзя. Авд[еев] пришел и сказал нам упаковывать вещи, так как, возможно, мы должны будем уехать в любой момент. Провели остаток дня и весь вечер в сборах. В полдень Авд[еев] снова пришел и сказал, что мы не должны будем уехать раньше, чем через несколько дней. Обещал нам Седнева и Нагорного на воскресенье, а Вл[адимира] Ник [олаевича] для поездки. Сказал, что остальные наши и Валя уехали три дня назад в Тобольск.

14 июня

Пятница. ...Вл[адимир] Ник [олаевич] и Авд[еев] пришли. Ужин, я затем Бэби унесла в его комнату. Теперь, как они сказали, мы останемся здесь, и что им удалось захватить лидера анархистов, их типография разгромлена...

16 июня

Воскресенье. ...Сидела на воздухе с Бэби, О[льгой] и Татьяной]. Татьяна читала нам. Завтракали. Работала (плела кружева)...

17 июня

Понедельник. Великолепная погода. ...Сидела на воздухе с Бэ-би, Т[атьяной] и ан [астасией]. Завтрак, приготовленный Харитоновым, — теперь он должен готовить нам пищу. Работала, очень жарко, душно, так как окна не открываются и повсюду сильные запахи кухни — Бэби в моем кресле-каталке ездит по комнатам. Человек пришел с Авд[еевым] осмотреть окна. Вл[адимир] Ник [олаевич] и Авд [еев] пришли. Ужин. Наблюдала за Харитоновым, готовящимся к выпечке хлеба...

18 июня

Вторник. Прекрасная погода. Дети продолжали катать тесто и делать хлебцы — а теперь выпекать их. ...Завтракала. Отличный хлеб. Выкатила Бэби в сад, и мы все сидели там в течение часа... Хорошие новости, теперь будут присылать молоко и яйца для Алексея и для нас, и сметану.

20 июня

Четверг. ...Завтрак. Харитонов приготовил макароны, пирог для остальных (и для меня), так как никакого мяса не принесли. Я подстригла волосы N. Мы все вышли на час в сад. Вл[адимир] Ник [олаевич] пришел. Чай. Играли в карты, работали. Т[атьяна] читала мне “Духовное Чтение”. Я приняла сидячую ванну, так как смогли принести горячую воду только для нашей кухни. 4 недели, как приехали дети.

21 июня

Пятница. Славная погода. Оделась пораньше, так как пришли 6 женщин вымыть полы во всех наших комнатах. После этого Бэби перебрался к нам. Работала. Завтрак. Т[атьяна] читала мне “Духовное Чтение”. Учила Т[атьяну] делать кружева. Н. читал Бэби “Морские рассказы”... Вл[адимир] Ник [олаевич] (был без Авд[еева], поэтому невозможно было сказать ему ни одного слова) пришел и сделал электрофорез на ногу Бэби. Его левая рука снова опухла...

22 июня

Суббота. ...Люди (вероятно, из Комитета) пришли снова осмотреть окна.

23 июня

Воскресенье. Славная погода. Пошла с Т[атьяной] к Е. С. [Боткину], у которого были колики почек, и она сделала ему инъекцию морфия. Страдает очень сильно... Двое солдат пришли и вынули одну из оконных рам в нашей комнате, такой, кстати, чудесный воздух наконец, и одно окно больше не закрашено белой краской. Устроили большое моление настоящей обедни и вечерней, первое массовое спустя 3 месяца — просто за столом со всеми нашими Образами и с множеством березовых скамеек — первый старый священник исполнял службу.

24 июня

Понедельник. Окно открыто всю ночь, хороший воздух, но так шумно, в комнате [температура] 19 1/2. Бэби с утра раскатывал.

Е. С. [Боткин] спал хорошо, лучше. ...Утром все и Бэби вышли на воздух на полчаса, Е. С. [Боткин] остался в постели... Все вышли на воздух, только Мария осталась со мной, я лежала около нашего окна, читала, а она раскладывала карты у его кровати, Вл[адимир] Ник [олаевич] пришел. Обедала со всеми. Массажировала ногу Бэби и положила на нее компресс, Та[тьяна] ночевала с ним...

25 июня

Вторник. В 8 1/2 [температура] 16 град в тени, 21 град в комнате. Бэби спал хорошо, его катали по всем комнатам. Е. С. [Боткин] спал хорошо, еще в постели, так как чувствует слабость и все свои боли, когда встает 1 ч. Завтрак. Все вышли на воздух. Т[атьяна] осталась со мной, читала “Духовное Чтение”... 8 ч. Ужин.

27 июня

Четверг. Ранним утром температура 22 град в комнате. Прибирала вещи целый день, плела кружева, Е. С. [Боткин] сидел со мной часто, поскольку может присаживаться теперь. Бэби катался. Завтракали. Затем остальные пошли гулять, Ольга осталась со мной...

28 июня

Пятница. ...Мы слышали, как постовым, охранявшим наши комнаты, было совершенно особо указано наблюдать за каждым движением в нашем окне — они снова стали крайне подозрительны, так как наше окно открыто, и не разрешают никому сидеть на подоконнике даже теперь.

29 июня

Суббота. Снова очень жаркий день. Плела кружева, прибирала вещи. Урывками спала. Завтракали. Остальные выходили гулять, Мария оставалась со мной. Занималась лечением Е. С. [Боткина]...

30 июня

Воскресенье. Спала едва ли 4 часа, так как караульные сильно шумели. Увы, нельзя воспользоваться прислугой. Прибирала вещи, плела кружева, сердце болело...

2 июля

Вторник. ...Теперь Авд [еев] должен приходить утром и вечером, чтобы проверять, все ли мы на месте. Сегодня днем пришел спросить, действительно ли я не выхожу по состоянию здоровья, кажется, комитет не будет это истолковывать превратно.

3 июля

Среда. ...Бэби начинает делать движения своей ногой. Очень жарко. Душно. Перед ужином М[ария] и Нюта вымыли мне голову. Я приняла ванну...

4 июля

Четверг. ...Во время завтрака пришел пред [седатель] областного] Ком [итета] с несколькими людьми. Авдеева заменяют и назначен новый Комендант (который приходил однажды посмотреть на ногу Бэби, а другой раз — наши комнаты) с молодым помощником, который выглядит приличным, тогда как другой вульгарен и неприятен. Вся наша внутренняя охрана отставлена (вероятно, кто-то узнал, что они воровали наши вещи из кладовой). Двое человек затем заставили нас показать все наши драгоценности, которые мы имели с собой, и затем переписали их детально и забрали у нас (куда, насколько, почему?? не знаю). Оставили мне только два моих браслета, которые я не могла снять, и детям по одному браслету каждой, которые мы дарили и которые нельзя было снять, не забрали также обручальное кольцо N., которое нельзя было снять. Поэтому остальные вышли погулять только с б — 7. О[льга] осталась со мной...

5 июля

Пятница. Провели день как обычно. Коменд[ант] пришел с нашими драгоценностями, в нашем присутствии их запечатал и оставил на столе и будет приходить каждый день, чтобы удостовериться, что мы не вскрывали пакет.

6 июля

Суббота. ...Две женщины пришли и вымыли полы. Остальные гуляли в полдень, Анастасия оставалась со мной. Играла в карты с Бэби и Евг[ением] Сергеевичем] после чая. Коменд[ант] принес N. его часы в кожаном кейсе, которые он оформил в столовой, украдены из чемодана N. Играла в безик. Приняла ванну. Коменд[анта] зовут Юровский.

7 июля

Воскресенье. Прелестное утро, на солнце вполне тепло, в тени только 0 град и 8 1/2. Провели день как обычно. Днем я выходила погулять с другими в первый раз, так как хорошее время, приятный воздух, не слишком жарко. Утром Е. С. [Боткин] выходил на воздух первый раз...

8 июля

Понедельник. Прохладнее. Ничего особенного не произошло. Остальные выходили гулять в течение 1/2 утром и 1 1/2 в полдень, М[ария] оставалась в доме со мной. ...Завтракали только в 1 1/2, потому что они налаживали электричество в наших комнатах, Т[атьяна] убрала мои волосы, пока они работали. По-прежнему нет Вл[адимира] Николаевича], хотя мы ежедневно спрашиваем о нем. Бэби ест хорошо и носить его становится уже тяжело... Они хотят вернуть нам Нагорного опять...

9 июля

Вторник. День прошел как обычно. Они выходили гулять дважды, О[льга] оставалась со мной... По-прежнему нет Вл[адимира] Ник [олаевича]. Плела кружева, раскладывала пасьянс, не могла читать больше 5 м[ин]. из-за глаз, которые еще болят...

10 июля

Среда. ...2 дня у остальных не было мяса и жили на оставшиеся у Харитонова тобольские припасы провизии. Приняла ванну. Безик. Они по-прежнему находят оправдания не присылать Вл[адимира] Ник [олаевича].

11 июля

Четверг. ...Внезапно снаружи появились рабочие и стали ставить железную ограду перед нашим единственным открытым окном! Всегда испуганы, кто-нибудь перелезет или вступит в контакт с караулом...

12 июля

Пятница. ...Каждый день одна из девочек читает мне “Духовное Чтение”, то есть “Полный Годичный Круг Кратких изучении сост [авленных] на каждый день года” (трак. Дьяченко). Постоянно слышно, как проезжает артиллерия, проходят пехота и кавалерия в течение этой недели. Также войска, марширующие с музыкой, — дважды это, кажется, были австрийские пленные, которые выступают против чехов, тоже наших бывших пленных, которые с войсками идут через Сибирь и находятся недалеко отсюда. Раненые ежедневно прибывают в город.

13 июля

Суббота. ...Кто-то сказал, что Нагорный и Седнев отправлены из этой губернии вместо того, чтобы вернуть их к нам. В 6 1/2 Бэби принял свою первую ванну после Тобольска. Он ухитрился влезть и вылезти в одиночку, также сам взбирался на кровать и слезал с нее, но может стоять только на 1 ноге по-прежнему... Слышала три револьверных выстрела в ночи.

15 июля

Понедельник. ...Завтракала на кушетке в большой комнате, так как женщины пришли мыть полы, затем снова лежала в кровати и читала с Марией И. Сирах. 26 — 31. ...Слышала отзвуки артиллерийского выстрела ночью и несколько револьверных выстрелов.

16 июля

Вторник. ...Каждое утро Коменд[ант] приходит в наши комнаты. Наконец по прошествии недели снова принесли яйца для Бэби. ...Внезапно прислали за Ленькой Седневым, чтобы он пошел и попроведовал своего дядю, и он поспешно убежал, гадаем, правда ли все это и увидим ли мы мальчика снова...

ГАРФ. ф. 640. Оп. 1. Д. 326. Л. 55 — 93.

№6

Телеграфное сообщение исполкома Уралоблсовета Председателю Совнаркома В. И. Ленину и Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову

17 июля 1918 г.

У аппарата президиум областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбург и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи. Документы в наших руках. По постановлению президиума областного Совета в ночь на шестнадцатое [20] июля расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: “Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его и его самого [21] и найден [ные] компрометирующие документы будут опубликованы), президиум областного Совета,

исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова в ночь на 16 июля 1918 года. Приговор этот приведен в исполнение. Семья Романова содержится [22] вместе с ним под стражей, в интересах охраны общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбурга. Президиум областного Совета”. Просим ваших санкций на редакцию данного [документа]. Документы заговора высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК. Извещения ожидаем у аппарата. Просим дать ответ экстренно. Ждем у аппарата.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 35. Л. 8 — 9.

№ 7

Выписка из протокола № 1 заседания Президиума ВЦИК по поводу расстрела Николая II

18 июля 1918 г.

Слушали: Сообщение об расстреле Николая Романова. (Телеграмма из Екатеринбурга.)

Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция: ВЦИК, в лице своего президиума, признает решение Уральского областного Совета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся в ЦИК документах (дневник, письма и т. п.) бывшего царя Николая Романова. Поручить тов. Свердлову составить особую комиссию для разбора этих бумаг и их публикации.

Председатель ВЦИК
Секретарь ВЦИК
В. Аванесов
Помета: “т. Свердлову”.

ГАРФ. Оп. 2. Д. 35. Л. 14.

№8

Из протокола № 159 заседания Совета Народных Комиссаров о расстреле царской семьи

18 июля 1918 г.

Председательствует: Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Присутствуют: Гуковский, В. М. Бонч-Бруевич, Петровский, Семашко, Винокуров, Соловьев, Козловский, Галкин, Смирнов, Дауге, Свидерский, Правдин, Троцкий, Попов, Альтфатер, Стучка, Рыков, Ногин, Склянский, Пестковский, Невский, Серeda, Подбельский, Скорняков, Юрьев, Брюханов, Николаев, Милютин, Попов (статистик), профессор Сиринов (к пункту 8), Чичерин, Карахан.

Слушали: 3. Внеочередное заявление Председателя ЦИК тов. Свердлова о казни бывшего царя Николая II по приговору Екатеринбургского Совета и о состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ЦИК...

Постановили: Принять к сведению...

№ 9

Из рассказа Я. М. Юровского о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске

1 февраля 1934 г.

...Предполагалось, что если бы время позволило, был бы организован суд над ними. Но как выше уже было сказано, что фронт с начала июля приближался все ближе и ближе, и, наконец, уже находился в 35 — 40 верстах, это неизбежно приближало и развязку.

Постольку, поскольку это являлось тогда вопросом большой политической важности и без разрешения центра не мог быть разрешен, а так как и положение фронта также зависело не только от Урала, а от возможностей центра (ведь к этому времени централизация Красной Армии все больше и больше концентрировалась [23]). Связь и разговоры по этому вопросу с центром не прекращались. Примерно числа 10-го июля уже было решение на тот случай, что если б оставление Екатеринбурга стало неизбежным. Ведь только этим и можно объяснить, что казнь без суда была дотянута до 16-го июля, а Екатеринбург был окончательно оставлен 25 — 26 июля, причем эвакуация Екатеринбурга была проведена в полном, так сказать, порядке и своевременно. Примерно того же 10-го, 11-го июля мне Филипп [Голощекин] сказал, что Николая нужно будет ликвидировать, что к этому надо готовиться.

По части методов ликвидации мы ведь опыта таких дел не имели, так как такими делами до этого не занимались, и поэтому немудрено, что тут было немало и спешного в проведении этого дела, особенно еще и потому, конечно, что всякие опасности и близость фронта усугубляли дело. Он мне сказал: отдельные товарищи думают, чтоб провести это более надежно и бесшумно, надо проделать это ночью, прямо в постелях, когда они спят. Мне показалось это неудобным и сказал, что мы подумаем, как это сделать, и приготовимся.

15-го июля утром приехал Филипп [Голощекин] и сказал, что завтра надо дело ликвидировать. Поваренка Седнева (мальчик лет 13-ти) убрать и отправить его на бывшую родину или, вообще, в центр РСФСР. Также было сказано, что Николая мы казним и официально объявим, а что касается семьи, тут, может быть, будет объявлена [24], но как, когда и каким порядком, об этом пока никто не знает. Значит, все требовало сугубой осторожности, возможно меньше людей, причем абсолютно надежных.

15-го же я приступил к подготовке, так как надо было это сделать все быстро. Я решил взять столько же людей, сколько было расстреливаемых, всех их собрал, сказав в чем дело, что надо всем к этому подготовиться, что как только получим окончательные указания, нужно будет умело все провести. Нужно ведь сказать, что заниматься расстрелами людей ведь дело вовсе не такое легкое, как некоторым это может казаться. Это ведь не на фронте происходит, а, так сказать, в “мирной” обстановке. Тут ведь были не просто кровожадные люди, а люди, выполнявшие тяжелый долг революции. Вот почему не случайно произошло такое обстоятельство, что в последний момент двое из латышей отказались — не выдержали характера.

16-го утром я отправил под предлогом свидания с приехавшим в Свердловск дядей мальчика-поваренка Седнева. Это вызвало беспокойство арестованных. Неизменный посредник Боткин, а потом и кто-то из дочерей справлялись, куда и зачем, надолго увели Седнева. Алексей-де за ним скучает. Получив объяснение, они уходили как бы успокоенные. Приготовил 12 наганов, распределил, кто кого будет расстреливать. Тов. Филипп [Голощекин] предупредил меня, что в 12-ть часов ночи приедет грузовик, приехавшие скажут пароль, их пропустить и им сдать трупы, которые ими будут увезены, чтоб похоронить. Часов в 11-ть вечера 16-го я собрал снова людей, раздал наганы и объявил, что скоро мы должны приступить к ликвидации арестованных. Павла Медведева предупредил о тщательной проверке караула снаружи и внутри, о том, чтобы он и разводящий все время наблюдали сами в районе дома и дома, где помещалась наружная охрана, и чтобы держали связь со мной. И, что уже только в последний момент, когда все будет готово к расстрелу, предупредить как часовых всех, так и остальную часть команды, что если из дома будут слышны выстрелы, чтобы не беспокоились и не выходили из помещения и, что уж если что особенно будет беспокоить, то дать знать мне через установленную связь.

Только в половине второго явился грузовик, время лишнего ожидания не могло уже не содействовать некоторой тревожности, ожидание вообще, а главное, ночи-то короткие. Только по прибытии или после телефонных звонков, что выехали, я пошел будить арестованных.

Боткин спал в ближайшей от входа комнате, он вышел, спросил в чем дело, я ему сказал, что нужно сейчас же разбудить всех, так как в городе тревожно и им оставаться здесь вверху опасно, и что я их переведу в другое место. Сборы заняли много времени, примерно минут 40. Когда семья оделась, я повел их в заранее намеченную комнату, внизу дома. Этот план мы, очевидно, продумали с т. Никулиным (тут надо сказать, что не подумали своевременно о том, что окна шум пропустят, и второе — что стенка, у которой будут поставлены расстреливаемые, — каменная и, наконец, третье — чего нельзя было предусмотреть, это то, что стрельба примет беспорядочный характер. Этого последнего не должно было быть потому, что каждый будет расстреливать одного человека я, что все, следовательно, будет в порядке. Причины последнего, то есть безалаберной стрельбы, выяснились позже. Хотя я их предупредил через Боткина, что им с собой брать ничего не надо, они, однако, набрали какую-то разную мелочь, подушки, сумочки и т. д. и, кажется, маленькую собачку.

Спустившись в комнату (тут при входе в комнату справа очень широкое, чуть не во всю стену окно), я им предложил встать по стенке. Очевидно, они еще в этот момент ничего себе не представляли, что их ожидает. Александра Федоровна сказала: “Здесь даже стульев нет”. Алексея нес на руках Николай. Он с ним так и стоял в комнате. Тогда я велел принести пару стульев, на одном из которых по правой стороне от входа к окну почти в угол села Александра Федоровна. Рядом с ней, по направлению к левой стороне от входа, встали дочери и Демидова. Тут посадили рядом на кресле Алексея, за ним шли доктор Боткин, повар и другие, а Николай остался стоять против Алексея. Одновременно я распорядился, чтобы спустились люди, и велел, чтобы все были готовы и чтобы каждый, когда будет подана команда, был на своем месте. Николай, посадив Алексея, встал так, что собою его загородил. Сидел Алексей в левом от входа углу комнаты, и я тут же, насколько помню, сказал Николаю примерно следующее, что его царственные родственники и близкие как в стране, так и за границей, пытались его освободить, а что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил: “Что?” и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Он так и не успел повернуться лицом к нам, чтобы получить ответ. Тут вместо порядка началась беспорядочная стрельба. Комната, хотя и очень маленькая, все, однако, могли бы войти в комнату и провести расстрел в порядке. Но многие, очевидно, стреляли через порог, так как стенка каменная, то пули стали лететь рикошетом, причем пальба усилилась, когда поднялся крик расстреливаемых. Мне с большим трудом удалось стрельбу приостановить. Пуля кого-то из стрелявших сзади прожужжала мимо моей головы, а одному, не помню не то руку, ладонь, не то палец задела и прострелила. Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а также Алексей были живы. Я подумал, что они попадали от страха или, может быть, намеренно, и потому еще живы. Тогда приступили достреливать (чтобы было поменьше крови, я заранее предложил стрелять в область сердца). Алексей так и остался сидеть окаменевши, я его пристрелил. А [в] дочерей стреляли, но ничего не выходило, тогда Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову. Причину того, что расстрел дочерей и Александры Федоровны был затруднен, я выяснил уже только в лесу.

Покончив с расстрелом, нужно было переносить трупы, а путь сравнительно длинный, как переносить? Тут кто-то догадался о носилках (вовремя не догадались), взяли из саней оглобли и натянули, кажется, простыню. Проверив, все ли мертвы, приступили к переноске. Тут обнаружилось, что будут везде следы крови. Я тут же велел взять имевшееся солдатское сукно, положили кусок в носилки, а затем выстелили сукном грузовик. Принимать трупы я поручил Михаилу Медведеву, это бывший чекист и в настоящее время работник ГПУ. Это он вместе с Ермаковым Петром Захаровичем должен был принять и увезти трупы. Когда унесли первые трупы, то мне, точно не помню кто, сказал, что кто-то присвоил себе какие-то ценности. Тогда я понял, что, очевидно, в вещах, ими принесенных, имелись ценности. Я сейчас же приостановил переноску, собрал людей и потребовал сдать взятые ценности. После некоторого запирательства двое, взявших их ценности, вернули. Пригрозив расстрелом тем, кто будет мародерствовать, этих двоих отстранил и сопровождать переноску трупов поручил, насколько помню, тов. Никулину, предупредив о наличии у расстрелянных ценностей. Собрав предварительно все, что оказалось в тех или иных вещах, которые были ими захвачены, а также и сами вещи, отправил в комендатуру. Тов. Филипп [Голощекин], очевидно, щадя меня (так как я здоровьем не отличался), предупредил меня, чтоб не ездил на “похороны”, но меня очень беспокоило, как хорошо будут скрыты трупы. Поэтому я решил поехать сам, и, как оказалось, хорошо сделал, иначе все трупы были бы непременно в руках белых. Легко понять, какую спекуляцию они развели бы вокруг этого дела.

Распорядившись все замывать и зачистить, мы примерно около 3-х часов, или даже несколько позже, отправились. Я захватил с собой несколько человек из внутренней охраны. Где предполагалось схоронить трупы, я не знал, это дело, как я говорил выше, поручено было, очевидно, Филиппом [Голощекиным] т.

Ермакову (кстати сказать, т. Филипп, как мне в ту же ночь сказал, кажется, Медведев Павел, он его увидел, когда тот бегал в команду, ходил все время вблизи дома, немало, вероятно, беспокоившись, как тут все пройдет), который и повез нас куда-то в В [ерх]-Исетский завод. Я в этих местах не бывал и не знал их. Примерно в 2 — 3 верстах, а может быть и больше, от Верх-Исетского завода нас встретил целый эскорт верхом и в пролетках людей. Я спросил Ермакова, что это за люди, зачем они здесь, он мне ответил, что это им приготовленные люди. Зачем их было столько, я и до сих пор не знаю, я услышал только отдельные выкрики: “Мы думали, что нам их сюда живыми дадут, а тут, оказывается, мертвые”. Еще, кажется, версты через 3 — 4 мы застряли с грузовиком среди двух деревьев. Тут некоторые из людей Ермакова на остановке стали растягивать [25] кофточка девиц, и снова обнаружилось, что имеются ценности и что их начинают присваивать. Тогда я распорядился приставить людей, чтоб никого к грузовику не подпускать. Застрявший грузовик не двигался с места. Спрашиваю Ермакова: “А что ж, далеко место им избранное?” Он говорит: “Недалеко, за полотном железной дороги”. А тут, кроме того, что зацепились за деревья, еще и место болотистое. Куда ни идем, все топкие места. Думаю, пригнал столько людей, лошадей, хотя бы телеги были, а то пролетки. Однако делать нечего, нужно разгружать, облегчать грузовик, но и это не помогло. Тогда я велел грузить на пролетки, так как ждать дольше время не позволяло, уже светало. Только когда уже рассветало, мы подъехали к знаменитому “урочищу”. В нескольких десятках шагов от намеченной шахты для погребения сидели у костра крестьяне, очевидно, заночевавшие на сенокосе. В пути на расстоянии также встречались одиночки, стало совершенно невозможно продолжать работу на виду у людей. Нужно сказать, что положение становилось тяжелым, и все может пойти насмарку. Я еще в это время не знал, что и шахта-то ни к черту не годится для нашей цели. А тут еще эти проклятые ценности. Что их достаточно много, я еще в этот момент не знал, да и народ для такого дела Ермаковым был набран никак не подходящий, да еще так много. Я решил, что народ надо рассосать [26]. Тут же я узнал, что отъехали мы от города верст примерно 15 — 16, а подъехали к деревне Коптяки в двух-трех верстах от нее. Нужно было на определенном расстоянии оцепить место, что я и сделал. Выделил людей и поручил им охватить определенный район и, кроме того, послал в деревню, чтобы никто не выезжал с объяснением того, что вблизи чехо-словаки. Что сюда двинуты наши части, что показываться тут опасно, затем, чтобы всех встречных заворачивали в деревню, а упорно непослушных и расстреливать, если ничего не поможет. Другую группу людей я отправил в город как бы за ненадобностью. Прюдавав это, я велел загружать [27] трупы, снимать платье, чтобы сжечь его, то есть на случай уничтожить вещи все без остатка и тем как бы убрать лишние наводящие доказательства, если трупы почему-либо будут обнаружены. Велел разложить костры, когда стали раздвигать, то обнаружилось, что на дочерях и Александре Федоровне, на последней я точно не помню, что было, тоже как на дочерях или просто зашитые вещи. На дочерях же были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и др[угих] ценных камней, представлявших из себя не только местилитов для ценностей, но и вместе с тем и защитные панцири. Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих, никто не повинен. Ценностей этих оказалось всего около полупуда. Жадность была так велика, что на Александре Федоровне, между прочим, был просто огромный кусок круглой золотой проволоки, загнутой в виде браслета, весом около фунта. Ценности все были тут же выпороты, чтобы не таскать с собой окровавленное тряпье. Те части ценностей, которые белые при раскопках обнаружили, относились, несомненно, к зашитым отдельно вещам и при сжигании остались в золе костров. Несколько бриллиантов мне на следующий день передали товарищи, нашедшие их там. Как они не досмотрели за другими остатками ценностей. Времени у них для этого было достаточно. Вероятнее всего, просто не догадались. Надо, между прочим, думать, что кой-какие ценности возвращаются нам через Торгсин, так как, вероятно, их там подбирали после нашего отъезда крестьяне дер [евни] Коптяки. Ценности собрали, вещи сожгли, а трупы, совершенно голые, побросали в шахту. Вот тут-то и началась новая морока. Вода-то чуть покрыла тела, что тут делать? Надумали взорвать шахты бомбами, чтобы завалить. Но из этого, разумеется, ничего не вышло. Я увидел, что никаких результатов мы не достигли с похоронами, что так оставлять нельзя и что все надо начинать сначала. А что делать? Куда девать? Часа примерно в два дня я решил поехать в город, так как было ясно, что трупы надо извлекать из шахты и куда-то перевозить в другое место, так как кроме того, что и слепой бы их обнаружил, место было провалено, ведь люди-то видели, что что-то здесь творилось. Заставы оставил охрану на месте, взял ценности и уехал. Поехал в обласполком и доложил по начальству, сколь все неблагополучно. Т. Сафаров и не помню кто еще послушали, да и так ничего не сказали. Тогда я разыскал Филиппа [Голощекина], указал ему на необходимость переброски трупов в другое место. Когда он согласился, я предложил, чтобы сейчас же отправить людей вытаскивать трупы. Я займусь поиском нового места. Филипп [Голощекин] вызвал Ермакова, крепко отругал его и отправил извлекать трупы. Одновременно я поручил ему отвезти хлеба, обед, так как там люди почти сутки без сна, голодные, измучены. Там они должны были ждать, когда я приеду. Достать и вытащить трупы оказалось не так просто, и с этим немало помучились. Очевидно, всю ночь возились, так как поздно поехали.

Я пошел в горисполком к Сергею Егоровичу Чуцкаеву, тогда предгорисполкома, посоветоваться, быть может, он знает такое место. Он мне посоветовал на Московском тракте очень глубокие заброшенные шахты. Я добыл машину, взял с собой кого-то из облЧК, кажется Полушина, и еще кого-то и поехали, не доехав версту или полторы до указанного места, машина испортилась, мы оставили шофера чинить ее, а

сами отправились пешком, осмотрели место и нашли, что хорошо, все дело только в том, чтоб не было лишних глаз. Вблизи здесь жил какой-то народ, мы решили, что приедем, заберем его, отправим в город, а по окончании операции отпустим, на том и порешили. Вернувшись к машине, а она сама нуждается, чтобы ее тащить. Решил ждать случайно проезжающей. Через некоторое время кто-то катит на паре, остановил, ребята, оказалось, меня знают, спешат к себе на завод. С большой, конечно, неохотой, но пришлось лошадей отдать.

Пока мы ездили, возник другой план: сжечь трупы, но как это сделать, никто не знает. Полушин, кажется, сказал, что он знает, ну и ладно, так как никто толком не знал, как это выйдет. Я все же имел в виду шахты Московского тракта, и, следовательно, перевозку, решил добыть телеги, и, кроме того, у меня возник план, в случае какой-либо неудачи, похоронить их группами в разных местах на проезжей дороге. Дорога, ведущая в Коптяки, около урочища, глинистая, так что если здесь без посторонних глаз похоронить, ни один бы черт не догадался, зарыть и обозом проехать, получится мешанина и все. Итак, три плана. Не на чем ехать, нет машины. Направился я в гараж начальника военных перевозок, нет ли каких машин. Оказалась машина, но только начальника. Забыл я его фамилию, который, как потом оказалось, был прохвостом и его в Перми, кажется, расстреляли. Начальником гаража или заместителем начальника военных перевозок, точно не помню, был товарищ Павел Петрович Горбунов, в настоящее время зам. [председателя] Госбанка, сказал ему, что мне срочно нужна машина. Он: “А, знаю для чего”. И дал мне машину начальника. Я поехал к начальнику снабжения Урала Войкову добывать бензин или керосин, а также серной кислоты, это на случай, чтобы изуродовать лица, и, кроме того, лопаты. Все это я добыл. В качестве товарища комиссара юстиции Уральской области я распорядился взять из тюрьмы десять подвод без кучеров. Погрузили все и поехали. Туда же направили грузовик. Сам же я остался ждать где-то запропавшего Полушина, “спеца” по сжиганию. Я его ждал у Войкова. Но прождав до 11-ти часов вечера, так его и не дождался. Потом мне сообщили, что он поехал ко мне верхом на лошади, и что он с лошади свалился и повредил себе ногу, и что поехать не может. Имея в виду, что на машине можно снова засесть, уже часов в 12-ть ночи, я верхом, не помню с каким товарищем, отправился к месту нахождения трупов. Меня тоже постигла беда. Лошадь запнулась, встала на колени и как-то неловко припала на бок и отдала мне ногу. Я с час или больше пролежал, пока снова смог сесть на лошадь. Приехали мы поздно ночью, шли работы по извлечению [трупов]. Я решил несколько трупов похоронить на дороге. Приступили копать яму. Она к рассвету почти была готова, ко мне подошел один товарищ и заявил мне, что, несмотря на запрет никого близко не подпускать, откуда-то явился человек, знакомый Ермакова, которого он допустил на расстояние, с которого было видно, что тут что-то роют, так как лежали кучи глины. Хотя Ермаков и уверял, что тот ничего видеть не мог, тогда и другие товарищи, кроме сказавшего мне, стали иллюстрировать, то есть показывая, где тот был и что он, несомненно, не мог не видеть.

Так был провален и этот план. Яму решено было реставрировать. Дождавшись вечера, мы погрузились на телегу. Грузовик же ждал в таком месте, где он как будто был гарантирован от опасности застрять (шофером был злоказовский рабочий Люханов). Держали мы курс на Сибирский тракт. Переехав полотно железной дороги, мы перегрузили снова трупы в грузовик и снова засели вскоре. Пробившись [28] часа два, мы приближались уже к полуночи, тогда я решил, что надо хоронить где-то тут, так как нас в этот поздний час вечера действительно никто здесь видеть не мог, единственно кто мог видеть нескольких человек — это был железнодорожный сторож разъезда, так как я послал натаскать шпал, чтобы покрыть ими место, где будут уложены трупы, имея в виду, что единственной догадкой нахождения здесь шпал будет то, что шпалы уложены для того, чтобы провезти грузовик. Я забыл сказать, что в этот вечер, точнее в ночь, мы два раза застряли. Сгрузив все, вылезли, а второй раз уже безнадежно застряли. Месяца два тому назад я, перелистывая книгу следователя по чрезвычайно важным делам при Колчаке Соколова, видел снимок этих уложенных шпал, там так и указано, что вот место, уложенное шпалами, для пропуска грузовика. Так что перекопав целый район, они не догадались заглянуть под шпалы. Нужно сказать, что все так дьявольски устали, что уж не хотели копать новой могилы, но как всегда в таких случаях бывает, двое-трое взялись за дело, потом приступили другие, тут же развели костер, и пока готовилась могила, мы сожгли два трупа: Алексея и по ошибке вместо Александры Федоровны сожгли, очевидно, Демидову. На месте сжигания вырыли яму, сложили кости, заровняли, снова зажгли большой костер и золой скрыли всякие следы. Прежде чем сложить в яму остальные трупы, мы облили их серной кислотой, яму завалили, шпалами закрыли, грузовик пустой проехал, несколько утрамбовали шпалы и поставили точку. В 5 — 6 часов утра, собрав всех и изложив им важность сделанных дел, предупредив, что все должны о виденном забыть и ни с кем никогда об этом не разговаривать, мы отправились в город. Потеряв нас, мы уже все кончили, приехали ребята из облЧК: товарищи Исая Родзинский, Горин и еще кто-то.

19-го вечером я уехал в Москву с докладом. Ценности я передал тогда члену ревсовета III Армии Трифонову, их, кажется, Белобородов, Новоселов и еще кто-то схоронили в подвале, в земле какого-то домика рабочего в Лысьве и в [19]19-м году, когда ехала на Урал комиссия ЦК для организации советской власти на освобожденном Урале, я тогда тоже ехал сюда на работу, ценности тот же Новоселов, не помню с

кем извлекли, а Н.Н. Крестинский, возвращаясь в Москву, увез их туда. Когда в [19]21 — [19]23 году я работал в Гохране республики, приводя в порядок ценности, я помню, что одна из жемчужных ниток Александры Федоровны была оценена в 600 тысяч золотых рублей.

В Перми, где я проводил разборку бывших царских вещей, была снова обнаружена масса ценностей, которые были попрятаны в вещах до черного белья включительно, а добра всякого было не один вагон.

ЦЦООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 10 — 22.

№ 10

Из воспоминаний чекиста Г. И. Сухорукова, одного из участников уничтожения трупов царской семьи

3 апреля 1928 г.

...Простояв в Кусьвинском заводе несколько дней, мы получили приказ выехать в г. Екатеринбург для формирования [...] [29]. Из остатков нашего батальона отобрали приблизительно 35 [человек] для отряда при Уральской областной ЧК, куда попал и я, через несколько дней, приблизительно, 18 или 19 июля из отряда нас отбирают человек 12 и говорят: “Товарищи! Вам ввернется тайна государственной важности, с этой тайной вы должны мереть. Горе тому, кто не оправдает нашего доверия”. ...Председатель Урал-облЧК, если не путаю Лукиянов [30] Федор говорит: “Сегодня мы должны ехать хоронить семью Николая Романова, она расстреляна...” Ночью выехали в сторону Верх-Исетского завода. Ехали на экипажах. Точно не помню, сколько нас было человек, но многих помню 1. Юровский, комиссар города. 2. Наш комиссар Павлушин, из ЧК — Горин, Родзинский, потом не знаю фамилию мадьяр [а] в сером костюме, впоследствии он его сжег серной кислотой, Ермаков. Из красноармейцев — Тягунов Федор, мой земляк, убитый на Дзенинском фронте, лысьвенские рабочие: Боженев Алекс., Поспелов Никол [ай] Владимирович], его брат Иван (они, кажется, сейчас в Перми), Самойлов Никол [ай] (в Москве учится на красного професс [ора]), Веселков Михаил (работает в Свердловском ГПУ). Эстонец Кют впоследствии был в моей команде командиром] пул [сметного] взв[ода] и попал в плен Колчаку с пулеметной] заставой. Кильзин тоже эстонец, тоже был в моей команде ком[андиром] пул [сметного] отд[еления], убит под Новопаинском Оханск[ого] уезда. Пономарев Дм[итрий] — лысьвенский рабочий, Гурьев, тоже оба попали в плен. Верхне-Туринские рабочие: Петров, Рябков Алек., брат Рябковой, работающей в данное время, кажется, в ОблРКИ (по мужу, вероятно, у нее фамилия другая). Яша, фамилию забыл, Рябкова его знает и я.

Приехали утром к шахтам, где были трупы, около шахты пепел, ни костра, братва начала рыться, догадавшись, что здесь сжигали царскую одежду, кое-кому попало изрядно, например, Поспелов нашел 2 крупных бриллианта, оправленных платиной, Сунегин нашел бриллиантовое кольцо и т. д.

Время шло, работа ударная, нужно было приступить к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе, первым спустился в шахту с веревкой в руке Сунегин Владимир, и начали извлекать сначала дрова, цельными плахами, потом работа показалась нудной и длинной, решили взяться прямо за трупы, но на подмогу Сунегину спустился я, и первая попавшая нога оказалась Николая последнего, который и благополучно был извлечен на свет божий, а за ним и все остальные. Для точности можно отметить, что все были голыми, за исключением наследника, который был в одной матроске натальной, но без штанов. По извлечении трупы сложили недалеко от шахт и закрыли палатками, приступили к обсуждению, куда девать. Сначала решили вырыть яму прямо на дороге, закопать и сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым, и эту работу бросили, решили дожидаться автомобилей и с соответствующим грузом потом отвезти в В [ерх]-Исетский пруд.

Вечером пришли грузовые автомобили, трупы были уже погружены на повозки, и мы с повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали. Недалеко была мочажина, настланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик, почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели, и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы. Так было и сделано. Для того, что если бы белые даже нашли эти трупы и не догадались по количеству, что это царская семья, мы решили штуки две сжечь на костре, что мы и сделали, на наш жертвенник попал первый наследник и вторым младшая дочь Анастасия, после того как трупы были сожжены, мы разбросали костер, на середине вырыли яму, все оставшееся не догоревшее сгребли туда, и на том же месте снова развели огонь

и тем закончили работу. Приехали в Екатеринбург на вторые сутки усталые и злые, ночью этого же дня я выехал старшим конвоя для сопровождения в Пермскую ЧК дочери короля сербского Елены, жены одного из великих князей, с ней сербская миссия, полковник Медичи, его холуй, и человек 20 свердловских буржуев, всю эту честную компанию я доставил благополучно. По приезде в Пермь я взял газету “Уральский рабочий”, кажется, за 22 июля и в ней прочитал о расстреле Николая II и его семьи...

Сухоруков

ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149. Л. 215, 219 — 221.

№11

Из воспоминаний участника расстрела царской семьи М. А. Медведева (Кудрина)

декабрь 1963 г.

Вечером 16 июля н[ового] ст[иля] 1918 года в здании Уральской областной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (располагавшейся в Американской гостинице города Екатеринбурга — ныне город Свердловск) заседал в неполном составе областной Совет Урала. Когда меня — екатеринбургского чекиста — туда вызвали, я увидел в комнате знакомых мне товарищей: председателя Совета депутатов Александра Георгиевича Белобородова, председателя Областного комитета партии большевиков Георгия Сафарова, военного комиссара Екатеринбурга Филиппа Голощекина, члена Совета Петра Лазаревича Войкова, председателя областной ЧК Федора Лукоянова, моих друзей — членов коллегии Уральской областной ЧК Владимира Горина, Исаю Иделевича (Ильича) Родзинского (ныне персональный пенсионер, живет в Москве) и коменданта Дома особого назначения (дом Ипатьева) Якова Михайловича Юровского.

Когда я вошел, присутствующие решали, что делать с бывшим царем Николаем II Романовым и его семьей. Сообщение о поездке в Москву к Я. М. Свердлову делал Филипп Голощекин. Санкции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета на расстрел семьи Романовых Голощекину получить не удалось. Свердлов советовался с В.И. Лениным, который высказывался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II и его женой Александрой Федоровной, предательство которой в годы Первой мировой войны дорого обошлось России.

— Именно всероссийский суд! — доказывал Ленин Свердлову: — с публикацией в газетах. Подсчитать, какой людской и материальный урон нанес самодержец стране за годы царствования. Сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому не нужной войне! Чтобы ответил перед всем народом! Вы думаете, только темный мужичок верит у нас в доброго батюшку-царя. Не только, дорогой мой Яков Михайлович! Давно ли передовой ваш питерский рабочий шел к Зимнему с хоругвями? Всего каких-нибудь 13 лет назад! Вот эту-то непостижимую “расейскую” доверчивость и должен развеять в дым открытый процесс над Николаем Кровавым...

Я. М. Свердлов пытался приводить доводы Голощекина об опасностях провоза поездом царской семьи через Россию, где то и дело вспыхивали контрреволюционные восстания в городах, о тяжелом положении на фронтах под Екатеринбургом, но Ленин стоял на своем:

— Ну и что же, что фронт отходит? Москва теперь — глубокий тыл, вот и эвакуируйте их в тыл! А мы уж тут устроим им суд на весь мир.

На прощанье Свердлов сказал Голощекину:

— Так и скажи, Филипп, товарищам — ВЦИК официальной санкции на расстрел не дает.

После рассказа Голощекина Сафаров спросил военкома, сколько дней, по его мнению, продержится Екатеринбург? Голощекин отвечал, что положение угрожающее — плохо вооруженные добровольческие отряды Красной Армии отступают, и дня через три, максимум через пять, Екатеринбург падет. Воцарилось тягостное молчание. Каждый понимал, что эвакуировать царскую семью из города не только что в Москву, но и просто на Север означает дать монархистам давно желанную возможность для похищения царя. Дом Ипатьева представлял до известной степени укрепленную точку: два высоких деревянных забора вокруг,

система постов наружной и внутренней охраны из рабочих, пулеметы. Конечно, такой надежной охраны мы не могли бы обеспечить движущемуся автомобилю или экипажу, тем более за чертой города.

Об оставлении царя белым армиям адмирала Колчака не могло быть и речи — такая “милость” ставила под реальную угрозу существование молодой Республики Советов, окруженной кольцом вражеских армий. Враждебно настроенный к большевикам, которых он после Брестского мира считал предателями интересов России, Николай II стал бы знаменем контрреволюционных сил вне и внутри Советской республики. Адмирал Колчак, используя вековую веру в добрые намерения царей, смог бы привлечь на свою сторону сибирское крестьянство, которое никогда не видело помещиков, не знало, что такое крепостное право, и поэтому не поддерживало Колчака, насаждавшего помещичьи законы на захваченной им (благодаря восстанию Чехословацкого корпуса) территории. Вест о “спасении” царя удесятерила бы силы озлобленного кулачества в губерниях Советской России.

У нас, чекистов, были свежи в памяти попытки тобольского духовенства во главе с Епископом Гермогеном освободить царскую семью из-под ареста. Только находчивость моего друга матроса Павла Хохрякова, вовремя арестовавшего Гермогена и перевезшего Романовых в Екатеринбург под охрану большевистского Совета, спасла положение. При глубокой религиозности народа в провинции нельзя было допускать оставления врагу даже останков царской династии, из которых немедленно были бы сфабрикованы духовенством “святые чудотворные мощи” — также неплохой флаг для армий адмирала Колчака.

Но была еще одна причина, которая решила судьбу Романовых не так, как того хотел Владимир Ильич.

Относительно вольготная жизнь Романовых (особняк купца Ипатьева даже отдаленно не напоминал тюрьму) в столь тревожное время, когда враг был буквально у ворот города, вызвала понятное возмущение рабочих Екатеринбурга и окрестностей. На собраниях и митингах на заводах Верх-Исетска рабочие прямо говорили:

— Чегой-то вы, большевики, с Николаем нянчитесь? Пора кончать! А не то разнесем ваш Совет по щепочкам!

Такие настроения серьезно затрудняли формирование частей Красной Армии, да и сама угроза расправы была нешуточной — рабочие были вооружены, и слово с делом у них не расходилось. Требовали немедленного расстрела Романовых и другие партии. Еще в конце июня 1918 года члены Екатеринбургского Совета эсер Сакович и левый эсер Хотимский (позднее — большевик, чекист, погиб в годы культа личности Сталина, посмертно реабилитирован) на заседании настаивали на скорейшей ликвидации Романовых и обвиняли большевиков в непоследовательности. Лидер же анархистов Жебенев кричал нам в Совете:

— Если вы не уничтожите Николая Кровавого, то это сделаем мы сами!

Не имея санкции ВЦИКа на расстрел, мы не могли ничего сказать в ответ, а позиция оттягивания без объяснения причин еще больше озлобляла рабочих. Дальше откладывать решение участи Романовых в военной обстановке означало еще глубже подрывать доверие народа к нашей партии. Поэтому решить наконец участь царской семьи в Екатеринбурге, Перми и Алапаевске (там жили братья царя) собралась именно большевистская часть областного Совета Урала. От нашего решения практически зависело, поведем ли мы рабочих на оборону города Екатеринбурга или поведут их анархисты и левые эсеры. Третьего пути не было.

Последние месяц-два к забору Дома особого назначения беспрерывно лезли какие-то “любопытные” — в основном темные личности, приехавшие, как правило, из Питера и Москвы. Они пытались передавать записки, продукты, слали письма по почте, которые мы перехватывали: во всех заверения в преданности и предложение услуг. У нас, чекистов, создавалось впечатление, что в городе существует какая-то белогвардейская организация, упорно старающаяся войти в контакт с царем и царицей. Мы прекратили допуск в дом даже священников и монахинь, носивших продукты из ближайшего монастыря.

Но не только понаехавшие тайно в Екатеринбург монархисты рассчитывали при случае освободить пленного царя, — сама семья была готова к похищению в любой момент и не упускала ни одного случая связаться с волей. Екатеринбургские чекисты выяснили эту готовность довольно простым способом. Белобородовым, Войковым и чекистом Родзинским было составлено от имени Русской офицерской организации письмо, в котором сообщалось о скором падении Екатеринбурга и предлагалось подготовиться к побегу ночью определенного дня. Записку, переведенную на французский язык Войковым и переписанную набело красными чернилами красивым почерком Исяя Родзинского, через одного из солдат

охраны передали царице. Ответ не заставил себя ждать. Сочинили и послали второе письмо. Наблюдение за комнатами показало, что две или три ночи семья Романовых провела одетыми — готовность к побегу была полной. Юровский доложил об этом областному Совету Урала.

Обсудив все обстоятельства, мы принимаем решение: этой же ночью нанести два удара: ликвидировать две монархические подпольные офицерские организации, могущие нанести удар в спину частям, обороняющим город (на эту операцию выделяется чекист Исай Родзинский), и уничтожить царскую семью Романовых.

Яков Юровский предлагает сделать снисхождение для мальчика.

— Какого? Наследника? Я — против! — возражаю я.

— Да нет, Михаил, кухонного мальчика Леню Седнева нужно увести. Поваренка-то за что... Он играл с Алексеем.

— А остальная прислуга?

— Мы с самого начала предлагали им покинуть Романовых. Часть ушла, а те, кто остался, заявили, что желают разделить участь монарха. Пусть и разделяют...

Постановили: спасти жизнь только Лене Седневу. Затем стали думать, кого выделить на ликвидацию Романовых от Уральской областной Чрезвычайной комиссии. Белобородов спрашивает меня:

— Примешь участие?

— По указу Николая II я судился и сидел в тюрьме. Безусловно, приму!

— От Красной Армии еще нужен представитель, — говорит Филипп Голощекин: — Предлагаю Петра Захаровича Ермакова, военного комиссара Верх-Исетска.

— Принято. А от тебя, Яков, кто будет участвовать?

— Я и мой помощник Григорий Петрович Никулин, — отвечает Юровский. — Итак, четверо: Медведев, Ермаков, Никулин и я.

Совещание закончилось. Юровский, Ермаков и я идем вместе в Дом особого назначения, поднялись на второй этаж в комендантскую комнату — здесь нас ждал чекист Григорий Петрович Никулин (ныне персональный пенсионер, живет в Москве). Закрыли дверь и долго сидели, не зная с чего начать. Нужно было как-то скрыть от Романовых, что их ведут на расстрел. Да и где расстреливать? Кроме того, нас всего четверо, а Романовых с лейб-медиком, поваром, лакеем и горничной — 11 человек!

Жарко. Ничего не можем придумать. Может быть, когда уснут, забросать комнаты гранатами? Не годится — грохот на весь город, еще подумают, что чехи ворвались в Екатеринбург. Юровский предложил второй вариант: зарезать всех кинжалами в постелях. Даже распределили, кому кого приканчивать. Ждем, когда уснут. Юровский несколько раз выходит к комнатам царя с царицей, великих княжен, прислуги, но все бодрствуют — кажется, они встревожены уводом поваренка.

Перевалило за полночь, стало прохладнее. Наконец во всех комнатах царской семьи погас свет, видно, уснули. Юровский вернулся в комендантскую и предложил третий вариант: посреди ночи разбудить Романовых и попросить их спуститься в комнату первого этажа под предлогом, что на дом готовится нападение анархистов и пули при перестрелке могут случайно залететь на второй этаж, где жили Романовы (царь с царицей и Алексеем — в угловой, а дочери — в соседней комнате с окнами на Вознесенский переулок). Реальной угрозы нападения анархистов в эту ночь уже не было, так как незадолго перед этим мы с Исаем Родзинским разогнали штаб анархистов в особняке инженера Железнова (бывшее Коммерческое собрание) и разоружили анархистские дружины Петра Ивановича Жебенева.

Выбрали комнату в нижнем этаже рядом с кладовой, всего одно зарешеченное окно в сторону Вознесенского переулка (второе от угла дома), обычные полосатые обои, сводчатый потолок, тусклая электролампочка под потолком. Решаем поставить во дворе снаружи дома (двор образован внешним

дополнительным забором со стороны проспекта и переулка) грузовик и перед расстрелом завести мотор, чтобы шумом заглушить выстрелы в комнате. Юровский уже предупредил наружную охрану, чтобы не беспокоилась, если услышат выстрелы внутри дома; затем раздали наганы латышам внутренней охраны, — мы сочли разумным привлечь их к операции, чтобы не расстреливать одних членов семьи Романовых на глазах у других. Трое латышей отказались участвовать в расстреле. Начальник охраны Павел Спиридонович Медведев вернул их наганы в комендантскую комнату. В отряде осталось семь человек латышей.

Далеко за полночь Яков Михайлович проходит в комнаты доктора Боткина и царя, просит одеться, умыться и быть готовыми к спуску в полуподвальное укрытие. Примерно с час Романовы приводят себя в порядок после сна, наконец — около трех часов ночи — они готовы. Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Петр Ермаков берет два нагана и засовывает их за пояс, по нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев. Я отказываюсь, так как у меня и так два пистолета: на поясе в кобуре американский “кольт”, а за поясом бельгийский “браунинг” (оба исторических пистолета — “браунинг” № 389965 и “кольт” калибра 45, правительственная модель “С” № 78517 — я сохранил до сегодняшнего дня). Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный “маузер”), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган. Все мы невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид.

Выходим на лестничную площадку второго этажа. Юровский уходит в царские покои, затем возвращается — следом за ним гуськом идут: Николай II (он несет на руках Алексея, у мальчика несвертывание крови, он ушиб где-то ногу и не может пока ходить сам), за царем идет, шурша юбками, затянутая в корсет царица, следом четыре дочери (из них я в лицо знаю только младшую полненькую Анастасию и — постарше — Татьяну, которую по кинжальному варианту Юровского поручали мне, пока я не выпорил себе от Ермакова самого царя), за девушками идут мужчины: доктор Боткин, повар, лакей, несет белые подушки высокая горничная царицы. На лестничной площадке стоит чучело медведицы с двумя медвежатами. Почему-то все крестятся, проходя мимо чучела, перед спуском вниз. Вслед за процессией следуют по лестнице Павел Медведев, Гриша Никулин, семеро латышей (у двух из них за плечами винтовки с примкнутыми штыками), завершаем шествие мы с Ермаковым.

Когда все вошли в нижнюю комнату (в доме очень странное расположение ходов, поэтому нам пришлось сначала выйти во внутренний двор особняка, а затем опять войти в первый этаж), то оказалось, что комната очень маленькая. Юровский с Никулиным принесли три стула — последние троны приговоренной династии. На один из них, ближе к правой арке, на подушечку села царица, за ней стали три старшие дочери. Младшая — Анастасия почему-то отошла к горничной, прислонившейся к косяку запертой двери в следующую комнату-кладовую. В середине комнаты поставили стул для наследника, правее сел на стул Николай II, за креслом Алексея встал доктор Боткин. Повар и лакей почтительно отошли к столбу арки в левом углу комнаты и стали у стенки. Свет лампочки настолько слаб, что стоящие у противоположной закрытой двери две женские фигуры временами кажутся силуэтами, и только в руках горничной отчетливо белеют две большие подушки.

Романовы совершенно спокойны — никаких подозрений. Николай II, царица и Боткин внимательно разглядывают меня с Ермаковым, как людей новых в этом доме. Юровский отзывает Павла Медведева, и оба выходят в соседнюю комнату. Теперь слева от меня против царевича Алексея стоит Гриша Никулин, против меня — царь, справа от меня — Петр Ермаков, за ним пустое пространство, где должен встать отряд латышей.

Стремительно входит Юровский и становится рядом со мной. Царь вопросительно смотрит на него. Слышу зычный голос Якова Михайловича:

— Попрошу всех встать!

Легко, по-военному встал Николай II; зло сверкнув глазами, нехотя поднялась со стула Александра Федоровна. В комнату вошел и выстроился как раз против нее и дочерей отряд латышей: пять человек в первом ряду, и двое — с винтовками — во втором. Царица перекрестилась. Стало так тихо, что со двора через окно слышно, как тарыхтит мотор грузовика. Юровский на полшага выходит вперед и обращается к царю:

— Николай Александрович! Попытки Ваших единомышленников спасти Вас не увенчались успехом! И вот, в тяжелую годину для Советской республики... — Яков Михайлович повышает голос и рукой рубит воздух: — ...на нас возложена миссия покончить с домом Романовых!

Женские крики: “Боже мой! Ах! Ох!” Николай II быстро бормочет:

— Господи, Боже мой! Господи, боже мой! Что ж это такое?!

— А вот что такое! — говорит Юровский, вынимая из кобуры “маузер”.

— Так нас куда не повезут? — спрашивает глухим голосом Боткин.

Юровский хочет ему что-то ответить, но я уже спускаю курок моего “браунинга” и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздаётся первый залп латышей и моих товарищей справа и слева. Юровский и Ермаков также стреляют в грудь Николая II почти в ухо. На моем пятом выстреле Николай II валится снопом на спину.

Женский визг и стоны; вижу, как падает Боткин, у стены оседает лакей и валится на колени повар. Белая подушка двинулась от двери в правый угол комнаты. В пороховом дыму от кричащей женской группы метнулась к закрытой двери женская фигура и тут же падает, сраженная выстрелами Ермакова, который палит уже из второго нагана. Слышно, как лязгают рикошетом пули от каменных столбов, летит известковая пыль. В комнате ничего не видно из-за дыма — стрельба идет уже по еле видимым падающим силуэтам в правом углу. Затихли крики, но выстрелы еще грохочут — Ермаков стреляет из третьего нагана. Слышен голос Юровского:

— Стой! Прекратить огонь!

Тишина. Звенит в ушах. Кого-то из красноармейцев ранило в палец руки и в шею — то ли рикошетом, то ли в пороховом тумане латыши из второго ряда из винтовок обожгли пулями. Редет пелена дыма и пыли. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым, как представителям Красной Армии, засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

— Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, подымается уцелевшая горничная — она прикрылась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную. От ее предсмертного крика очнулся и часто застонал легко раненный Алексей — он лежит на стуле. К нему подходит Юровский и выпускает три последние пули из своего “маузера”. Парень затих и медленно сползает на пол к ногам отца. Мы с Ермаковым щупаем пульс у Николая — он весь изрешечен пулями, мертв. Осматриваем остальных и достреливаем из “кольта” и ермаковского нагана еще живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны.

К Юровскому подходит начальник охраны Павел Спиридонович Медведев и докладывает, что выстрелы были слышны во дворе дома. Он привел красноармейцев внутренней охраны для переноски трупов и одеяла, на которых можно носить до автомашины. Яков Михайлович поручает мне проследить за переносом трупов и погрузкой в автомобиль. Первого на одеяло укладываем лежащего в луже крови Николая II. Красноармейцы выносят останки императора во двор. Я иду за ними. В проходной комнате вижу Павла Медведева — он смертельно бледен и его рвет, спрашиваю, не ранен ли он, но Павел молчит и машет рукой.

Около грузовика встречаю Филиппа Голощекина.

— Ты где был? — спрашиваю его.

— Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно. — Нагнулся над царем.

— Конец, говоришь, династии Романовых?! Да... Красноармеец принес на штыке комнатную собачонку Анастасии — когда мы шли мимо двери (на лестницу во второй этаж) из-за створок раздался протяжный жалобный вой — последний салют императору Всероссийскому. Труп песика бросили рядом с царским.

— Собакам — собачья смерть! — презрительно сказал Голощекин.

Я попросил Филиппа и шофера постоять у машины, пока будут носить трупы. Кто-то приволок рулон солдатского сукна, одним концом расстелили его на опилки в кузове грузовика — на сукно стали укладывать расстрелянных.

Сопровождаю каждый труп: теперь уже сообразили из двух толстых палок и одеял связать какое-то подобие носилок. Замечаю, что в комнате во время укладки красноармейцы снимают с трупов кольца, брошки и прячут их в карманы. После того, как все уложены в кузов, советую Юровскому обыскать носильщиков.

— Сделаем проще, — говорит он и приказывает всем подняться на второй этаж к комендантской комнате. Выстраивает красноармейцев и говорит: — Предлагало выложить на стол из карманов все драгоценности, снятые с Романовых. На размышление — полминуты. Затем обыщу каждого, у кого найду — расстрел на месте! Мародерства я не допущу. Поняли все?

— Да мы просто так — взяли на память о событии, — смущенно шумят красноармейцы. — Чтобы не пропало.

На столе в минуту вырастает горка золотых вещей: бриллиантовые брошки, жемчужные ожерелья, обручальные кольца, алмазные булавки, золотые карманные часы Николая II и доктора Боткина и другие предметы.

Солдаты ушли мыть полы в нижней комнате и смежной с ней. Спускаюсь к грузовику, еще раз пересчитываю трупы — все одиннадцать на месте — закрываю их свободным концом сукна. Ермаков садится к шоферу, в кузов залезают несколько человек из охраны с винтовками. Машина трогается с места, выезжает за дощатые ворота внешнего забора, поворачивает направо и по Вознесенскому переулку через спящий город везет останки Романовых за город.

За Верх-Исетском в нескольких верстах от деревни Коптяки машина остановилась на большой поляне, на которой чернели какие-то заросшие ямы. Развели костер, чтобы погреться, — ехавшие в кузове грузовика продрогли. Затем стали по очереди переносить трупы к заброшенной шахте, срывать с них одежду. Ермаков выслал красноармейцев на дорогу, чтобы никого не пропускали из близлежащей деревни. На веревках спустили расстрелянных в ствол шахты — сначала Романовых, затем прислугу. Уже выглянуло солнце, когда стали бросать в костер окровавленную одежду. ...Вдруг из одного из дамских лифчиков брызнул алмазный ручеек. Затоптали костер, стали выбирать драгоценности из золы и с земли. Еще в двух лифчиках в подкладке нашли зашитые бриллианты, жемчуг, какие-то цветные драгоценные камни.

На дороге затарахтела машина. Подъехал Юровский с Голощекиным на легковой машине. Заглянули в шахту. Сначала хотели засыпать трупы песком, но затем Юровский сказал, что пусть утонут в воде на дне — все равно никто не будет их искать здесь, так как это район заброшенных шахт, и стволов тут много. На всякий случай решили обрушить верхнюю часть клетки (Юровский привез ящик гранат), но потом подумали: взрывы будут слышны в деревне, да и свежие разрушения заметны. Просто закидали шахту старыми ветками, сучьями, найденными неподалеку гнилыми досками. Грузовик Ермакова и автомобиль Юровского тронулись в обратный путь. Был жаркий день, все измучены до предела, с трудом боролись со сном, почти сутки никто ничего не ел.

На следующий день — 18 июля 1918 года — в Уральскую областную ЧК поступили сведения, что весь Верх-Исетск только и говорит о расстреле Николая II и о том, что трупы брошены в заброшенные шахты около деревни Коптяки. Вот-те и конспирация! Не иначе, как кто-то из участников захоронения рассказал под секретом жене, та — кумушке, и пошло по всему уезду.

Вызвали на коллегия ЧК Юровского. Постановили: этой же ночью отправить автомобиль с Юровским и Ермаковым к шахте, вытащить все трупы и сжечь. От Уральской областной ЧК на операцию назначили моего друга члена коллегии Исаю Иделевича Родзинского.

Итак, наступила ночь с 18 на 19 июля 1918 года. В полночь грузовик с чекистами Родзинским, Юровским, Ермаковым, матросом Вагановым, матросами и красноармейцами (всего человек шесть или семь) выехал в район заброшенных шахт. В кузове стояли бочки с бензином и ящики с концентрированной серной кислотой в бутылках для обезображивания трупов.

Все, что я расскажу об операции повторного захоронения, я говорю со слов моих друзей: покойного Якова Юровского и ныне здравствующего Исаю Родзинского, подробные воспоминания которого должны быть

непрерывно записаны для истории, так как Исая единственный человек, оставшийся в живых из участников этой операции, кто сегодня может опознать место, где похоронены останки Романовых. Также необходимо записать воспоминания моего друга Григория Петровича Никулина, знающего подробности ликвидации великих князей в Алапаевске и великого князя Михаила Александровича Романова — в Перми.

Подъехали к шахте, спустили на веревках двух матросов — Ваганова и еще одного — на дно шахтного ствола, где была небольшая площадка-уступ. Когда все расстрелянные были вытащены веревками за ноги из воды на поверхность и уложены рядком на траве, а чекисты присели отдохнуть, то стало ясным, насколько легкомысленным было первое захоронение. Перед ними лежали готовые “чудотворные мощи”: ледяная вода шахты не только начисто смыла кровь, но и заморозила тела настолько, что они выглядели словно живые — на лицах царя, девушек и женщин даже проступил румянец. Несомненно, Романовы могли в таком отличном состоянии сохраниться в шахтном холодильнике не один месяц, а до падения Екатеринбурга, напоминая, оставались считанные дни.

Начинало светать. По дороге из деревни Коптяки потянулись первые телеги на Верх-Исетский базар. Высланные заставы из красноармейцев перекрыли дорогу с обоих концов, объясняя крестьянам, что проезд временно закрыт, так как из тюрьмы сбежали преступники, район этот оцеплен войсками и производится прочесывание леса. Подводы заворачивали назад.

Готового плана перехоронения у ребят не было, куда везти трупы, никто не знал, где их прятать — также. Поэтому решили попробовать сжечь хотя бы часть расстрелянных, чтобы число их было меньше одиннадцати. Отобрали тела Николая II, Алексея, царицы, доктора Боткина, облили их бензином и подожгли. Замороженные трупы дымилась, смердели, шипели, но никак не горели. Тогда решили останки Романовых где-нибудь закопать. Сложили в кузов грузовика все одиннадцать тел (из них четыре обгорелых), выехали на коптяковскую дорогу и повернули в сторону Верх-Исетска. Недалеко от переезда (по-видимому, через Горно-Уральскую железную дорогу, — на карте место уточнить у И. И. Родзинского) в болотистой низине машина забуксовала в грязи — ни вперед, ни назад. Сколько ни бились — ни с места. От домика железнодорожного сторожа на переезде принесли доски и с трудом вытолкнули грузовик из образовавшейся болотистой ямы. И вдруг кому-то (Я. М. Юровский говорил мне в 1933 году, что — Родзинскому) пришла в голову мысль: а ведь эта яма на самой дороге — идеальная тайная братская могила для последних Романовых!

Углубили яму лопатами до черной торфяной воды. Туда — в болотистую трясиину спустили трупы, залили их серной кислотой, забросали землей. Грузовик от переезда привез с десятков старых пропитанных железнодорожных шпал — сделали из них над ямой настил, проехали по нему несколько раз на машине. Шпалы немного вдавились в землю, запачкались, будто бы они и всегда тут лежали.

Так в случайной болотистой яме нашли достойное упокоение последние члены царской династии Романовых, династии, которая тиранила Россию триста пять лет! Новая революционная власть не сделала исключения для коронованных разбойников земли Русской: они похоронены так, как издревле хоронили на Руси разбойников с большой дороги — без креста и надгробного камня, чтобы не останавливали взгляд идущих по этой дороге к новой жизни.

В этот же день через Пермь выехали в Москву к В. И. Ленину и Я. М. Свердлову с докладом о ликвидации Романовых Я. М. Юровский и Г. П. Никулин. Кроме мешка бриллиантов и прочих драгоценностей, они везли все найденные в доме Ипатьева дневники и переписку царской семьи, фотоальбомы пребывания царской семьи в Тобольске (царь был страстный фотолюбитель), а также те два письма красными чернилами, которые были составлены Белобородовым и Войковым для выяснения настроений царской семьи. По мысли Белобородова, теперь эти два документа должны были доказать ВЦИКу существование офицерской организации, поставившей целью похищение царской семьи. Александр опасался, что В. И. Ленин привлечет его к ответственности за самоуправство с расстрелом Романовых без санкции ВЦИКа. Кроме того, Юровский и Никулин должны были лично рассказать Я. М. Свердлову обстановку в Екатеринбурге и те обстоятельства, которые вынудили Уральский областной Совет принять решение о ликвидации Романовых.

Одновременно Белобородов, Сафаров и Голощекин решили объявить о расстреле только одного Николая II, прибавив, что семья увезена и спрятана в надежном месте

Вечером 20 июля 1918 года видел Белобородова, и он рассказал мне, что получил телеграмму от Я. М. Свердлова. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в заседании 18 июля постановил: считать решение Уральского областного Совета о ликвидации Романовых правильным. Мы обнялись с

Александром и поздравили друг друга, — значит, в Москве поняли сложность обстановки, следовательно, Ленин одобрил наши действия. В тот же вечер Филипп Голошекин впервые публично объявил на заседании областного Совета Урала о расстреле Николая II. Ликованию слушателей не было конца, у рабочих поднялось настроение.

Через день или два в екатеринбургских газетах появилось сообщение, что Николай II расстрелян по приговору народа, а царская семья вывезена из города и укрыта в надежном месте. Я не знаю истинных целей такого маневра Белобородова, но предполагаю, что областной Совет Урала не хотел сообщать населению города о расстреле женщин и детей. Возможно, были и какие-то другие соображения, но ни мне, ни Юровскому (с которым я часто виделся в Москве в начале 1930-х годов, и мы с ним много говорили о романовской истории) они не были известны. Так или иначе, это заведомо ложное сообщение в печати породило в народе живущие по сей день слухи о спасении царских детей, бегстве за границу дочери царя Анастасии и прочие легенды.

Так закончилась секретная операция по избавлению России от династии Романовых. Она прошла настолько успешно, что донныне не раскрыта ни тайна дома Ипатьева, ни место захоронения царской семьи.

Медведев

РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп 3. Д. 12. Л. 43 — 58.

№12

Из расшифрованной записи беседы с Г. П. Никулиным в Радиокomiteе о расстреле царской семьи

г. Москва 12 мая 1964 г.

...Состояние наше было очень тяжелое. Мы с Юровским ждали какого-нибудь конца. Мы понимали, конечно, что какой-нибудь конец должен наступить. И вот в одно прекрасное время... да, утром 16-го июля Юровский мне говорит: “Ну, сынок, меня вызывают туда, в президиум исполкома к Белобородову, я поеду, ты тут оставайся”. И так часика через три-четыре он возвращается и говорит: “Ну, решено. Сегодня в ночь... Сейчас город объявляется на осадном положении, уже сейчас же. В эту ночь мы должны провести ликвидацию... должны ликвидировать всех”.

Вопрос — как? Была директива: сделать это без шума, не афишировать этим, спокойно. Как? Ну, было у нас всяких вариантов несколько. То ли подойти к каждому по количеству членов и просто в кровати выстрелить.

— В спящих, да?

— В спящих, да. То ли пригласить их в порядке проверки в одну из комнат, набросать туда бомб. И последний вариант возник такой, самый, так сказать, удачный по-моему, — это под видом обороны этого дома (предполагается нападение на дом) пригласить их для их же безопасности спуститься в подвал. Значит, это было примерно так часиков в 11 вечера, когда мы... Юровский пошел к Боткину, побудил его, они легли в одиннадцать, может быть в начале двенадцатого. Спать они ложились, конечно, рано. Побудил я его и сказал ему, что вот так и так. Мы будем, конечно, обороняться. Будьте любезны сообщить семье, чтобы они спустились. Перед тем как приступить непосредственно к расстрелу, к нам прибыли в помощь, вот, Михаил Александрович Медведев, он работал тогда в ЧК. Кажется, он был членом президиума, я не помню сейчас точно. И вот этот товарищ Ермаков, который себя довольно неприлично вел, присваивая себе после главенствующую роль, что это он все совершил, так сказать, единолично, без всякой помощи. И когда ему задавали вопрос: “Ну, как же ты сделал?” — “Ну, просто, говорит, брал, стрелял — и все”. На самом же деле нас было исполнителей 8 человек: Юровский, Никулин, Медведев Михаил, Медведев Павел — четыре, Ермаков Петр — пять, вот я не уверен, что Кабанов Иван — шесть. И еще двоих я не помню фамилий.

Когда мы спустились в подвал, мы тоже не догадались сначала там даже стулья поставить, чтобы сесть, потому что этот был... не ходил, понимаете, Алексей, надо было его посадить. Ну, тут моментально, значит,

поднесли это. Они так это, когда спустились в подвал, так это недоуменно стали переглядываться между собой, тут же внесли, значит, стулья, села, значит, Александра Федоровна, наследника посадили, и товарищ Юровский произнес такую фразу, что: “Ваши друзья наступают на Екатеринбург, и поэтому вы приговорены к смерти”. До них даже не дошло, в чем дело, потому что Николай произнес только сразу: “А!”, а в это время сразу залп наш уже — один, второй, третий. Ну, там еще кое-кто, значит, так сказать, ну, что ли, был еще не совсем окончательно убит. Ну, потом пришлось еще кое-кого дострелить...

— Помните, кто был еще не полностью мертв?

— Ну, вот была эта самая... Анастасия и эта... закрылась, вот, подушкой — Демидова. Демидова закрылась подушкой, пришлось подушку сдернуть и пристрелить ее.

— А мальчик?

— А мальчик был тут же сразу... Ну, правда, он долго ворочался, во всяком случае с ним и с мальчиком было покончено. Быстро.

Я, например, считаю, что с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом, когда, понимаете, воевал, вот в составе третьей армии, 29-й стрелковой дивизии, я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив.

Потому, что вообще с нашим братом там поступали зверски.

— Сколько вся эта операция продолжалась?

— Ну, видите, во-первых, они собирались очень долго. Почему? Я это уже потом скажу. Она продолжалась часа два. Да, часа полтора, видимо, они собирались. Потом, когда они спустились, там в течение получаса все было завершено. Во дворе стоял грузовик, приготовленный. Он, кстати, был заведен для того, чтобы создать, так сказать, условия неслышимости. Мы на одеялах трупы эти выносили в грузовик.

— Значит, туда вошли все обитатели этого..?

— Абсолютно все, все одиннадцать человек, за исключением, значит, маленького мальчика Седнева.

— Поваренка?

— Поваренка, которого мы, примерно, утром 16-го изъяли и переселили его в здание охраны, а потом его со временем отпустили в деревню. Все одиннадцать человек были расстреляны. Вот когда я часто, иногда я выступал с такими воспоминаниями, это обычно бывало в санаториях. Отдыхаешь. “Ну, слушай, — подходят ко мне, — давай расскажи”. Ну, я соглашался, при условии, если вы соберете надежный круг товарищей, членов партии, я расскажу. Они задавали такой вопрос: “А почему всех? Зачем?” Ну, объяснял зачем: чтобы не было, во-первых, никаких претендентов ни на что.

— Ну, да, любой из членов фамилии мог бы стать претендентом.

— Ну, да, если бы даже был обнаружен труп, то, очевидно, из него были созданы какие-то мощи, понимаете, вокруг которых группировалась бы какая-то контрреволюция...

Часто возникает вопрос: “Известно ли было, ну, скажем, Владимиру Ильичу Ленину, Якову Михайловичу Свердлову или другим руководящим нашим центральным работникам предварительно о расстреле царской семьи?” Ну, мне трудно сказать, было ли им предварительно известно, но я думаю, что поскольку Белобородой, то есть Голощекин, два раза ездил в Москву для переговоров о судьбе Романовых, то отсюда, конечно, следует сделать вывод, что об этом именно шел разговор. И вот Быков, и мне это известно, что предполагалась организация такого суда над Романовыми, сначала, значит, вот в таком широком, что ли, порядке, вроде всенародного такого суда, а потом, когда уже вокруг Екатеринбурга все время группировались всевозможные контрреволюционные элементы, стал вопрос об организации такого узкого суда, революционного. Но и это не было выполнено. Суда как такового не состоялось, и, по существу, расстрел Романовых был произведен по решению Уральского исполнительного комитета Уральского областного Совета...

№13

Из расшифрованной беседы с И. И. Родзинским
в Радиокomitee о расстреле царской семьи

г. Москва 13 мая 1964 г.

— Расскажите нам о записке красными чернилами, в архиве перепутали, так сказать, подлинные вещи.

— А-а, которую я вел с Николаем переписку. Да, вот, кстати говоря, в архиве, несомненно, я думаю, что документ, я не знаю, где все это показывают, в музее Революции, видимо, там, видимо, есть два письма мною писанные на французском языке с подписью... (иностраннй язык). Русский офицер. Красными чернилами, как сейчас помню, два письма писали, писали мы, так это решено было. Это было за несколько дней еще до того, до, конечно, всех этих событий, на всякий случай так решили, так затеять переписку такого порядка, что группа офицеров, вот насчет того, что приближается освобождение, так что сориентировали, чтобы они были готовы к тому, чтобы так... и так далее. И они действительно так готовились по этим письмам. Это, видите ли, тут преследовались две цели. С одной стороны, чтобы документы о том, что готовились, по тому времени надо было, потому что черт-те в случае... Для истории по тому времени, на какой-то отрезок, видимо, и нужно было доказательство того, что готовилось похищение. Ну а сейчас что же толковать, действительно документы существуют. Надо сказать, что никакого похищения не готовилось, видимо, соответствующие круги были бы очень рады, если бы эти оказались среди них. Но, видимо, занимались другим, не столько теми поисками царской фамилии, сколько организацией контрреволюции...

— Можно еще простой один вопрос о записке, скажите, а имели отношение к этой записке Белобородов и Павел Лазаревич?

— А-а, имели, да это имели. Я забыл об этом сказать. Письма эти писались не то, чтобы я писал письма. Не так дело было. Так, собирались мы обычно: Белобородов, Войков и я. Я от Уральской областной ЧК. Причем Войков был продовольственным комиссаром областным...

Вот решили, что надо такое-то письмо выпустить. Текст составлялся тут же, придумывали текст с тем, чтобы вызвать их на ответы. Войков по-французски диктовал, а я писал, записывал, так что почерк там мой в этих документах. Вот и второй раз, по-моему, два письма тоже передавали через одного во внутренней охране. Там две были линии охраны. Так вот этот, стоял во внутренней, там два забора стояло, так во внутренней через одного товарища там специально ему поручили, так он передавал.

— Ага, это он передал царице или...

— По-моему, ей, по-моему, царице, там хозяйка была царица.

— Письма какие-нибудь оттуда были или нет?

— Я сейчас не припомню, во всяком случае, нет, оттуда нет, нет, оттуда не было писем никаких.

— Примерно за сколько дней были эти письма?

— За недельку, видимо, до этого, за недельку-полторы...

А вот что получилось с похоронами, так сказать, с укрытием следов. Получилась нелепая вещь. Нелепость заключалась вот в чем. Казалось бы, с самого начала нужно было продумать, куда деть, дело-то ведь было очень серьезное. Паче чаяния, если бы белогвардейцы обнаружили бы эти останки, знаете, что бы они устроили? Мощи. Крестные ходы, использовали бы ж темноту деревенскую. Поэтому вопрос о сокрытии следов был важнее даже самого выполнения. Подумаешь там перестрелять, не важно даже с какими титулами они там были. А вот ведь самое ответственное было, чтобы укрыть, чтобы следов не осталось,

чтобы никто использовать это не мог в контрреволюционных целях. Это самое главное было. А об этом и не думали. И это дело пошло на откуп Ермакову, что ли. Товарищ такой был. Считали, он местный человек, он все знает, как упрятать, а куда он думал упрятать — никого это не интересовало. Он у нас в ЧК не работал. Он был известен как местный человек, и руководство местное решило, видимо, что вот, мол, он знает, чего, куда и как. Привлекли его для этого, и получилось с этим, знаете, страшное дело. Кстати сказать, во время расстрела у изгороди этого дома бродил Голощекин. Он ходил с той целью, чтобы понять, мог ли кто-нибудь услышать, что там происходило.

Да, так вот, надо было упрятать. Куда? Зарыть — чепуха, могут разрыть потом, найти по свежим следам. То же вот, что проделали — спустили в шахты. Надо было понимать заранее, что это не путь, хотя бы потому, что будут знать, что здесь расстреляны, то уж как-нибудь проверят эти шахты, найдут. А что получилось. Этот самый товарищ Ермаков после того, как все это было проделано, повезли по его указанию в одну шахту...

Послали в разведку двух человек. А приехали мы на лошаденках. Мы с Юровским посоветовались и решили, чтобы он поехал и доложил, во-первых, что сделано, и, во-вторых, решили, что надо сюда обязательно керосин, серную кислоту. Ведь придется нам орудовать. И потом питание для группы. И он уехал. И вернулся потом уже с грузовиком. Вот так было дело. Вернулся и привез все эти бутылки с серной кислотой и керосину полно, что-то еще там хорошего горючего. Он приехал уже поздно. И мы тут по очереди ходили дорогу охранять и в деревушку ходили. Кстати, там есть у этого исследователя показания из этой деревни, мы туда ходили по очереди молоко пить. И там, кстати, говорили, что тут облава идет на уголовных. Это единственная деревня была поблизости, больше ничего не было.

Ну, а когда Юровский вернулся, и разведчики наши через некоторое время пришли и тоже доложили, что нашли заброшенную где-то в балке шахту. Ну, это шахта была глубинная, потому что они лазали в нее и сказали, что там внизу топка и засосет. Мы тут грузила приготовили. Ну, решили так, что часть сожжем, а часть спустим в шахту, либо всех сожжем. И что всех изуродуем все равно, потом иди различи. Нам важно, чтобы не оставалось количества. И, потому что по этому признаку можно было узнать захоронение. Ну, а так что же, ну расстрелянные были люди, брошены, а кто? Царь или кто.

Но вот погрузили мы их на машину, весь этот штабель и решили двигаться по указанию этих товарищей, которые ходили в разведку. Шли мы так тоже с тяжелым сердцем, не зная, что же это будет за укрытие. Так толковали: то ли все это вообще сжечь к черту, думали об этом. Видимо, так бы и поступили, хотя мы туда и двигались.

Но тут произошло неожиданное. Вдруг наша машина на каком-то проселке там застряла, оказалась трясина. Дело было к вечеру. Мы немного проехали. Мы все эту машину вытаскивали, еле-еле вытащили. И тут у нас мелькнула мысль, которую мы и осуществили. Мы решили, что лучшего места не найти. Мы сейчас же эту трясину расковыряли. Она глубокая бог знает куда. Ну, тут часть разложили этих самых голубчиков и начали заливать серной кислотой, обезобразили все, а потом все это в трясину. Неподалеку была железная дорога. Мы привезли гнилых шпал, проложили маятник, через самую трясину. Разложили этих шпал в виде мостика такого заброшенного через трясину, а остальных на некотором расстоянии стали сжигать.

Но вот, помню, Николай сожжен был, был этот самый Боткин, я сейчас не могу вам точно сказать, вот уже память. Сколько мы сожгли, то ли четырех, то ли пять, то ли шесть человек сожгли. Кого, это уже точно я не помню. Вот Николая точно помню. Боткина и, по-моему, Алексея. Ну, вообще, должен вам сказать, человечина, ой, когда горит, запахи вообще страшные. Боткин жирный был. Долго жгли их, поливали и жгли керосином там, что-то еще такое сильно действующее, дерево тут подкладывали. Ну, долго возились с этим делом. Я даже, вот, пока горели, съездил, доложил в город и потом уже приехал. Уже ночью было, приехал на легковой машине, которая принадлежала Берзину. Вот так, собственно говоря, захоронили.

— Женщин, что ли, вы как-то отдельно отделили?

— Нет, часть женщин тоже пошла вот сюда. А там уже, что в болото спустили, это, конечно, потому что, сколько они, конечно, ни искали, они все шахты перерыли, все шахты...

— Ну, одним словом, это тогда был, по-моему, театр драмы назывался он. Там митинг организовали. Но мы все пришли. Нас интересовало реагирование. Поэтому максимальное число людей, которое могло от нашей организации прийти, пришли и разместились там. Я тоже был там. И митинг открыли областные организации. С докладом выступил Голощекин с сообщением.

Вот, надо сказать, что публика собралась случайная: дамы со шляпками, обыватели сидели тут. Рабочего класса не было, потому что и время такое. Не знаю, почему так собрали митинг, ничего не могу сказать. Но во всяком случае вот так. Впечатление было от собравшихся самое такое, что обывательщина пришла.

Вот, я вам рассказывал: дамы в шляпках. Причем кое у кого на глазах слезы были. Мы наблюдали. Понятно, и такие вещи были. Кое-кто не верил, говорил, что врут большевики, что расстреляли. Это мы уже слышали после митинга. Не верилось им, что царя могли расстрелять. Надо сказать, что Голощекин, когда выступил на митинге, он так вдруг “от Николая до малого” сказал, чего он не должен был, конечно, говорить. Но публика, видимо, не поняла. Потому что все-таки говорили о Николае, а не о семье.

Ну, а на заводах, там знают тоже только о царе. Известие это было принято с подъемом. Это момент был очень широко использован в агитационной работе, главное, по созданию частей Красной Армии, и вызвал он большущий революционный подъем. Мы еще дней 8 просидели в Екатеринбурге. Надо сказать, уходили мы из Екатеринбурга, никто нас не обстреливал. Противник был организован так, что мы еще были в городе, а квартирьеры уже ходили по городу (колчаковские)...

— Исай Ильич, вы, может быть, слышали о том, что разговаривал ли Юровский потом с Лениным. Писал ли он ему какую-нибудь докладную записку?

— Насчет Юровского так было дело. После расстрела коменданта Дома особого назначения вызвали в Москву. Это я знаю. Сейчас я не могу сказать, по вызову ли Ленина он поехал или по вызову Дзержинского. Но это, собственно, неважно. Факт тот, что с докладом вызвали. И после этого я его видел только в 36-м году.

После этого Юровского я не видел. Заходил я к нему. Он уже сердечник был. Он тут через год уже умер. Хотел я с ним поговорить об этом, но в Москве я был тогда наездом. Работал на Кавказе секретарем обкома партии и не успел поговорить. Но я не сомневаюсь, что когда он был в Москве, он здесь остался в Москве, потом был членом президиума ВЧК. После этого здесь ясно совершенно, что дело устным докладом, конечно, не ограничилось. Где-то должен быть документ за его подписью, с его изложением всех обстоятельств, иначе быть не могло.

Я не представляю себе, чтобы от него не потребовали, где все это, я не знаю. Я вот тоже разыскивал свои документы на пенсию, потому что, когда в 37-й год меня арестовали, у меня ничего не сохранилось. В [19]40 году мне как-то посчастливилось, меня выпустили. Меня не осуждали, а держали под следствием. Три года, и то выпустили, а документы мне не вернули. И вот тогда я разыскивал свои документы и, в частности, ссылаясь, что должны быть документы Юровского. Но с очень большим трудом я нашел документы. В Екатеринбургском архиве нашли копию удостоверения, выданного на мое имя, которая была подшита в деле фотографий Дома Романовых...

РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 23 — 25, 31 — 35, 41, 45.

№14

Из рапорта прокурора Казанской Судебной Палаты Миролобова министру юстиции Старынкевичу о ходе предварительного следствия по делу об убийстве Николая II и его семьи

г. Омск 12 декабря 1918 г.

Имею честь представить Вам, господин министр, нижеследующие данные, добытые предварительным следствием по делу об убийстве б[ывшего] императора Николая II и его семьи.

30/17 июля 1918 г. в гор. Екатеринбурге товарищем прокурора Кутузовым был составлен протокол заявления ему гражданина означенного города Федора Никифоровича Горшкова о том, что от судебного следователя Томашевского, узнавшего в свою очередь о том от лица, как бы бывшего очевидцем или же близко стоявшего к советской власти, ему известны нижеследующие подробности убийства Государя и его семьи. Вся царская семья, вместе с бывшим Государем Николаем II, была собрана в столовой комнате, где

им объявили, что все они будут расстреляны, причем вскоре и последовал залп латышей, после которого все они упали на пол. После этого латыши стали проверять, все ли убиты, причем оказалось, что осталась жива б[ывшая] великая княжна Анастасия Николаевна, и, когда до нее прикоснулись, то она страшно закричала. После этого ей был нанесен прикладом ружья удар по голове и, кроме того, две штыковые раны

Этот протокол заявления Горшкова послужил основанием для начатия предварительного следствия, которое И.д. прокурора суда товарищем прокурора Кутузовым и было предложено 30 того же июля судебному следователю по важнейшим делам Наметкину. Одновременно с ним в распоряжение судебного следователя были переданы обгорелые остатки разных вещей и Мальтийский крест, которые были найдены при следующих обстоятельствах. Числа 16 или 17 июля крестьянами деревни Коптяков, Верх-Исетской волости, находящейся верстах в 18 от Екатеринбурга, было замечено какое-то передвижение красноармейских отрядов в расположенном близ деревни лесу, причем в район этой местности никто не допускался. Желая, однако, узнать, что именно там делали красноармейцы, крестьяне упомянутой деревни Андрей Шереметьевский, Михаил Алферов и др., после оставления этого леса красноармейцами, отправились туда, причем протоптанная красноармейцами дорога и привела их к заброшенным шахтам.

Здесь, шагах в двух от одной из шахт, оказался заброшенным бугор с остатками на нем костра. По разрытии этого костра названными крестьянами были найдены крест с зелеными на нем камнями, четыре планшетки от корсетов, пряжки от подтяжек, туфли, пуговицы, кнопки и четыре бусы. При спуске одного из крестьян по веревке в шахту на водяной поверхности были замечены плавающими палка, кора, доски, свежая хвоя и железная лопата.

Близ костра была замечена береза с написанной на коре ее надпись: “Горный техник И. А. Фесенко 11 июля 1918 года”. При подробном затем осмотре этого места судебным следователем вблизи той же шахты, именуемой “Исетский рудник”, среди обгорелых палок и углей найдена обгорелая старая дамская сумочка, саженьх же в 12 от шахты были найдены обгорелые тряпки, кружева и какие-то черные блестящие обломки.

Кроме того, присутствовавшим при осмотре капитаном Пометковским был найден сильно загрязненный водянистого цвета камень, значительной величины, с плоской серединой, в белой с мельчайшими блестками оправе, оказавшийся затем, при осмотре его впоследствии через эксперта-ювелира, высокой ценности (не менее ста тысяч) бриллиантом. Недалеко от этого же места были также найдены два небольших загрязненных осколка изумруда и жемчуга и обрывок материи с сильным запахом керосина. Наконец, у самого края широкой шахты, в глине, найден небольшой осколок нарезной ручной бомбы, при спуске же в шахту на стенках ее были обнаружены следы от разрыва ручной бомбы... [31]

Согласно удостоверению этого свидетеля, предъявленный ему найденный бриллиант был зашит в пуговице костюма или великой княжны Ольги Николаевны, или же Татьяны Николаевны. Из других вещественных по делу доказательств свидетель признал серьги с жемчужиной принадлежащими бывшей Государыне, находя их вполне тождественными, найденные же и предъявленные пластинки со вставными зубами весьма похожими на такие же пластинки, принадлежащие доктору Боткину.

Наконец, 6 сентября 1918 г. из Управления Уголовного Розыска поступило дознание об отобрании значительного количества (около 100 штук) разных предметов, также принадлежащих царской семье, у красноармейца Кузьмы Ивановича Летемина, по поводу коих последний объяснил, что получил эти вещи частью при уборке дома Ипатьева, частью от своего брата красноармейца Михаила Летемина. Вместе с тем, состоя в составе караула, охранявшего дом Ипатьева, Летемин со слов какого-то охранника рассказал, что в ночь на 17 июля внизу помещения дома Ипатьева бывший император с женой, детьми, лакеем, поваром и фрейлинами были расстреляны, о чем ему известно со слов бывшего в ту ночь на посту красноармейца Стрелотина.

По словам последнего, Государя убил комендант Юровский, прочитав перед тем какую-то бумагу, причем бывшая Государыня и старшая дочь перекрестились. После убийства Государя стали стрелять латыши и упомянутый “разводящий” рабочий Медведев, расстреляв всю царскую семью и бывших с ними придворных. После расстрела охранниками были замыты и засыпаны песком на полу следы крови, трупы же покойных помещены на грузовой автомобиль. Впоследствии он спрашивал шофера грузовика из рабочих фабрики Злоказова, но по фамилии ему неизвестного, который подтвердил, что трупы они вывезли в лес, где чуть не застряли в трясине.

Спрошенный на дознании военный чиновник Петр Алексеев Леонов показал, что 17 июля 1918 г. комиссаром снабжения фронта Горбуновым были потребованы 5 грузовых автомобилей, из коих на одном было 2 бочки бензина. При этом два автомобиля были возвращены обратно 18 июля утром, с пустыми

бочками от бензина, 2 других автомобиля вернулись несколько позднее того же 18 июля, последний же автомобиль возвратился при такой обстановке: по требованию названного Горбунова он подъехал к Американской гостинице, где помещалась чрезвычайная следственная комиссия. Шофера, доставившего автомобиль, см[ени]ли другим, из Американской гостиницы, и отправили домой. [За]тем 19 уже июля около 6 часов этот автомобиль был возвращен вновь тем же шофером из Американской гостиницы, причем автомобиль этот был весь в крови и грязи, хотя было заметно, что его мыли.

По свидетельству Кухтенкова, он после освобождения по болезни от военной службы в Красной Армии в мае месяце [за]нял должность заведующего хозяйством рабочего клуба в [за]воде Верх-Исетском. Числа 18 — 19 июля, часа в 4 утра, в этот клуб пришли председатель Исполнительного комитета Совета Р. и С.Д. Сергей Павлович Малышкин, военный комиссар Петр Ермаков и видные члены партии большевиков Александр Костоусов, Василий Леватных, Николай Партии и Александр Кривов. Здесь в клубе, в партийной комнате названные лица о чем-то таинственно совещались, причем до него, свидетеля, донеслась фраза: “всех их было тринадцать человек — тринадцатый доктор”. Увидав его, свидетеля, названные лица, не желая продолжать разговора при нем, тотчас же вышли в сад, он же, Кухтенков, заинтересовавшись их разговором, незаметно прошел за ними, спрятался в траве и стал слушать. Прежде всего до него долетела фраза Костоусова: “второй день приходится возиться; вчера хоронили, а сегодня перехоранивали”. Из дальнейшего разговора он понял, что Леватных, Партии и Костоусов принимали участие в погребении убитого Государя и его семьи. Вопросы предлагал Кривцов, объяснение же давали и хвастались своими поступками Леватных и Партии. Так, Леватных, между прочим, сказал: “Когда мы пришли, они были еще теплые, я сам шупал царицу и она была теплая”... Затем следовали вопросы, как были убитые одеты, красивы ли они, сколько их, причем про одежду Партии сказал, что все они в штатском платье, что в одежде были зашиты разные драгоценности, что красивых среди них никого. Он, свидетель, слышал вставленную кем-то фразу: “у мертвых красоту не узнаешь”. Он, свидетель, слышал, как кто-то сказал, что “про наследника говорили, что он умер в Тобольске, но и он тут”. О месте погребения убитых было сказано, что сначала их похоронили в двух местах за Екатеринбургом II, а затем увезли дальше и похоронили в разных местах, но где именно — они не говорили. Кто-то из говоривших перечислял их имена: “Николай, Сашка, Татьяна, наследник, Вырубова” [\[32\]](#) и еще какие-то имена, которых он не расслышал, причем еще раз было сказано: “тринадцатый — доктор”.

Прокурор Казанской Судебной Палаты Н. Миролюбов

№15

Письмо министра юстиции Старынкевича Управляющему Министерством иностранных дел о данных предварительного следствия по делу об убийстве Николая II и его семьи

г. Омск 19 февраля 1919 г.

Данными, добытыми предварительным следствием по делу об убийстве бывшего императора Николая II и его семьи, к настоящему времени установлены следующие обстоятельства: в первых числах августа месяца 1917 года по распоряжению Временного Правительства бывший император и вся царская семья были отправлены из Царского Села в г. Тобольск, где они и проживали до 25 апреля нов[ого] ст[иля] 1918 г., когда им было объявлено категорическое распоряжение Центрального Исполнительного Комитета С.Р.С.Д. о немедленном переезде на жительство в гор. Екатеринбург. Ввиду болезни бывшего наследника Алексея Николаевича на семейном совете было решено оставить его на попечении старших сестер и придворных особ в Тобольске. Бывшие же император, императрица и великая княжна Мария Николаевна в сопровождении князя Долгорукова, профессора Боткина и служителей Чемодурова, Седнева и Демидовой отбыли в Екатеринбург, где и были помещены в доме Ипатьева, причем условия жизни царской семьи подверглись самому строгому, почти тюремному режиму.

22 мая прибыли в гор. Екатеринбург и остальные члены царской семьи, то есть Алексей Николаевич, Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Анастасия Николаевна и несколько лиц придворных особ и служителей.

По удостоверению Петра Жильяра, преподавателя французского языка при дворе, — все фамильные драгоценности, по желанию бывшей Государыни, были взяты из Царского Села с собой и во избежание хищения их зашиты в шляпы и пуговицы великих княжен и придворных особ.

В июле месяце во время движения чехо-словацких отрядов на Екатеринбург местной большевистской властью было объявлено о расстреле бывшего Государя и всей царской семьи, и с этого времени в городе начали распространяться две версии по поводу исчезновения царской семьи из Екатеринбурга, из коих по одной версии — вся царская семья была убита, а по другой — увезена в Верхотурье или Пермь.

В подтверждение первой версии предварительным следствием были добыты следующие данные, с достаточной достоверностью устанавливающие факт убийства всей царской семьи: 17 июля крестьяне дер. Коптяки, Верхне-Исетской волости, Андрей Шереметевский, Михаил Алферов и другие заметили в 18 верстах от города Екатеринбурга передвижение красноармейских отрядов в расположенных вблизи названной деревни лесах, причем по уходе красноармейцев упомянутые выше крестьяне, придя по следам на место их бывшей стоянки, обнаружили вблизи заброшенных шахт потухший костер; по разрытии этого костра они нашли в нем: крест с изумрудами, 4 планшетки от корсетов, пряжки от подтяжек, туфли, пуговицы, кнопки и бусы; на водной же поверхности шахты были замечены палка, кора, доски, свежая хвоя и железная лопата.

При более подробном осмотре местности судебным следователем вблизи той же шахты, называемой “Исетский рудник”, были найдены — обгорелая старая дамская сумочка, тряпки, кружева и какие-то черные блестящие обломки. Там же затем были обнаружены два небольших загрязненных осколка изумруда и жемчуга, обрывок материи с запахом керосина и, наконец, сильно загрязненный водянистого цвета значительной величины в платиновой оправе камень, — оказавшийся при осмотре его через эксперта-ювелира бриллиантом высокой ценности (около 100.000 руб.), по заключению эксперта, бриллиант этот представляет собой часть другого украшения (подвес) высокохудожественной работы; около самого края шахты в глине был обнаружен осколок ручной нарезной бомбы, а при спуске в самую шахту на стенках ее найдены следы от разрыва ручной бомбы. По удалении воды из шахты находящиеся на дне ее песок и ил были промыты, причем в них оказались: отрезанный палец руки, вставная челюсть, осколки бомбы, поддержка для мужского галстука и другие, не имеющие особого значения предметы.

При предъявлении найденного бриллиантового подвеса и других вещей упомянутому выше свидетелю Петру Жильяру — последний удостоверил, что подвес этот был зашит в пуговицу костюма одной из великих княжен — Ольги или Татьяны Николаевны; серьгу же с жемчужиной свидетель нашел вполне тождественной с серьгами бывшей Императрицы, искусственная челюсть признана доктором Деревенко весьма похожей на ту, которую носил доктор Боткин. В отношении серьги, найденной около шахты, кроме того, было установлено путем сличения, что эта серьга имеет несомненное сходство с серьгами, в которых изображена бывшая Государыня на находящемся в распоряжении следственной власти фотографическом портрете. Другая серьга не была найдена в указанной местности, но были обнаружены осколки жемчужины, в отношении которых эксперт высказал предположение на основании качеств жемчужных осколков, что они составляют жемчужину, парную к найденной серьге. Наконец, в отношении отрезанного пальца врач-эксперт признал, что палец этот от руки человека, знакомого с маникюром, имеет выхолщенный вид, и можно допустить, что он принадлежит женщине с длинными тонкими пальцами.

Осмотром дома Ипатьева, в котором помещалась царская семья, было, между прочим, установлено, что в одной из комнат верхнего этажа входная дверь исколото штыками и сорвана с петель каким-то орудием, а в нижнем этаже в комнате, в которой происходил предполагаемый расстрел, на стене, противоположной входу, оказалось 16 углублений, расположенных на разных расстояниях от поверхности пола. Несколько такого же рода углублений найдено на левой стороне пола, причем эти углубления расположены в той части его, где замечены следы замытой и затертой песком крови. При исследовании упомянутых углублений оказалось, что они представляют собой каналы от револьверных пуль; в некоторых из этих каналов найдены следы свернувшейся крови. По расположению пулевых отверстий в стене комнаты (на расстоянии от пола на 5 — 32 вершка) и по имеющимся отверстиям в самом полу можно было прийти к заключению, что подвергавшиеся расстрелу лица частью стояли во время расстрела, частью лежали на полу. На одной из стен этой же комнаты оказалась надпись, сделанная на немецком языке малограмотным человеком: “в эту самую ночь был расстрелян царь”.

Однако других объективных данных, указывающих специально на то, что в доме Ипатьева была расстреляна именно царская семья, осмотром помещения добыто не было — эти данные были получены путем допроса целого ряда свидетелей. В сентябре поступило дознание об отобрании от красноармейца Кузьмы Ивановича Летемина около 100 разных предметов, принадлежавших царской семье и, по словам Летемина, полученных им частью при уборке дома Ипатьева, частью от брата своего Михаила Летемина, также красноармейца. Допрошенный в качестве свидетеля Кузьма Летемин показал, что он состоял в охране дома Ипатьева, и подробно объяснил порядок и план охраны, назвал ряд лиц из состава этой охраны, а также коменданта дома Ипатьева Юровского и его помощника рабочего Сысертского завода Павла Медведева. По словам Летемина, 16 июля 1918 года вечером, то есть накануне предполагаемого расстрела, он дежурил на посту № 3 у ворот

дома Ипатьева, затем был сменен в 8 часов вечера и вступил в караул на пост № 4 (уличная будка) 17 июля в 8 часов утра. Войдя в это время в караульное помещение, он увидел в нем мальчика Седнева, прислуживавшего бывшему Государю, и, удивившись его присутствию здесь, спросил бывших в помещении охранников, “что значит, что мальчик здесь”, на что один из них махнул только рукой, а другой рассказал, что в ночь на 17 июля бывший царь с женой, детьми, лакеем, поваром и фрейлинами расстреляны, о чем он знает со слов бывшего в ту ночь на посту красноармейца Стекорина [33]; этот последний сообщил ему, что Государя убил комендант Юровский, прочитав перед тем какую-то бумагу; бывшая Государыня и старшая дочь Государя при этом крестились. После расстрела быв[шего] царя была расстреляна латышами и упомянутыми выше Павлом Медведевым вся царская семья и придворные; следы крови на полу были тотчас же заматы и засыпаны песком, а трупы всех убитых помещены в грузовой автомобиль и увезены. Он, свидетель, слышал впоследствии, что мальчик, состоявший при бывшем Государе, был отправлен в Царское Село, “разводящий” же — Медведев ушел на фронт в числе других красноармейцев.

Ту же, в общих чертах, картину убийства царской семьи описала в своем показании жена названного выше “разводящего” Медведева, удостоверившая вместе с тем, что в расстреле этом принимал участие и ее муж, со слов которого она и дала свои показания. Однако наиболее рельефным в этом направлении показанием, рисующим картину убийства царской семьи, является показание Капитолины Агафоновой, которая передает свой рассказ со слов брата своего Анатолия Якимова, служившего в охране дома Ипатьева. По ее словам, как-то в июле месяце Якимов пришел к ней в утомленном и измученном виде. На расспросы он в сильном волнении заявил, что минувшей ночью “Николай Романов, его семья, доктор, фрейлина и лакей убиты” при следующих обстоятельствах: в первом часу ночи всех заключенных разбудили и предложили сойти вниз. Здесь им объявили, что в Екатеринбург скоро придет враг и что поэтому они должны быть убиты; вслед за тем последовали выстрелы и первыми были убиты Государь и наследник; остальные оказались только ранеными, и потому, по словам Якимова, их “пришлось” пристреливать, добивать прикладами и прикалывать штыками; особенно “было много возни” с фрейлиной; она металась, прикрывалась подушкой; на теле ее оказалось потом 2 раны. Великая княжна Анастасия Николаевна упала в обморок; когда же ее стали осматривать, она “дико завизжала”, после чего ее убили штыками и прикладами. Вообще сцена убийства была так кошмарна и жестока, что, по словам свидетеля, “ее трудно было вынести и он не раз выходил на воздух, чтобы освежиться”. Этому показанию или, по словам свидетеля Григория Агафопова, — признанию Анатолия Якимова, нельзя было не верить, так как даже к вечеру того же дня, то есть после убийства, когда он пришел проститься, вид его был прямо поразителен: лицо осунувшееся, зрачки расширены, нижняя губа во время разговора тряслась, ясно было видно, что за минувшую ночь он пережил что-то потрясающее.

Задержанный, как красноармеец и служивший в охране царской семьи, Прокопий Кухтенков показал, что числа 18 — 19 июля он встретил в рабочем клубе Верх-Исетского завода председателя Исполнительного Комитета Совета Р. и С. депутатов Сергея Павловича Малышкина, военного комиссара Петра Ермакова и других видных членов партии большевиков, которые вели между собою таинственную беседу, причем до него, свидетеля, долетела фраза: “всех их было 13 человек, тринадцатый доктор”. Увидев его, названные лица ушли продолжать разговор в сад, причем он незаметно последовал за ними, спрятавшись в траве и стал подслушивать. Он слышал, как один из названных лиц произнес: “второй день приходится возиться: вчера хоронили, а сегодня перехоранивали”. Из дальнейшего разговора свидетель понял, что из названных лиц Леватных, Партин и Костоусов принимали участие в погребении бывшего Государя и его семьи. Вопросы задавал Кривцов, отвечали же, как бы хвастали своими действиями, Леватных и Партин. Так, Леватных, между прочим, сказал: “Когда мы пришли, они были еще теплые, я сам шупал царицу, и она была теплая”, “теперь и умереть не грешно, шупал у царицы...” На вопросы об одежде, красоте, числе лиц Партин ответил, что все они были одеты в штатское платье, что в одежде были зашиты драгоценности и что красивых среди них нет никого. Кроме того, слышал, как кто-то сказал, что “про наследника говорили, что он умер в Тобольске, но и он тут”. О месте погребения убитых было упомянуто, что сначала их похоронили в двух местах за Екатеринбургом II, а затем увезли дальше и похоронили в разных местах, но где именно, они не говорили.

Наконец, помимо изложенных данных, дознанием путем опроса целого ряда лиц было установлено, что в ночь на 17 июля из дома Ипатьева выезжали автомобили, а по объяснению военного чиновника Леонова, 17 июля комиссаром снабжения фронта Горбуновым были потребованы 5 грузовых автомобилей, причем один из них был возвращен обратно лишь 19 июля и оказался запачканным в крови и грязи, хотя и было заметно, что его мыли и чистили.

В противовес указанным выше обстоятельствам, устанавливающим факт убийства царской семьи, целый ряд свидетелей показал, что царская семья не расстреляна, а увезена из Екатеринбурга в Пермь или Верхотурье. Однако эта версия не нашла себе подтверждения в объективных данных следствия, и никто из свидетелей не удостоверил, чтобы лично видел отъезжавшую царскую семью.

Изложенными выше данными исчерпывается в существенных чертах материал, добытый пока предварительным следствием.

В последнее время изъята телеграфная корреспонденция Екатеринбургского Областного Совета Р. и С. Д., корреспонденция эта будет подвергнута исследованию, целью которого является установление отношений к судьбе бывшего императора со стороны местной и центральной советской власти.

Кроме того, в самом ближайшем времени будет допрошен один из главных участников преступления непосредственный убийца царской семьи, упомянутый выше Павел Медведев, только что задержанный. Допросу этого свидетеля следственная власть придает большое значение, так как путем его полнее будут освещены обстоятельства убийства бывшего императора и его семьи и, весьма возможно, будут получены указания на место нахождения трупов, розыск которых, несмотря на все принятые меры, не дал положительных результатов.

Придавая вообще особое значение настоящему делу, Министерство Юстиции принимает все меры к тому, чтобы обеспечить все стороннее и успешное, и быстрое производство расследования по этому делу. В том же направлении действует и следственная власть в лице судебного следователя по особо важным делам Соколова, на которого в последнее время возложено производство следствия. Вместе с тем приняты надлежащие меры и к тому, чтобы сохранить все вещи бывшего императора и его семьи, найденные при производстве следствия и имеющие в своей совокупности историческое значение.

Подлинное подписал:
Министр юстиции Старынкевич.

№16

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПОСЛЕДНЕГО ЦАРЯ [34]

Уральские рабочие горды не только своим активным участием в пролетарской революции, но и тем, что на горах Урала, в глубоких его недрах лежат ничтожные остатки тирана, заплатившего жизнью за вековой гнет и произвол своих предков над русским народом, над рабочими и крестьянами обнищавшей и окровавленной страны.

Казнь Николая Романова и его семьи, совершенная рабочими Урала в Екатеринбурге, для широких масс трудящихся прошла мало заметно. Уральские пролетарии в дни казни бывшего царя были заняты организацией обороны родного Урала.

В непрерывном грохоте битв, в течение лет потрясавших еще не окрепший организм Советской России, не было времени остановиться на этом эпизоде рабочей революции.

Теперь же, подводя четырехлетние итоги борьбы уральских рабочих за коммунистическую революцию, своевременно будет вспомнить о тех обстоятельствах, которые сопровождали последние дни последнего царя.

I

Арестованный Временным Правительством Николай Романов и его семья были заключены первоначально под домашний арест в одном из дворцов Царского Села. Под влиянием растущего возмущения рабочих, солдат и матросов по отношению к семье Романовых, как олицетворению старого самодержавного строя, Временное Правительство решило отправить “царственного узника” подальше, в глубь страны. Таким местом избран был Тобольск, родина старого друга и “молитвенника” семьи Романовых — Распутина, вотчина его ставленников и сподвижников.

Здесь враги народа пытались сохранить последние остатки самодержавия. Они надеялись с помощью соглашателей влезть вновь на спину трудящихся, реставрировать-подновить трон самодержавия и посадить на него Николая Романова, как своего ставленника, как верного защитника буржуазии и помещиков.

4 августа 1917 года специальный поезд, сопровождаемый двумя членами Временного Правительства, с особым отрядом охраны, привез царскую семью и всю его челядь в Тюмень, откуда пароход доставил их в Тобольск.

II

В октябрьские дни 1917 года низвержение еще одного самодержавия, самодержавия буржуазии, естественно отвлекло внимание от личности самодержца, низвергнутого в февральские дни. В тобольской глуши жил он со своей семьей, тая чувство мести к рабочим и крестьянам России, разрушившим старый строй произвола и рабства, лелея надежду вновь его восстановить.

Но уже в начале зимы 1917 года в столичной, преимущественно буржуазной печати начали появляться материалы о жизни Романовых в Тобольске и о концентрации вокруг них контр-революционных элементов.

Ряд провокационных сообщений о бегстве и о похищении бывшего царя заставил насторожиться Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, местные советы и особенно Уральский Областной Совет. Отрывочные сведения, доходившие из глуши Тобольска, невольно заставляли думать, что как русские, так и, главным образом, заграничные контр-революционные круги готовят бегство Николая Романова и его семьи и реставрацию его кровавой власти с помощью европейских коронованных родственников и сторонников старого режима.

Между прочим, ко времени перевода семьи Романовых в Тобольске оказался известный черносотенец — епископ Гермоген. И он начал здесь работу по подготовке новой смуты вокруг бывшего царя.

“Известия В.Ц.И.К.” в свое время сообщали о работе епископа Гермогена следующее:

“Притихший было в первые месяцы революции, этот иезуит вновь принялся за свою черную работу. Гермоген устроился в Тобольске, где он поставил себе целью очистить город от распутинско-варнавинского духа”.

Однако он и не думал этой очисткой заниматься, а все время вел с Петроградом какие-то переговоры. Вполне возможно, что в результате этих переговоров царская семья была водворена именно в Тобольск.

Тобольскому совету совместное жительство таких двух особ, как Николай и Гермоген, казалось недопустимым, и им были предприняты меры к переводу последнего из Тобольска. Это ни к чему не привело. На все запросы получался категорический ответ: “нельзя”. Тогда был установлен надзор за сношениями между домом “Свободы”, где сидели Романовы, и архиерейским. Но паутина была так тонка, что обнаружить ее не представлялось возможным. А тем временем шла какая-то игра. Неизвестными корреспондентами посылались в столичные газеты ложные сообщения о положении семьи Романовых, о побеге Николая и т. д.

Вообще, пускались пробные шары: отыскивался тот общественный слой или та группа, на которую можно было бы положиться в деле если не освобождения Николая, то создания около его имени смуты.

Первый, видимый для Тобольска, шар был пущен в ноябре в виде раздававшихся в соборе и распространявшихся среди солдат листовок с призывом: “помочь царю-батюшке постоять за веру русскую, православную”.

Вторым шаром было произнесенное в Благовещенской церкви, в присутствии Николая и его семьи, величание “его величества”. Величал дьякон Евдокимов, по его словам, по приказу священника Васильева.

По этому поводу был запрошен Гермоген, который объяснил: “так как, по данным священного писания, государственного права, церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страны бывшие короли, цари, императоры и т. п., не лишаются своего сана, как такового, и соответственных ему титулов, то поступок о. Алексея Васильева я не могу считать и не считаю преступным”.

Тем временем в Тобольск, под видом “отдыха”, стали съезжаться неизвестные офицеры, жившие под чужими паспортами. Один из них, Раевский, был у Гермогена и передал ему письмо бывшей императрицы Марии, которая, между прочим, писала: “Владыка, ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за

Русь, — это предзнаменование. Теперь настал черед тебе спасти родину: тебя знает вся Россия, — призывай, громи, обличай. Да прославится имя твое во спасение многострадальной России”.

И Гермоген действительно начинает снова “прославляться”.

III

На одном из февральских заседаний Уральского Областного Совета поднят был вопрос о переводе Романовых из Тобольска в более надежное место и о немедленном принятии мер для предупреждения возможности побега Николая Романова.

Тобольск входил в район ведения Западно-Сибирского Совдепа, и Уралсовет предполагал первоначально с ним выяснить вопрос о переводе Романовых в Екатеринбург.

Для ведения этого дела выделена была специальная “тройка”, в составе товарищей: Дидковского (заместитель председателя Уралсовета), Войкова и Хотимского.

В целях предупреждения побега Романовых из Тобольска решено было в первую очередь поставить заставы на возможных путях бегства Романовых на север. Из Надеждинска прямым путем в Березов отправлена была группа в 5 человек надежных рабочих, с тов. Сапожниковым во главе. Заставы были поставлены также и в пунктах — в Голышманове и затем севернее Тобольска, на путях к Омску. Всем отрядам были даны инструкции следить за проезжающими из Тобольска, а в случае, если приметы подозрительных лиц будут подходить под приметы Романова, таковых задерживать, при сопротивлении убивать.

Однако надежда на эти отряды, как выяснилось впоследствии, не оправдалась: березовский отряд, наиболее надежный, вскоре был арестован и освобожден только тогда, когда надобность в нем миновала; голышмановская группа оказалась недостойной возложенной на нее задачи, а один из ее членов расхвастался даже о том, что они посланы “царя убивать”. Реакционное купечество арестовало отрядников и двое из них были убиты.

О мерах, принимаемых Уралсоветом для предупреждения бегства Романовых, узнал Запсибсовдеп: начались переговоры с ним о вывозе Романовых из Тобольска. Запсибсовдеп, учитывая ненадежность пребывания Романовых в Тобольске, склонился к переводу их в Омск.

Одновременно велись переговоры с В.Ц.И.К. и персонально с председателем его, Я. М. Свердловым. Уралсовет указывал на необходимость перевода Николая Романова в Екатеринбург.

В то же время для более надежного осведомления о положении дел на месте в Тобольске и подготовке почвы для перевода семьи бывшего царя в Екатеринбург Уралсоветом были командированы туда товарищи: Авдеев (рабочий Злоказовского завода), Хохряков (матрос) и Заславский (рабочий Надеждинского завода). Задача заключалась в ознакомлении с обстановкой, окружавшей Романовых, коммунистической пропаганде и влиянии на местный совдеп.

Эти товарищи в начале марта выехали в Тобольск с подложными документами, без обозначения прямой задачи поездки, так как имелись сведения о ненадежности как Тобольского Совета, так и охраны семьи Романовых, все еще состоявшей из гвардейцев Керенского, не желающих принципиально иметь с большевиками никакого дела.

IV

Уполномоченные Уралсовета добрались до Тобольска быстро. Развернули там свою работу и через специальных курьеров связались с Екатеринбургом.

В Тобольске Совет состоял из меньшевиков и эсеров. Организации коммунистической партии не было.

Семья Романовых, помещавшаяся в бывшем губернаторском доме, жила довольно свободно: имели возможность беспрепятственной переписки, получения продуктов и т. д. Живший в Тобольске бывший гвардейский офицер, князь Долгоруков, имел свободный вход к Романовым. Сравнительно свободно допускались и другие лица.

Дальнейшее ознакомление подтвердило прежние сведения Уралсовета о наличии здесь большого количества контр-революционных элементов и деятельности епископа Гермогена. Кроме того, вскоре в Тюмени арестован был бывший глава Временного Правительства, князь Львов, приехавший сюда по “лесопромышленным делам”...

Екатеринбургские товарищи быстро развили среди гарнизона, отряда особого назначения, охранявшего Романовых, и рабочих имевшихся в городе предприятий коммунистическую агитацию. Хохряков через полторы недели занял уже пост товарища председателя, а затем и председателя местного совета. Это дало возможность Уралсовету закрепить связь с Тобольском, т. к до сих пор телеграф не мог быть надлежаще использован и важные телеграммы обычно задерживались или извращались.

Между тем из Омска прибыл в Тобольск отряд под начальством уполномоченного Запсибсовдепа Демьянова, а из Екатеринбурга выдвинуты были отряды в разные пункты вокруг Тобольска в Тюмень, в Гольшманово и т. д. В самый Тобольск с разных сторон постепенно направлялись Уралсоветом преданные Советской власти красноармейцы, скоро составившие значительный отряд, находившийся в распоряжении Хохрякова.

Скопление в Тобольске отрядов, скрывших свои прямые задачи, вызвало определенный ажиотаж среди старой охраны Романовых, в отрядах екатеринбургском, омском и особенно, конечно, среди контр-революционных элементов Тобольска. Епископ Гермоген сделал попытку активно выступить и организовал патриотическую манифестацию — крестный ход, который никаких результатов не дал, так как значительные силы отрядов, вышедших для охраны порядка на улицах, расхолодили чувства контр-революционеров.

Обостренные отношения между омским и екатеринбургским отрядами закончились в конце концов арестом Хохрякова, заподозренного в провокации, и только переговоры по прямому проводу с Уралсоветом, подтвердившим особые полномочия Хохрякова, спасли последнего от расстрела.

V

В Екатеринбурге в это время велись усиленные переговоры с В.Ц.И.К. о переводе Романовых. Комиссия, работавшая по переводу, была усилена Голощекиным, военным комиссаром Уральского округа, что дало возможность располагать военными отрядами для организации перевозки Романовых.

На неоднократные предложения Уралсовета о вывозе Романовых из Тобольска, поддержанные и Запсибсоветом, В.Ц.И.К., наконец, сообщил, что бывший царь с семьей будут перевезены на Урал, для чего В.Ц.И.К. командирует своего уполномоченного Яковлева.

Несмотря на явную необходимость согласованных действий с Уралсоветом, Яковлев в Екатеринбург не заехал, и вскоре выяснилось, что с отрядом из рабочих Симского и Миньярского заводов он через Челябинск и Омск проехал в Тобольск.

Наступила весенняя распутица, и с вывозом семьи Романовых из Тобольска надо было спешить. Решено было немедленно вывезти Николая Романова, его жену Александру, дочь Марию и доктора Боткина. С ними же взят был из Тобольска и бывший князь Долгоруков. Остальные члены семьи и штат фрейлин и слуг остались до первых пароходов.

Из тех предварительных приготовлений к переводу семьи, которые имели место еще до приезда отряда Яковлева, Романовы поняли, что положение их резко меняется, и с большим недовольством и протестами покидали Тобольск.

Путь от Тобольска до Тюмени совершен был благополучно, если не считать того, что уральцы сразу почувствовали недоверие к комиссару Яковлеву, взявшему в свои руки охрану Николая, окружив его особым почетом, никого к нему не допуская и т. д.

Уральцы на свой страх и риск устроили при переправе через Тобол у с. Иовлева засаду, предполагая при малейшей измене со стороны Яковлева устроить нападение на экспедицию.

VI

В Тюмени Романовы были посажены в специальный поезд. Яковлев, пользуясь особыми полномочиями, предоставленными ему В.Ц.И.К., занял телеграф и вел переговоры по прямому проводу с Кремлем. Результаты этих переговоров скоро выяснились.

Уралсовет получил телеграмму о том, что поезд выехал в Екатеринбург. Вслед за тем получилась новая телеграмма, что поезд комиссара Яковлева с семьей Романова, не останавливаясь на ст. Тюмень, полным ходом прошел по направлению на Омск.

Немедленно был выслан из Екатеринбурга специальный поезд с отрядом для задержания Яковлева и возвращения его в Екатеринбург. Одновременно велись по прямому проводу переговоры с надежными партийными товарищами в Омске и в результате переговоров решено было поезд на Сибирь не пускать, а в случае надобности даже взорвать его.

На происходившей в эти дни в Екатеринбурге областной конференции Р.К.П. в закрытом заседании Голощекиным сделан был доклад о событиях, связанных с вывозом бывшего царя и его семьи из Тобольска. Конференция постановила настаивать на переводе Романовых в красный Екатеринбург. Резолюция конференции немедленно сообщена была В.Ц.И.К. и центральному комитету партии.

Не доезжая до Ишима, Яковлев остановил поезд в поле и разрешил Романовым прогулку “на солнышке”, после чего двинулся дальше к Омску. Доехать до Омска ему не удалось, т. к., узнав о готовившейся для него “встрече”, он возвратился в Екатеринбург.

Уралсовет перевод Романовых в Екатеринбург держал в тайне. Однако сведения о приезде Романовых распространились по городу, и на станции “Екатеринбург I”, где остановился поезд, и к дому, куда должны были поместить бывшего царя, начали стекаться любопытные.

Тогда поезд был передвинут вновь на ст. “Екатеринбург II”, куда подано было два автомобиля.

Приехавшие за Романовым уполномоченные Уралсовета Белобородов, Дидковский и Авдеев встретили вновь недоверие со стороны Яковлева, не желавшего выдать заключенных без охраны и не допустившего уполномоченных к Романовым, мотивируя тем, что “они готовятся к выходу и не стоит их беспокоить”.

Решено было взять немедленно из поезда только Романова с женой и дочерью, оставив спутников и весь багаж в поезде.

Романовы были посажены в автомобиль, вместе с ними на переднем сиденье с шофером сел Дидковский, а на втором автомобиле позади поехали Белобородов и Авдеев. Оба автомобиля безо всякой охраны двинулись в город, к дому Ипатьева, на углу Вознесенского переулка и Вознесенского проспекта, где приготовлено было помещение для заключения Романовых.

VII

Для разрешения ряда вопросов, связанных с переводом в Екатеринбург Романовых, было назначено экстренное заседание Областного Совета, на которое комиссар Яковлев явился с некоторыми своими товарищами и 8 гвардейцами бывшей охраны Николая в полном вооружении.

На заседании поставлен был вопрос о недоверии к Яковлеву, так как поведение его при перевозке Романова и попытка проезда в Сибирь показались подозрительными.

Комиссар Яковлев на запрос Совета рассказал следующее:

Получив от председателя В.Ц.И.К., тов. Я. М. Свердлова, мандат и личное поручение на доставку Николая Романова в Екатеринбург живым, он, видя настроение уральцев в Тобольске, чувствуя по дороге на Тобольск и в Тюмень постоянный надзор с их стороны и имея словесное указание Я. М. Свердлова “охранять всеми мерами” бывшего царя, решил донести В.Ц.И.К. о своих опасениях на счет перевода Романова в Екатеринбург.

Разговоры с В.Ц.И.К. велись по прямому проводу, и Яковлев представил Уралсовету ленты аппарата. Из разговоров видно было, что комиссар Яковлев, стремясь охранить “особу”, предложил В.Ц.И.К. разрешить

ему увезти Романова к себе на родину в Уфимскую губернию и скрыть там в надежном месте “в горах”. Это курьезное предложение В.Ц.И.К., конечно, отвергнул, но согласился на перевоз Романовых в Омск. Меры, принятые Уралсоветом, помешали выполнению этого предприятия, и Романовы привезены были в Екатеринбург.

Комиссару Яковлеву было объявлено, что миссия его закончена. Сдав бывшего царя и привезенных с ним под расписку и ответственность Областного Совета, Яковлев со своим отрядом из Екатеринбурга уехал, а гвардейцы были разоружены, снабжены деньгами и распущены по домам.

Приехавшего с Романовым Долгорукова, ввиду подозрительного его поведения, решено было арестовать и заключить в тюрьму. Произведенным у него обыском обнаружена была значительная сумма денег, главным образом мелочью, 2 карты Сибири с обозначением водных путей и какими-то специальными пометками. Сбивчивые показания Долгорукова не оставляли сомнения в том, что у него была определенная цель организовать побег Романовых из Тобольска.

VIII

Местом заключения Романовых Екатеринбургским Советом был избран дом Ипатьева. Владелец дома был выселен, а вокруг дома, впоследствии, устроен был легкий забор, защищающий дом от любопытных взглядов.

Доставленная в “дом особого назначения”, как именовался в советских кругах дом Ипатьева, семья Романовых была принята комендантом дома, тов. Авдеевым.

Выяснилось, что вещи Романовых ни при аресте в Царском Селе, ни в Тобольске не просматривались. Предложено было немедленно открыть привезенные ими с собой ручные чемоданы.

Николай сделал это беспрекословно.

Александра заявила, что своих вещей она осматривать не даст. Начались пререкания с комендантом.

Николай в волнении зашагал по комнате и довольно громко заявил: “Черт знает что такое, до сих пор всюду было вежливое обращение и порядочные люди, а теперь...”

Романову было заявлено, что нужно помнить, что он не в Царском Селе, а в Екатеринбурге, и что, если он будет вести себя вызывающе, его изолируют от семьи, а при повторении привлекут к принудительным работам.

И Александра и Николай почувствовали, что с ними шутить не станут, и подчинились требованиям коменданта дома.

IX

Дом Ипатьева двухэтажный, причем нижний этаж, полуподвальный, благодаря сильному уклону почвы с Вознесенского проспекта, был занят, главным образом, помещениями, приспособленными под канцелярию, кухни, кладовые. В верхнем этаже Романовым было отведено пять комнат, в которых они и содержались в условиях полутюремного режима.

Привезенные в мае из Тобольска сын и остальные дочери Романова были также заключены в доме Ипатьева.

Не применяя к заключенным особо репрессивных мер и строгого тюремного режима, Областной Совет в то же время ввел строгую охрану дома, и заключенные находились в нем всегда под неусыпным надзором красной гвардии, отряд которой помещен был в одном из зданий напротив “дома специального назначения”.

Николай Романов, вообще идиотски безразлично относившийся к событиям, происходившим вокруг него, довольно спокойно относился и к режиму дома. Пытался первоначально заговорить с часовыми, а когда это ему запретили — прекратил.

Не так держала себя Александра. При каждом удобном случае она пыталась протестовать против условий введенного для нее режима, оскорбляла охрану и бывших в доме представителей Областного Совета.

Обед семья получала из советской столовой, лучшей в городе; ежедневно отпускалось по два обеда на каждого заключенного. В распоряжении семьи имелся “примус” для подогревания обеда.

Ежедневно заключенных выводили гулять в садик при доме, где в их распоряжение предоставлены были приспособления и инструменты для физической работы. Часы прогулки они назначали сами.

Во внутреннюю жизнь заключенных комендатура дома не вмешивалась, предоставляя семье возможность распределять день по своему усмотрению.

В праздники Пасхи Романовы заявили о желании пойти в церковь. В этом им было отказано, но разрешен был доступ священнику, который и произвел в доме богослужение. К Пасхе Романовым заказаны были куличи, пасхи, яйца.

(Интересно отметить следующий факт. Советская столовая в дни Пасхи не работала, и праздничный обед Романовым дан был из квартиры коммуны партийных работников. Обед этот для Романовых готовила жена одного советского работника, которая в дни власти Колчака была арестована. Ей, очевидно, поставили в вину изготовление обедов Романовым и расстреляли.)

Всякие “передачи” заключенным не разрешались.

Особенно настаивали на передачах продуктов монахини местного монастыря, почти ежедневно доставлявшие для Романовых корзины всевозможного печения, которое неизменно передавалось комендантом в распоряжение караула.

Х

В первые же дни после перевода Николая в Екатеринбург сюда стали стекаться монархисты всех мастей. Начиная с полупомешанных барынь, графинь и баронесс, монахинь, духовенства, кончая представителями иностранных держав.

Доступ к Николаю был ограничен чрезвычайно узким кругом лиц и членов Областного Совета Урала. Вообще же разрешения на свидания с Николаем давались В.Ц.И.Ком.

Поэтому бесконечные попытки проникнуть на свидание с Николаем тех или иных лиц всегда кончались неудачей. Но монархическое охвостье продолжало загружать номера гостиниц и, между прочим, усиленно писало бесчисленные письма в дни царских праздников.

Корреспонденции поступало на имя Николая вообще очень мало: по преимуществу поздравительные письма и соболезнования, нередко проскальзывали письма явно ненормальных людей, с описанием снов, видений и другой ерунды.

Просьбы о свидании как с Николаем, а также и с другими представителями дома Романовых были довольно часты. Мотивировки были самые разнообразные: “повидаться, так как состоят в родстве”, “услужить, что надо будет” и т. д. Являлись представители Красного Креста от разных дипломатических миссий. Однажды явился даже член генерального штаба сербских войск, Мигич, для получения личной информации от Николая о мировой войне.

Вся эта свора получала должный отпор от Областного Совета и злобно поглядывала на зоркий караул и сысертских рабочих-красноармейцев, расположенных вокруг дома.

Становилось совершенно очевидным даже для широких кругов населения, что монархисты свивали в Екатеринбурге организацию для освобождения Николая, так что Областной Совет был однажды поставлен перед фактом возможности неорганизованного, стихийного выступления рабочих с целью расправы над царем и собиравшейся вокруг него кликой. Возмущение рабочих масс очевидной организацией контр-революции было настолько велико, что в рабочих кругах Верх-Исетского завода определенно назначался день расправы — праздник 1-го мая. Областной Совет, не желая допустить этого неорганизованного

выступления, принужден был в этот день организовать бесменное дежурство членов Совета. Впоследствии действительно была установлена связь отдельных представителей Красного Креста с чехо-словаками.

XI

Рост контр-революционного движения оренбургского казачества и бунт чехословацких эшелонов, использованных в целях контр-революции, создал угрозу падения Екатеринбурга, а особенно в связи с приближением фронта и активной работы местных контр-революционных сил.

К этому времени романовская семья в Екатеринбурге увеличивается. Из Вятки, по постановлению Губернского Съезда Советов, были высланы в Екатеринбург бывшие великие князья: Сергей Михайлович, Игорь, Константин, Иван Константиновичи и князь Палей. Сюда же, по постановлению В.Ч.К., привезена была из Москвы и вдова князя Сергея Александровича — Елизавета Федоровна.

Опасность сосредоточения массы таких “высоких” гостей в Екатеринбурге в дни напряженной борьбе с контр-революцией вблизи фронта была очевидна, и Областной Совет выслал перечисленных выше лиц в Алапаевск, под надзор алапаевского исполкома.

В Екатеринбург, как раньше в Тобольск, продолжают стекаться видные деятели контр-революции и темные личности, в задачи которых по-прежнему входит организация заговоров и освобождение Романова и всех его родственников.

Среди других лиц, имеющих близкое касательство к семье Романовых, арестовывается указанный выше майор сербской службы Мигич, а вместе с ним фельдфебель Вожечич и некто Смирнов — управляющий делами сербской королевы, жены отправленного в Алапаевск бывшего князя Ивана Константиновича — Елены Петровны.

Эти лица явились в Областной Совет, как делегаты сербского посланника Сполайковича, первоначально для переговоров с Николаем Романовым о войне, а затем якобы для отправки Елены Петровны в Петроград, заявив, что на это получено разрешение от центральной советской власти. По справкам, наведенным Областным Советом в Москве и Петрограде, оказалось, что просьбу Сполайковича о разрешении Елене Петровне переехать в Петроград В.Ц.И.К. отклонил.

Цели Мигича и Вожечича были ясны, но выполнить их им не удалось.

С приближением фронта к Екатеринбургу и местное контр-революционное, “верное престолу”, офицерство пытается завязать связи с царской семьей, усиливает переписку с Николаем Романовым и, главным образом, с его женой, проявляющей большую активность и непримиримость.

Вот одно из писем, которыми обменивались заключенные с заговорщиками, пытавшимися устроить в Екатеринбурге восстание еще в июне с целью освобождения Романовых.

“Час освобождения приближается и дни узурпаторов сочтены. Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим и теперь надо бояться кровопролития. Этот момент наступил. Надо действовать”.

“Друзья, — читаем в другом письме, — более не спят и надеются, что час, столь долгожданный, настал”.

Кто же они, пытавшиеся вырвать из рук народа преступников, лишенных короны, так заботящиеся о царской семье?

Перехваченные с “воли” от романовских доброжелателей письма все подписаны большей частью словом: “Офицер”, а одно даже так — “один из тех, которые готовы умереть за вас, — офицер русской армии”.

Ряд других данных, полученных Областным Советом, обнаруживал организацию, поставившую целью освободить Романовых, готовую ввиду близости фронта исполнить свое намерение.

На заседаниях Областного Совета вопрос о расстреле Романовых ставился еще в конце июня. Входившие в состав Совета эс-эры — Хотимский, Сакович (оставшийся в Екатеринбурге при белых и расстрелянный

ими) и другие были, по обыкновению, бесконечно “левыми” и настаивали на скорейшем расстреле Романовых, обвиняя большевиков в непоследовательности.

Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах июля.

Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета.

Приговор был приведен в ночь с 16 на 17 июля.

В заседании президиума В.Ц.И.К., состоявшемся 18 июля, председатель Я. М. Свердлов сообщил о расстреле бывшего царя.

Президиум В.Ц.И.К., обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановление Уралсовета признал правильным.

XII

Когда президиум Областного Совета подписал смертный приговор Николаю Романову и его семье, чехословацкий фронт был уже близко и контр-революционные банды с двух сторон — от Челябинска и по Западно-Уральской железной дороге — двигались на Екатеринбург.

С расстрелом Романовых надо было спешить.

Организация расстрела и уничтожения трупов расстрелянных поручена была одному надежному революционеру, уже побывавшему в боях на дутовском фронте, рабочему В.-Исетского завода — Петру Захаровичу Ермакову.

Самую казнь бывшего царя нужно было обставить такими условиями, при которых было бы невозможно активное выступление приверженцев царского режима. Поэтому избран был такой путь.

Семье Романовых было объявлено, что из верхнего этажа, в комнатах которого они находились, им необходимо спуститься в нижний. Вся семья Романовых — бывший царь Николай Александрович, жена его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери, домашний доктор семьи Боткин, “дядька” наследника и бывшая принцесса фрейлина, оставшиеся при семье, — около 10 часов вечера сошли вниз. Все были в обычном домашнем платье, т. е. спать всегда ложились позже.

Здесь, в одной из комнат полуподвального этажа, им всем предложили стать у стены. Комендант дома, бывший в то же время я уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны — все они должны умереть.

Неожиданное известие ошеломило осужденных, и лишь бывший царь успел сказать вопросительно — “так нас куда не повезут?”

Выстрелами из револьвера с осужденными было покончено...

При выстреле присутствовало только четыре человека, которые и стреляли в осужденных.

Около часу ночи трупы казненных были отвезены за город в лес, в район Верх-Исетского завода и дёр. Палкиной, где и были на другой день сожжены.

XIII

Самый расстрел прошел незаметно, хотя и был произведен почти в центре города. Выстрелы не были слышны, благодаря шуму автомобиля, стоявшего под окнами дома во время расстрела. Даже караул по охране дома не знал о расстреле и еще два дня спустя аккуратно выходил в смену на наружных постах.

О самом факте расстрела опубликовано было в местных газетах 23 июля.

В передовой статье “Уральского Рабочего” за этот день тов. Сафаров, один из членов президиума Областного Совета, подписавшего приговор Романовым, писал:

“Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца.

Рабочие и крестьяне, поглощенные гигантской творческой работой и великой революционной борьбой, как будто не замечали его и оставляли жить до народного суда.

Историей ему давно был вынесен смертный приговор. Своими преступлениями Николай Кровавый прославился на весь мир. Все свое царствование он безжалостно душил рабочих и крестьян, расстреливал и вешал их десятками и сотнями тысяч. Расстреливал он бедняков и тогда, когда они просто поднимались против своих хозяев, и тогда, когда они шли к нему за помощью.

Вокруг сидевшего в тюрьме бывшего царя все время плелись искусные сети заговоров. При переезде из Тобольска в Екатеринбург был открыт один из них. Другой был раскрыт перед самой казнью Николая. Участники последнего заговора свои надежды на освобождение убийцы рабочих и крестьян из рабоче-крестьянского плена определенно связывали с надеждами на занятие красной столицы Урала чехо- словацкими белогвардейскими погромщиками.

Народный суд над всероссийским убийцей опередил замыслы контр-революционеров.

Воля революции была исполнена, хотя при этом были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни “коронованных особ”. Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником.

Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: вы поставили ставку на императорскую корону.

Ваша карта бита...

Получите сдачи — одну пустую коронованную голову...”

XIV

Белые генералы, пришедшие в Екатеринбург летом 1918 года, прежде всего занялись розысками трупов расстрелянных членов семьи Романовых.

Судебный следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде, Соколов, получил приказ вести следствие, и, благодаря его работе, создано было дело “об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и его семьи”.

Причастных к этому “злодеянию”, по выражению следователя, лиц он насчитывает около двухсот. Большинство из них никакого, конечно, отношения к расстрелу семьи Романовых не имели и “причислены” следователем только для полноты дела.

Белогвардейские газеты и всевозможные аферисты печатали и выпускали для обывателя самые фантастические сведения о жизни семьи Романовых в Екатеринбурге и о расстреле их.

Находились даже фантазеры, которые пытались внушить населению, что семья Романовых вместе с Николаем из Екатеринбурга вывезена.

Предпринятое военными властями обследование того района, куда вывезены были трупы казненных, ничего не дало.

Кроме находки нескольких драгоценных камней и золотых вещей.

Происхождение этих вещей следующее. Романовы были расстреляны в обычном платье. Когда же трупы решили сжечь, то их предварительно раздели. В некоторых частях одежды, потом сожженной, оказались зашитыми драгоценности. Возможно, что часть из них обронена или вместе с вещами попала в костер.

Вот все, что могли найти белогвардейские сыщики, несмотря на то, что ими мобилизованы были для работы и пленные красноармейцы, и крестьяне дер. Коптяки. Для откачивания воды из “подозрительных” шахт была привезена даже паровая машина из Верх-Исетского завода.

Генерал Дитерихс, которому Колчак поручил общее руководство следствием по делу расстрела Романовых, официально заявил, что вся семья Романовых расстреляна и трупы уничтожены без остатка.

Вот выдержка из официальной беседы генерала Дитерихса, помещенной во всех белогвардейских газетах колчаковского времени:

Владивосток 27, II, (Р.Т.А.).

В беседе с сотрудником местных газет, находящихся во Владивостоке, генерал Дитерихс на вопрос о целях приезда во Владивосток сообщил следующее:

“Находясь на фронте, руководя фронтовыми действиями, я параллельно изучал причины убийства царской семьи.

На меня Верховным Правителем была возложена задача обследования убийства царской семьи, а также собирание материалов фактического подтверждения этого убийства. Вся царская семья и великие князья убиты. Первые в Екатеринбурге, вторые в Алапаевске в 60 верстах от Екатеринбурга. Царская семья убита по постановлению Уральского Областного Совета в ночь с 16-го на 17-е июля”.

Урал стал могилой не только бывшему царю и его семье. В средних числах июля в Перми был расстрелян и брат Николая Романова — Михаил Александрович, с помощью которого в феврале 1917 года буржуазия пыталась спасти монархию, передав ему императорскую корону.

В этих же числах уничтожены были в Алапаевска и великие князья Сергей Михайлович, Игорь Константинович, Константин Константинович и Иван Константинович. Трупы этих последних были разысканы белогвардейской контр-разведкой и торжественно похоронены в склепе алапаевского собора.

Следует отметить то обстоятельство, что в официальных советских сообщениях своевременно не были опубликованы полные постановления о расстреле членов семьи Романовых. Было сообщено о расстреле лишь бывшего царя, а великие князья, по нашим сообщениям, или бежали, или увезены-похищены неизвестно кем. То же самое было сообщено и о жене, сыне и дочерях Николая, которые будто бы были увезены в “надежное место”.

Это не было результатом нерешительности местных советов. Исторические факты говорят, что наши Советы, и областной, и пермский, и алапаевский, действовали смело и определенно, решив уничтожить всех близких к самодержавному престолу.

Кроме того, рассматривая теперь эти сообщения уже как факты истории рабочей революции, следует признать, что Советы Урала, расстреливая бывшего царя и действуя в отношении всех остальных Романовых на свой страх и риск, естественно пытались отнести на второй план расстрел семьи и бывших великих князей Романовых.

Это дало возможность сторонникам монархии говорить о побеге некоторых членов семьи.

Чтобы рассеять этот туман, уже зимой 1918 года Областной Совет опубликовал официально сообщение о расстреле и Михаила Романова.

Заканчивая настоящий очерк, являющийся сводкой бесед с отдельными товарищами, принимавшими то или иное участие в событиях, связанных с семьей бывшего царя, а также принимавшими активное участие в ее

расстреле и уничтожении трупов, мы уверены, что товарищи, у которых имеются более обширные сведения о пребывании в Тобольске и на Урале Романовых и о той контр-революционной работе, которая велась вокруг них, дадут нам возможность эти материалы использовать и тем самым еще глубже загнать осиновый кол в могилу русского самодержавия.

П. Быков.

№17

Р. СЛОВЦОВ КРАСНЫЙ ТЕРРОР [35]

Проф. В. Н. Сперанский выпустил на французском языке книгу об Екатеринбургской трагедии [36]. Она озаглавлена “Дом специального назначения”. Так, как известно, именовался на официальном большевистском языке особняк Ипатьева, где в ночь на 17 июля 1918 года была убита царская семья. В. Н. Сперанский видел этот дом через шесть лет после этой ужасной ночи — весной 1924 года. Двойной высокий забор, ограждавший дом, давно был снят и пошел на топливо. Самый особняк потерял свое “специальное назначение”. В нем жил с семьей важный советский сановник — глава местного “собеза”. “Не стоять же пустым такому прекрасному дому при нынешнем жилищном кризисе!” — ответил автору книги один из “совдеповцев” на его вопрос, как можно жить там, и еще с детьми.

“Сначала, может быть, было неприятно, а потом привыкли!”

Но в городе сохранялись воспоминания о страшном преступлении, были живы люди, знавшие убийц, кое-кто из стражи царской семьи, их родственники, соседи Ипатьевского дома. Проф. Сперанский постарался собрать у этих прямых или косвенных свидетелей их показания. Задача нелегкая. Профессор читал в Екатеринбурге публичные лекции, был заподозрен в контрреволюции, и общение с ним вызывало подозрения. Однако с целым рядом интересовавших его людей проф. Сперанскому удалось говорить, и эти разговоры составляют значительную часть его книги.

В них, кроме несомненно ценного фактического материала, есть и обычная большевистская искренняя и неискренняя словесность, хорошо знакомая всем русским, жившим под большевиками. Вытравлять ее из текста “свидетельских показаний” было, конечно, трудно, да и для иностранных читателей книги эти большевистские и антибольшевистские суждения, связанные с Екатеринбургским убийством, представляют, конечно, интерес.

Автору книги удалось проникнуть и в Ипатьевскую усадьбу. Небольшой узкий двор, вымощенный черными плитами, отделяет дом от конюшен и сараев. Задней своей частью дом выходит в узкий сад, с довольно жалкой растительностью. Пирамидальная ель высится одиноко среди нескольких тополей, лип и кустов сирени. В сад выходит маленькая терраса, но вид на город закрывал от царской семьи высокий забор. В сад проникала густая городская пыль с не поливавшихся уже в то время улиц.

Инженер и богатый коммерсант Ипатьев выстроил дом для себя, и по внешнему виду и внутренней отделке этот одноэтажный особняк был одним из лучших в городе. Окна в двух комнатах закрывали решетки художественной работы, и, может быть, именно эти решетки определили выбор дома для царственных узников.

Проф. Сперанский не мог войти в жилые комнаты, но благодаря одному из служащих совета он видел место страшной бойни — комнату подвального этажа, оставшуюся запертой. “Она напоминает погреб, объемом не более 50 куб. метров. В сыром полумраке комната казалась очень узкой. Я думал о том, что в течение нескольких ужасных минут здесь находилось одиннадцать жертв и одиннадцать палачей. Дым должен был быть густым и непроницаемым. В этой душной атмосфере убийцы, конечно, потеряли голову, обезумели и продолжали стрелять и колоть штыками уже мертвые тела”. На полу и через шесть лет сохранились пятна крови. На стенах остались следы пуль с кое-где приставшими пушинками. Горничная Анна Демидова в ужасе старалась укрыться от выстрелов за подушки, принесенные с собой. Окрашенный кровью пух пристал к пуле. На обоях можно было видеть и следы окровавленных рук.

Проф. Сперанский беседовал с двумя из караульных, охранявших царскую семью. Это — рабочие бывшей фабрики братьев Злоказовых, прельстившиеся, как и остальные их товарищи, хорошим вознаграждением и легкой работой. Им интересно и даже лестно было стеречь низложенного царя, чувствовать себя своего рода господами над вчерашним владыкой России и его семьей. Один из стражников жалел, что он участвовал в этой “проклятой охране”, другой, менее чувствительный, охотно рассказал проф. Сперанскому о днях, проведенных в Ипатьевском доме. Царь дважды беседовал с ним, держал себя просто и говорил о войне и деревенских работах. В доме, мало, в сущности, приспособленном для большой семьи и многолюдной охраны, караул жил в тесном соседстве с узниками, и по отношению к великим княжнам караульные позволяли себе и нескромное любопытство, и непристойные слова. Однажды великая княжна Мария Николаевна, самая живая и смелая из сестер, резко отчитала более упорного из безобразников.

Интересна беседа проф. Сперанского с крестьянкой, которая с тремя другими поденщицами мыла пол в Ипатьевском доме 15 июля, как раз накануне убийства. В ее памяти сохранились облики четырех молодых девушек, весело разговаривавших, — смеявшихся, помогавших передвигать мебель. Наследник, желтый и больной, лежал в постели, и царь переносил его кровать из одной комнаты в другую.

Сама сцена убийства изложена в книге сжато, но ярко по документу, который желательно было бы видеть в печати целиком, тем более, что он находится в распоряжении автора книги. Это — материалы, собиравшиеся екатеринбургским инженером Н. в течение шести лет, начиная с 1918 года. После убийства в городе не знали, что случилось. Большевики распространили слух, что царская семья вывезена, а те, кто подозревали правду, думали, что расправа была совершена в шахтах, за городом. Лишь после прихода колчаковских войск раскрылась истина и началось расследование преступления. К книгам Соколова, Дитерихса, Вильтона, Жильяра В. Н. Сперанский сделал ценное для истории дополнение.

№18

БЕСЕДА С ВЛАДЕЛЬЦЕМ ДОМА, В КОТОРОМ БЫЛ УБИТ НИКОЛАЙ II И ЕГО СЕМЬЯ [37]

(ОТ ПРАЖСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА “СЕГОДНЯ”)

В связи с десятилетием со дня убийства царской семьи оживился интерес к этому трагическому событию.

В Чехословакии, вблизи Праги, уже в течение семи лет живет владелец “Ипатьевского дома”, в котором большевики совершили царубийство, — инженер Н. Н. Ипатьев. Он неохотно говорит о мрачных событиях, имевших десять лет тому назад место в его доме, но все же теперь он согласился дать беседу сотруднику пражской чешской газеты “Венков”, напечатанную в этой газете 17 июля с.г. [38], то есть как раз в тот день, когда десять лет тому назад кровь царской семьи обогрела стены Ипатьевского дома.

В своей беседе инженер Н. Н. Ипатьев, между прочим, говорит, что уже десять лет тому назад его мучила болезнь сердца и что поэтому он весну 1918 г. проводил на курорте в 120 верстах от Екатеринбурга. В екатеринбургском же доме жили знакомые Ипатьева из Петрограда. Они получили 27 апреля 1918 г. распоряжение от екатеринбургского совета очистить в течение 24 часов дом. Одновременно с получением этого приказа вокруг дома стали строить высокий забор.

— Узнав о распоряжении о выселении из дома, я, — рассказывает Н. Н. Ипатьев, — немедленно вернулся в Екатеринбург и подал протест совету, указав, что в такой короткий срок дом освободить нельзя. После этого ко мне явился председатель Областного совета Белобородов и председатель местного совета Чвекаев, с которыми было достигнуто соглашение о продлении срока передачи дома.

Спешка с реквизицией дома объяснялась тем, что 29 апреля в Екатеринбург прибыл поезд с арестованным императором. Вагоны этого поезда сутки стояли на Екатеринбургском вокзале в ожидании окончания приспособления дома Н. Н. Ипатьева для новой цели.

С императором Николаем II 30 апреля 1918 года были поселены в Ипатьевском доме великая княжна Мария, князь Долгоруков, лейб-медик доктор Боткин и др. Остальные члены царской семьи тогда еще, вследствие болезни наследника, находились в Тобольске и переехали в Екатеринбург только 22 мая.

— Когда Царь и Царица, — рассказывает Н. Н. Ипатьев, — были перевезены в мой дом на Вознесенской площади, царица на раме окна одной из комнат написала, в память своего приезда, дату: “17/30 апр. 1918”

— Мой дом, как его называли — Ипатьевский, — продолжает рассказ инженер Н. Н. Ипатьев, — был построен в семидесятых годах прошлого столетия. И за все это время ни один мертвый не был из него вынесен. Никто в нем не умирал!..

Какая суровая ирония судьбы... Через пятьдесят лет в нем сразу было убито 11 человек. Сразу из него тайно вынесли 11 оскверненных убийцами тел!..

— Через несколько дней после убийства ключи от моего дома были переданы моим родственникам. Вскоре (25 июля) в Екатеринбург вступили чехословацкие войска под командой генерала Войцеховского, в настоящее время командующего войсками Моравского Военного округа.

Я приехал вторично в Екатеринбург 1 августа. Там я узнал, что ключи от моего дома находятся у генерала Голицина, начальника гражданского управления. Он их передавал Сергееву, ведшему сначала следствие об убийстве царской семьи. Генерал Голицин отдал распоряжение, чтобы дом охранялся чинами гражданской охраны. Но они вместо охраны растащили множество вещей, уничтожили большую библиотеку, мебель и другие вещи.

На вопрос сотрудника газеты “Венков”, убежден ли инженер Н. Н. Ипатьев в том, что вся царская семья погибла, не думает ли он, что кто-либо из ее членов мог спастись, Н. Н. Ипатьев ответил:

— Я убежден, что вся царская семья и ее свита были убиты в Екатеринбурге в моем доме. Не может быть и речи о том, чтобы кто-либо спасся!

Свой рассказ инженер Н. Н. Ипатьев закончил замечанием об исключительной случайности, а именно о том, что “триста лет тому назад Михаил Федорович Романов был избран царем в Ипатьевском монастыре в Костромской губернии. А через триста пять лет его династия прекратилась после убийства царя Николая II и его сына наследника Алексея в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Начало и гибель династии Романовых, таким образом, связаны с одинаковым именем”!..

К. Б.

№19

СПИСОК ВЕЩЕЙ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ, КОТОРЫЕ ОСТАЛИСЬ В ДОМЕ ИПАТЬЕВА И КОТОРЫЕ УДАЛОСЬ НАЙТИ У РАЗНЫХ ЛИЦ

А. Предметы, найденные в печах дома Ипатьева при осмотре дома судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным

1. Обгорелый футляр, обтянутый снаружи сиреневым муаром, а внутри белым атласом, фирмы Фаберже.
2. Обгорелое портмоне коричневой кожи с медной внутренней застежкой.
3. Обгорелые кусочки какой-то, видимо, однообразной материи.
4. Обгорелые кусочки, видимо, черной прошивки.
5. Обгорелая пряжка и обгорелая застежка от дамских подвязок.
6. Обгорелая пряжка от мужских помочей.
7. Обгорелые кусочки какой-то материи с находящимися при ней двумя колечками.
8. Обгорелый листик писчей бумаги, на которой читаются написанные чернилами слова: “Седнев, тоска... грусть... глубокою... поймет... ветер к земле... чтобы сломи... не согреш...”
9. Обгорелая дощечка от овальной иконы, на обороте которой сохранились следы надписи: “Х. В. 1916. А.”.

10. Крышечка от шкатулки. Сама крышечка — стеклянная, вставленная в резной металл, имеющая по краям сцепления стекла с металлом резные металлические цветочки. В металле посередине крышки — маленький замочек, коим, видимо, запиралась шкатулка. Все части обгорели.
11. Металлический ободок, сделанный из такого же металла, имеющий такие же размеры, что и крышка, значащаяся под пунктом 10-м: он является, несомненно, частью той же шкатулочки; он сильно обгорел.
12. Бронзовая ручка, видимо, также от небольшой шкатулочки, сильно обгорелая.
13. Жестяная пластинка от отрывного календаря Сытина.
14. Цилиндрическая, желтого стекла трубочка с приставшими к стенкам стеклянными пуговками: и трубочка и пуговики подвергались действию огня.
15. Обгорелые обломки ручки от зубной щетки. На одном из обломочков читается название клейма, написанное по-английски: “London L. Doqueant!”
16. Два однородных обломка белого стекла от какого-то круглого предмета, подвергшиеся действию огня.
17. Четыре осколка стекла, из коих один — от зеленого цвета флакона, два — от рамок и последний от какого-либо круглого стеклянного предмета; все осколки подвергались действию огня.
18. Тонкая медная пластинка от какого-то уничтоженного предмета, подвергавшаяся действию огня.
19. Два осколка фарфоровой тарелочки, подвергавшиеся действию огня.
20. Один круглый фарфоровый осколочек от какого-то иного предмета, подвергшийся действию огня.
21. Стебельки искусственных цветов, подвергшиеся действию огня, распадающиеся при дотрагивании.
22. Стеклянный пузырек с винтовой шейкой, фабричного изготовления, на дне коего вытиснены две буквы “L” и “C”, подвергшийся действию огня.
23. Кусочек обгорелой шелковой материи.
24. Два обгорелых кусочка какой-то материи.
25. Обгорелый галун свитского генеральского погона с вышитым вензелем “Н. П.” и короной.
26. Обгорелая металлическая коробочка от граммофонных иголок с бисером.
27. Обгорелая фарфоровая головка с инициалами “С. В.”.
28. Обгорелые остатки зубных и ногтевых щеток.
29. Обгорелые остатки фарфоровых домино.
30. Две обгорелых металлических подковки от какого-то уничтоженного предмета.
31. Обгорелые остатки разбитой фарфоровой посуды.
32. Два обгорелых замка.
33. Обгорелая металлическая пряжка от пояса.
34. Обгорелые кусочки погонцов.
35. Бывшие в огне осколки от каких-то стеклянных предметов.
36. Обгорелые металлические части рамок.
37. Обгорелая металлическая пластинка от корсета.
38. Пять обгорелых металлических елочных подсвечников.
39. Обгорелый наперсток.
40. Обгорелые шпильки, булавки, иголки.
41. Обгорелые щипчики от конфет.
42. Два обгорелых рыболовных крючка.
43. Обгорелая металлическая спинка от отрывного календаря.
44. Обгорелые гвозди и кусочки каких-то металлов.
45. Обгорелая металлическая сетка.
46. Обгорелая верхушка круглой деревянной крышки с рисунком от какого-то предмета.
47. Пять кусочков сплавившегося блестящего металла.
48. Обгорелая фарфоровая баночка с металлической крышкой.
49. Обгорелый металлический остов бритвоправилки.
50. Семь металлических обгорелых частей от различных запоров для рамок, портмоне, сумочек.
51. Восемь обгорелых частиц овальных багетов от двух рамок: черной и голубоватой.
52. Два обгорелых металлических остова в виде складных рамок с запорами.
53. Четыре металлических обгорелых пряжки от трех каких-то систем.
54. Семь обгорелых металлических петелек от маленьких шкатулок, рамок.
55. Осколки очень маленьких стеклянных пузырьков.
56. Обгорелый обломок гуттаперчевой ручки.
57. Обгорелая запонка.
58. Обгорелый ключик.
59. Обгорелая горелка от лампадки.
60. Обгорелая механическая фитильная горелка и овальный щиток с металлической крышкой.
61. Обгорелый винтиль от надувной подушки.
62. Обгорелая маленькая стеклянная трубочка.
63. Обгорелые металлические частицы, колечки и наконечники от пленочных катушек.

64. Обгорелая металлическая коробочка от граммофонных иголок с дамскими кнопками.
65. Два обгорелых слюдовых креста.
66. Обгорелые спицы для вязанья.
67. Обгорелые серебряные нити от галуна.
68. Кусочки серебра, сплавившиеся с другими металлами.
69. Часть обгорелых деревянных четок с сохранившимися шестью шариками и металлической от четок цепочкой.
70. Обгорелая булавка с нанизанными на ней бисеринками.
71. Шесть кусочков обгорелого дерева, стекла и глины от каких-то уничтоженных огнем предметов.
72. Четыре использованных обгорелых гильзы от револьвера системы Нагана.
73. Обгорелая медная петля, какая-то пластинка и сплюснутая медная трубочка.
74. Обгорелый металлический ободок от дамской ручной сумочки.
75. Обгорелая дамская черная сумочка-мешочек.
76. Кусок обгорелого носового платка с сохранившейся меткой "А" (видимо, Демидовой).
77. Несколько кусочков почти уничтоженной рамочки.
78. Кусок обгорелой срезанной с иконы ризы.
79. Маленькая обгорелая игральная карта (восьмерка бубен).
80. Обгорелый кусочек темно-зеленой шелковой материи и черной бархатной ленты.
81. Обгорелая металлическая монограмма: "18VIII0..."
82. Обгорелые серебряные нити от галуна и шнура.
83. Обгорелая офицерская кокарда.
84. Обгорелый металлический нажим и проволочка.
85. Обгорелая дощечка от какой-то иконы.
86. Обгорелая шелковая подушечка с петелькой от иконы.
87. Две обгорелых металлических планшеты, на одной из коих сохранилось клеймо "ОРТ1... Стокгольм".
88. Обгорелые кусочки бумаги картона.
89. Обгорелые кусочки письма.
90. Обгорелые остатки металлической рамочки со стеклом.
91. Десять обгорелых стальных перьев для письма.
92. Четыре мужских пуговицы фирмы Лидваля, шесть маленьких военных пуговиц с гербами, три дамские стеклянные пуговицы, остатки бельевых пуговиц, остатки перламутровых пуговиц; все пуговицы обгорели.
93. Несколько кусочков разных шелковых дамских ажурных чулок, один кусочек шелковой митенки, уничтоженных огнем; обгорелый мужской каблук со следами металлического предохранителя.

Б. Вещи, обнаруженные в печах и в мусоре при доме Попова, где помещались охранники

94. Картонная коробочка с десятью стеклами для волшебного фонаря; на коробке клеймо: "Склад волшебных фонарей А. Д. Мин. С.-Петербург, Бассейная, 7".
95. Деревянная, овальной формы икона Ангела Хранителя. Лицевая ее сторона имеет трещину, видимо, от удара по иконе. На оборотной стороне черным карандашом рукою Государыни Императрицы написано: "Христос Воскресе 25 марта 1912 года Ливадия".
96. Три катушки с пленками "Кодак" размером 12 1/2 на 10.
97. Две медные бляхи, видимо, от чемоданов; на одной из них вензель "А. Ф."

В. Вещи, обнаруженные в помойной (мусорной) яме при доме Ипатьева

98. Деревянная икона с погнутым металлическим колечком. Нельзя разобрать лика Святого. На оборотной стороне карандашом рукою Государыни Императрицы написано: "Спаси и сохрани. Мама. 1917 г. Тобольск". Выше надписи — изображение креста.

99. Деревянная икона. Нельзя разобрать изображения Святого. На оборотной стороне — остатки надписи на славянском языке, причем представляется возможным разобрать лишь слово: “скорбящих”.
100. Белая маркизетовая блузка для взрослой женщины, отделанная прошивкой и вышитая гладью.
101. Белый батистовый дамский носовой платок.
102. Дамский мешочек-сумочка из шелковой черной материи.
103. Розовая шелковая с серыми отливами ленточка.
104. Черный муаровый галстук с нашитой на нем лентой ордена Святого Владимира, причем лента перерезана наискось в месте, где пришивается орден; подкладка галстука достаточно поношена.
105. Георгиевская ленточка длиной 6 1/2 дюйма, шириной 1 дюйм, запачканная грязью.
106. Офицерская кокарда.
107. Стеклянная баночка.
108. Флакон с изображением на нем Святого Симеона Верхотурского, наполненный наполовину водой.
109. Образ Святого Серафима Саровского Чудотворца, оправленный в металлическую рамку.
110. Образ Святого Симеона Верхотурского на эмали.
111. Небольшой пузырек с водой с надписью на нем: “Вера твоя спасет тя. Свято-Троиц. Сергиев. Лавры”.
112. Шесть флаконов разной величины с лекарственными веществами.
113. Кусок коричневой кожи с тисненым рисунком от сумочки или ридикюля.
114. Стеклянная трубочка с белым порошком.
115. Рамочка для фотографической карточки с круглым отверстием; наружные и внутренние края ее обтянуты медным багетом.
116. Металлическая оправа металлической рамочки.
117. Маленький брелочек с фотографической карточкой, изображение коей уничтожено до неузнаваемости его.
118. Деревянный яйцевидный брелок с вырезанными буквами “Х. В.”.
119. Медная пластинка с изображением короны от несессера.
120. Круглое стекло от фотографической рамочки.
121. Небольшой флакон формы графина с порошком.
122. Свинцовая трубочка с мазью.
123. Крышка белого металла от мыльницы.
124. Металлический кубок.
125. Небольшой фаянсовый кусочек от чайной чашки с буквами “Боя”.
126. Флакон с какой-то мазью.
127. Медная крышка от пудреницы.
128. Восьмигранный флакончик от духов с медным пульверизатором.
129. Генеральский погон.
130. Солдатская кокарда.
131. Четыре оловянных пароходика и один оловянный всадник-гусар — детские игрушки.
132. Медная монета пятикопеечного достоинства.
133. Камень среднего размера из Помпеи, изображающая женский профиль.
134. Три деревянных кружочка от лото с цифрами 1, 4 и 9.
135. Семь деревянных кубиков для постройки домиков — детские игрушки.
136. Фаянсовая крышка от миски.
137. Металлический наперсток.

Обнаружение этих вещей в доме Попова и в мусорной яме при доме Ипатьева принадлежало чинам Екатеринбургского Уголовного Розыска, работавшим в порядке 258 ст. уст. угол. суд. одновременно с судебной властью, занятой преимущественно осмотром дома Ипатьева.

Одновременно с обнаружением сих вещей 10 и 16 августа 1918 года они предъявлялись камердинеру Терентию Ивановичу Чемодурову.

В показаниях, данных начальнику Уголовного Розыска 10 и 17 августа 1918 года, Чемодуров заявил, что вещи, значащиеся под пунктами 100 — 103 включительно, принадлежат Анне Степановне Демидовой; в частности, относительно сумочки Чемодуров показал: “Эта сумочка висела около кровати на стене, и с ней Демидова никогда не расставалась и хранила в ней те вещи, которые ей всегда были необходимы”.

В отношении ленты с орденом Святого Владимира Чемодуров показал: “Черный форменный галстук с перерезанной владимирской ленточкой принадлежит доктору Евгению Сергеевичу

Боткину, этот галстук доктор Боткин всегда носил и даже засыпал в кровати не снимая его, на Владимирской ленточке всегда висел у доктора орден Владимира 3-й степени”.

В отношении георгиевской ленточки Чемодуров показал: “Георгиевская ленточка снята с шинели Государя Императора, с этой шинелью Государь никогда не расставался и всегда в ней ходил”.

В отношении двух икон, значащихся под пунктами 98 и 99, Чемодуров показал: “Два образка с уничтоженными изображениями принадлежат семье Государя и находились в общей спальне дома Ипатьева”.

Офицерскую кокарду и стеклянную баночку, значащиеся под пунктами 106 и 107, Чемодуров признал принадлежащими Государю Императору; вещи, значащиеся под пунктами 108 — 123 включительно, — принадлежащими Государыне Императрице, причем в фотографической рамочке под пунктом 115 был у Государыни портрет ее брата, а в рамочке-брелочке под пунктом 117 — ее родителей; вещи, значащиеся под пунктами 124 — 128 включительно, — принадлежащими Великим Князям; генеральский погон (пункт 129) — принадлежащим князю Долгорукову; вещи, значащиеся под пунктами 130 — 135 включительно, — принадлежащими Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу; крышку от миски — от посуды Императора, наперсток — Демидовой.

Г. Иконы, найденные в доме Ипатьева и в его службах

138. Образ Спаса Нерукотворного, большого размера, с коричневой каймой; на оборотной стороне — изображение креста и надпись: “Спаси и сохрани 25 мая 1913 г. от А. В. Москва”.
139. Образ Спаса Нерукотворного большого размера, с светло-коричневой каймой; на обороте надпись: “Ц. С. Анастасия 1914 г. 5 июня”.
140. Образ Спаса Нерукотворного среднего размера, с коричневой каймой; на обороте изображение карандашом креста и надпись: “Спаси и сохрани от А.”, а также и указана дата “1913”.
141. Образ Спаса Нерукотворного, среднего размера, с серой каймой.
142. Образ Спаса Нерукотворного, малого размера, в коричневой деревянной рамке с черно-золотистым багетом.
143. Образ Спаса Нерукотворного, малого размера; на оборотной стороне надпись по-английски, в которой, однако, представилось возможным разобрать лишь несколько слов, не передающих всего смысла, и дата: “10 мая 1909 года”.
144. Образ Спаса Нерукотворного, малого размера, в металлической рамочке; на оборотной стороне выгравировано: “Страдающий плотью перестает грешить. Как умножаются в нас страдания, умножается Христом и утешение наше для спасения, которое совершается перенесением страданий”.
145. Икона Спасителя, малого размера, тисненая и раскрашенная, на жестяной пластинке, набитой на дерево; на обороте следы надписи: “Этот образ принадлежал нашей двоюродной сестре, когда она умерла...”
146. Образ Божьей Матери Почаевской, большой, чеканенный на гипсе, в красках; обратная сторона обита синим бархатом.
147. Образ Божьей Матери, большого размера, на дереве, старинного письма черной краской на красном фоне.
148. Образ Божьей Матери Тобольской, большого размера, с синей каймой вокруг иконы; на оборотной стороне — изображение креста и надпись Государыни Императрицы: “Спаси и Сохрани. Елка 1917 г. Тобольск Алике”.
149. Икона Божьей Матери Тобольской, малого размера, чеканенная на гипсе, на красках.
150. Образ Пресвятой Богородицы Абалакской, среднего размера, чеканен на гипсе, в красках; на оборотной стороне — изображение креста и рукою Государыни сделана надпись: “Дорогой Татьяне благословение на 12 января 1918 г. Тобольск Папа и Мама”.
151. Образ Божьей Матери Всех Скорбящих Радость, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на оборотной стороне — изображение креста и рукою Государыни сделана надпись: “Т. Н. 27 февраля 1913 г. Ц. С. от Мамы”.
152. Образ Божьей Матери Коломенской, большого размера, на дереве.
153. Образ Знамение Пресвятой Богородицы, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте надпись: “От Ани 1916 г. Т. Н.”

154. Образ Знамение Пресвятой Богородицы, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте рукою Государыни написано: “Дорогой нашей Ольге благословение Папа и Мама. Спала 3 ноября 1912 г.”.
155. Образ Пресвятой Богородицы Абалакской, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте — изображение креста и рукою Государыни сделана надпись: “Т. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск”.
156. Такой же образ; на обороте — изображение креста и рукою Государыни написано: “А. Спаси и Сохрани, Мама. Елка 1917 г. Тобольск”.
157. Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, малого размера, писан на дереве; на обороте надпись: “От Ани 9 сентября 1915 г. Н.”.
158. Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, малого размера, писан на дереве.
159. Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, на полотне, в красках.
160. Образ Божьей Матери Утоли Моя Печали, на гипсе, в красках; на обороте — изображение креста и надпись: “А. ф. Окт. 1908 г.”.
161. Образ Божьей Матери Владимирской, на дереве. На обороте написано: “Тобольск (Святая Икона) сент. 3-го 1917. От Настеньки”.
162. Образ Божьей Матери Благодатное Небо, малого размера, чеканен на гипсе, на красках. На обороте написано: “От Ани 1916 г.”.
163. Образ Божьей Матери Умягчение Злых Сердец, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте внизу надпись: “От сестры милосердия О. Шевчук”.
164. Образ Святого Николая Чудотворца, среднего размера, на гипсе, в красках; на обороте отпечатан штемпель: “Благословение Русского Свято-Андреевского Скита, что на Святой Афонской Горе”.
165. Образ Святого Николая Чудотворца, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте — карандашом обозначены две буквы “А. В.” и штемпель: “Сия икона освящена на Мощах Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца 12 июня 1914 г.”.
166. Образ Святого Николая Чудотворца, малого размера, в серебряной позолоченной ризе.
167. Образ Святого Серафима Саровского, малого размера, писан на дереве.
168. Образ Святого Серафима Саровского, малого размера, в металлической рамке, под стеклом.
169. Образ Святого Георгия Победоносца, старинного письма и отделки, в металлической рамке яйцеобразной формы, подвешенной на цепочке; на обороте рукою Государыни написано: “Х. В. Мария от Папа и Мама 1913 г.”.
170. Образ Святого Симеона Верхотурского, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте рукою Государыни написано: “Дорогой Татьяне от Ани 1916 г.”.
171. Образ Святого Симеона Верхотурского, малого размера, в металлической рамочке.
172. Образ Святых Мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, малого размера, писан на дереве.
173. Такой же образ, с колечком на задней стенке.
174. Такой же образ; на обороте карандашом сделано изображение креста и надпись: “А. Тобольск”.
175. Такой же образ; на обороте рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны сделана надпись: “Тобольск 1917 г. 22 декабря Т. Н.”.
176. Такой же образ; на обороте написано: “Дек. 1917 г. Тобольск. Празднов. 14 апреля”.
177. Образ Святой Мученицы Параскевы Пятницы, малого размера, писан на дереве; на обороте надпись: “От старицы Марии Михайловны. Новгород, 11 декабря 1916”.
178. Образ Святого Сергия Радонежского, среднего размера, писан на дереве.
179. Образ Святых Косьмы и Дамиана, малого размера, на жести в красках, набит на дерево; на обороте надпись — “22 мая 1916 г.”.
180. Образ Святого Пророка Илии, малого размера, писан на металле, в красках; на обороте надпись — “22 Т. 22 мая 1914 г.”.
181. Образ Святого Иоанна Тобольского, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте надпись: “В благословение от Святителя Иоанна Митрополита Тобольского и Сибирского” и штемпель об освящении иконы 23 апреля 1918 года.
182. Такой же образ; на обороте — такая же надпись и штемпель об освящении иконы 5 мая 1918 года.
183. Такой же образ; на обороте такой же штемпель и надпись рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны: “Т. Н. Тобольск”, перед надписью — изображение креста.
184. Образ Святого Иоанна Тобольского, меньшего размера; на обороте надпись: “Тобольск 11 августа 1917 года от Настеньки”.
185. Такой же образ; на обороте надпись: “Тобольск, 11 августа 1917 г.”.
186. Образ Святого Иоанна Тобольского, еще меньшего размера.
187. Образ того же Святого, большого размера, чеканен на гипсе.
188. Образ Спасителя, писан на дереве; на обороте чернилами черного цвета написано: “Здесь получили утешение и благословение от Григория и Анны”. Все слова в этой надписи, кроме слова “Григорий”, писаны одной рукой. Видимо, все эти слова писаны рукой Анны Александровны Вырубовой, кроме слова “Григорий”, принадлежавшего, видимо, Распутину.

189. Образ Благовещения Пресвятой Богородицы, писан на дереве; на обороте надпись, сделанная черными чернилами, следующего содержания, с сохранением орфографии: “бох радует путешает каксее извечает событье дает взнак цвет”. Ниже этой надписи пометка, сделанная другой рукой: “Док. 1910 г.”. Видимо, надпись принадлежит Распутину. На образе — изображение Девы Марии, Архангела с кетвью в руках и Духа Святого в виде голубя.
190. Образ Святого Иоанна Воина, писан на дереве; на обороте надпись черными чернилами, принадлежащая также, видимо, Распутину: “Богнас на то и благословил этот угодник помощник наслу-чей”.
191. Образ Божьей Матери Достойно Есть, писан на дереве; на обороте надпись черными чернилами, сделанная, видимо, Распутиным: “благословенье отдостойны именинице Татьяне набольшую любовь христианстве вдухе анеформе”.
192. Образ Божьей Матери. Он в золотой ризе; на ней следы срезанного венчика; обратная сторона обита малиновым бархатом. Этот образ, по показанию Чемодурова, — есть образ Федоровской Божьей Матери: сорванный венец имел звезду с бриллиантами.
193. Образ Казанской Божьей Матери, в металлической оправе.
194. Образ Ченстоховской Божьей Матери, в черной раме, со стеклом, заключенным в металлическую оправу.

Три последние образа, как и образ Святого Георгия Победоносца (пункт 169) были найдены в комнате Великих Княжен.

Д. Книги, найденные в доме Ипатьева и в его службах

а) Книги Государыни Императрицы

195. Книга “Лествица”. Она в красном, тисненном золотом переплете. На обратной стороне первого чистого листа книги наклеена ромбообразная бумажка с вензелем “А. Ф.” и Императорской короной. На третьем листе, где напечатано название книги, рукою Государыни карандашом написано: “А. Ф. Ц. С. март 1906 г.”. В книге некоторые страницы отчеркнуты и отмечены карандашом. На странице 167-й три закладки: белая — чистая и две голубых с пометками: на одной Р. (начальная буква французского слова “рае — страница) 184 № 53, на другой: Р. 187 № 66”. На странице 206-й белая закладка с пометкой: Р. 206 № 163. На странице 231-й розовая закладка с пометкой: Ра^е 231 № 83. На странице 269-й — белая, широкая, чистая закладка.
196. Книга “О терпении скорбей”. Она в голубом переплете, тисненном золотом с чернью. На оборотной стороне лицевого переплета наклеена ромбообразная бумажка с вензелем “А. Ф.” и Императорской короной. На обратной стороне обложного листа рукою Государыни написано: “А. Ф. Петергоф 1906 г.”. В книге очень много карандашных отметок и подчеркнутых тезисов.
197. “Молитвослов”. Книга — в темно-синем коленкоровом переплете. На оборотной стороне заглавного листа наклеен кружок, на коем — тисненый сложный вензель “Н. А.” и “А. Ф.” и Императорская корона. На последней странице оборотного листа написано черными чернилами: “б мая 1883 г.”. В книжке несколько засушенных цветов и голубая шелковая ленточка с колечком.
198. “Библия”. Книга — в черном коленкоровом переплете. В ней много подчеркнутых карандашом тезисов и заложены засушенные травки, листики и полевые цветы.
199. Какая-то французская книга.
200. “Великое в малом” Сергея Нилуса.
201. “Синее с золотом” Аверченко.
202. “Рассказы для выздоравливающих” Аверченко.
203. А. П. Чехов — томы II, VIII и XIII.

б) Книги Великой Княжны Ольги Николаевны

204. Английская книга “And Mary Sings Magnificat” в бумажной обложке. На ее обложке изображена воспевающая Святая Дева, и ей аккомпанируют два ангела. На первом листе книги — изображение креста и написанные рукою Государыни Императрицы стихи на английском языке. На оборотной стороне рукою Государыни написано: “В. К. Ольге 1917 г. Мама Тобольск”.

В книге вложены нарисованные и вырезанные из бумаги изображения Церкви Спаса Преображения в Новгороде, Церкви Покрова на Нерли Владимирской губернии и, кроме того, вложены три

листика бумажки. На одном из них написано стихотворение “Разбитая Ваза” Сюлли Прюдома. На двух других рукою Великой Княжны Ольги Николаевны написаны стихотворения:

1. ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ

Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье.
Молитве грешников внемли —
В Тебе — надежда и спасенье.

Погрызли мы во зле страстей.
Блуждаем в тьме порока.
Но... наша Родина. О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, твой светлый дом
Почти что погибает.
К тебе. Заступница, зовем —
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь Своих детей,
Скорбящих упованье.
Не отврати Своих очей
От нашей скорби и страданья.

2. МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной.
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

205. “Орленок” Ростана в красном тисненном золотом переплете. На третьем внутреннем листе надпись по-французски: “В. К. О. Н. от П.Ж. Спала 3 XI 1912”.
206. Английская книга “The princess and the goblin”. Навторой странице надпись по-английски “For darling Olga. From Auntu Jerne. 1908”.
207. Французская книга “Франция во все века”. На обороте первого обложного листа написано рукою Государя: “Елка 1911 — 24-го Декабря. Царское Село. От Мама и Папа” и сбоку: “Ольга Н.”

208. “Правило молитвенное готовящимся ко Святому Причащению”. Книга — в голубом тисненном переплете. На первой странице рукою Государыни написано: “Моей маленькой Татьяне от Мама 9-го Фев. 1912 г. Царское Село”. Книга напечатана по-славянски. На странице 14-й закладка, изображающая Моление о Чаше. На странице 31-й — закладка образ Пресвятой Богородицы Живописный Источник. На странице 44-й — закладка образ Божьей Матери Холмской. На странице 60-й — закладка образ Святого Иоанна Воина и на оборотной стороне этой закладки написано: “В.К.Т.Н.1918г.” На странице 63-й — закладка лента шелковая, на одной стороне коей наклеен золотой Императорский герб, а на другой наклеена бумажка с надписью “Спаси и Сохрани” и нарисованы месяц и звезда. На страницах 74-й и 153-й — одна закладка в виде белой шелковой ленточки, на одном конце коей на колечке надет золотой образок Великомученицы Варвары и серебряный образок Святого Пантелеймона и Великомученицы Варвары, а на другом конце — серебряные образки Божьей Матери Избавительницы и эмалевый образок Божьей Матери Владимирской. На этой ленточке также надето золотое колечко с вырезанной на нем надписью в память восьмисотлетия Киевского монастыря Святой Варвары. На странице 92-й — закладка образ Божьей Матери “В скорбях и печалях утешение”. На странице 110-й — закладка образ Святого Симеона Верхотурского.
209. “Благодееяния Богоматери”. Книга в красном переплете. На внутренней белой обложке — изображение креста и надпись по-английски и по-русски рукою Государыни: “For my Darling Tatiana fr. her loving old Mama. Тобольск. Янв. 12. 1918”.
210. “Часослов”. Книга — в коричневом твердом переплете. На первой странице рукою Государыни написано: “Т. Н. Тобольск 1917 г. 30 Сентября”. На странице 113-й — красная лента-закладка, на коей наклеен щиток с изображением меча и венка и надписью “За Веру Царя и Отечество”, а на другой стороне бумажка с надписью: “Спаси и Сохрани 1906”.
211. “Письма о христианской жизни”. Книга — в черном переплете. На оборотной стороне рукою Государыни написано: “Татьяне 1917 г. Ц. С. 12 июля”.
212. “О терпении скорбей”. Книга — в серой обложке. В углу обложки рукою Государыни написано: “Т. Н. 1917”.
213. “Житие и чудеса Святого Праведного Симеона Верхотурского”. Книга — в серой обложке. В углу обложки рукою Государыни написано: “Т. Н. Тобольск 1917 г.”.
214. “Житие Преподобного Отца нашего Серафима Саровского”. Книга в серой обложке. В углу ее рукою Государыни написано: “Т. Н. Тобольск 1918 г.”.
215. “Акафист Богородице”. Книга в белой обложке, запачканной маслом. На обложке рукою Государыни написано: “Т. Н. 27-го февр. 1913 г. Ц. С.” На внутренней обложке рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны написано: “Празднование образу Пресв. Богородицы всех скорбящих радости (с 16.88 г.) 24-го октября”.
216. “Двенадцать Евангелий”. Книга в сером переплете. На внутренней обложке рукою Государыни написано: “Дорогой Татьяна от Мама 1905”.
217. “Моя жизнь во Христе”. Книга — в коричневом твердом переплете. На первом листе рукою Государыни написано: “Т. Н. 1915”.
218. “Утешение в смерти близких сердцу”. Книга в светло-зеленой обертке. В углу ее рукою Государыни написано: “Т. Н. 1917”.
219. “Сборник благоговейных чтений” Валуева. Книга в светло-лиловом переплете. На страницах 259, 271, 307, 351 и 417 вложены засушенные цветы.
220. “Беседы о страданиях Филарета”. Книга в голубом тисненном переплете.
221. “Канон Великий Андрея Критского”. Книга без переплета. На заглавной странице надпись: “Татьяне Царское Село 10 февраля 1909 от С. Тютчевой”.
222. “Сборник служб, молитв и песнопений”. Книга в малиновом тисненном переплете. На обложном листе написано: “Милой Татьяне от любящей ее С. Тютчевой 1908 г. 25 ноября”. На оборотной стороне этого листа карандашом написано рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны: “Все тропари и кондаки гласы”. На странице 113-й — закладка-лента, на одной стороне коей нарисован в круге Мальтийский крест и над кругом надпись: “Т. Н. 1905”, а на другой написано карандашом: “Татьяна”. На странице 191-й — закладка — образ Святой мученицы Татьяны, а на обороте ее — надпись: “Да хранит тебя Господь”. На странице 227-й закладка — ромашка засушенная. На последней обложной странице рукою Великой Княжны Татьяны Николаевны написано: “Заключительное Господи Помилуй № 79 Знаменского распева”.
223. Английская книга “The wider life”. Книга в светло-голубом переплете с золотом на корешке. На обороте первой страницы написано рукою Государыни: “For darling Tatiana от А. 1909”.
224. Английская книга “The beauty of self-control”. Книга в светло-голубом переплете. На обороте первой страницы рукою Государыни и за ее подписью “Александра 1912” сделана по-английски надпись, разобрать которую не представилось возможным.

225. Английская книга “Lifes open door”. Книга в таком же переплете. На обороте первой страницы рукою Государыни также сделана надпись по-английски и обозначение креста, а затем Ее подпись “Александра”.
226. “Смелая жизнь” Чарской. Книга в твердом переплете с картинкой на крышке. На обороте обложного листа рукою Государыни написано: “Дорогой Татьяне от Папа и Мама. Янв. 1908”.
227. “История Петра Великого” Чистякова. Книга в сине-зеленом переплете.
228. Английская книга “Король Момбо” с посвящением от автора Павла дю-Шалю.
229. Английская книга того же автора “My Own kingdom” с посвящением от автора, в светло-зеленом переплете.
230. Английская книга того же автора “The country of the Dwargs” с посвящением от автора, в таком же переплете.
231. Английская книга “Рассказы Шекспира” в коричневом переплете.
232. “Басни Лафонтена” на французском языке в желтом переплете. На оборотной стороне написано: “Ольга Татьяна 1905. Петергоф”.
233. “Антология детства” Фредерика Ваталья на французском языке. На оборотной стороне лицевого переплета надпись: “Ольга Татьяна 1906”.

г) Книги Великой Княжны Марии Николаевны

234. “На Париж” Авенариуса. На оборотной стороне обложного листа написано: “М. Н. Елка 1913 от П. В. П.”.
235. Книга “наглядного обучения иностранным языкам”. На заглавной стороне обертки надпись: “Marie”.
236. “Отблески” Попова — ученическая книга. На оберточной листе написано: “М. Н. 1910”.
237. Английская книга “The role and the ring” в зеленом с картинкой переплете.

д) Книги Великой Княжны Анастасии Николаевны

238. Четыре книги сочинений Лажечникова, томы 1 — 12, в цветных переплетах.

е) Книги Наследника Цесаревича Алексея Николаевича

239. “Правила игры на балалайке”. Книга — в голубом переплете с вензелем “А” и короной на лицевой стороне.
240. Ученическая тетрадь в желтой обложке. На лицевой стороне ее рукою Наследника Цесаревича написано: “Тетрадь для французского Алексис”. В ней заполнено пять страниц упражнениями во французских переводах.
241. Тетрадь в синей оберточной бумаге. На ней отпечатаны гербы Тобольской губернии, Тобольского уезда и Царства Сибирского. Наверху напечатано: “ 1916 г. На память”. Внутри тетради — виды Тобольска.
242. “Памятная книжка на 1917 год”. Она переплетена в деревянный с медной застежкой переплет. В ней записи воспитателей Наследника Цесаревича Гиббса и Жильяра о времяпрепровождении и состоянии здоровья Наследника.

Е. Вещи, найденные у охранников в их квартирах

Все эти вещи были обнаружены при обысках, произведенных 6 и 9 августа 1918 года в порядке 258 ст. уст. угол. суд. Начальником Екатеринбургского Уголовного Розыска в присутствии лиц прокурорского надзора.

Вещи эти следующие:

а)Вещи, найденные в квартире охранника Михаила Иванова Летемина в г. Екатеринбурге 6 августа 1918 года

243. Дневник Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Он в переплете, покрытом стального цвета шелком. Все записи в нем сделаны собственноручно Наследником Цесаревичем. Они начинаются с 11/24 марта 1917 года и кончаются записью под датой 9 ноября 1917 года: “Весь день прошел как вчера и так же скучно”.

На первой незанумерованной странице дневника рукою Государыни Императрицы написано: “Всея твари Создателю времена и лета по Своей Власти положивый благослови венец лета благости Твоей, Господи, сохраняя в мире Императора и спаси ны”. Сверху этой надписи — изображение креста.

На другой внутренней странице также рукою Государыни Императрицы написано: “Дорогому Алексею от Мама. Царское Село”.

244. Приходо-расходная книжечка. Она в красном сафьяновом переплете. На приходе указаны деньги из канцелярии Ее Величества. Расход весь почти исключительно на церковь. Книжка начата в феврале 1912 года и закончена в июле 1917 года.

245. Золотой крест-ковчежец; на одной стороне его выгравирован образ Святителя Алексея, по бокам коего выгравировано название иконы, на обратной стороне — Распятый Христос; внутри ковчежца — мощи.

246. Серебряный крест-ковчежец; на одной стороне его выгравировано: “М. Пимена Многострадального”, на другой — выгравирован крест; внутри ковчежца — мощи.

247. Образ Святого Алексея Митрополита Московского. Образ — овальной формы, на фарфоре, оправленный в серебряный вызолоченный ларец, задняя крышка коего открывается, а в самом ларце — мощи. Вокруг образа — украшение из изумрудов и алмазов.

248. Четки из раковин со сломанным крестиком.

249. Две свечи белого воска, из коих одна обвита золотым ободком, а другая украшена золотым узором и цветным букетиком.

250. Две целые стеариновые свечи.

251. Дамский черный шелковый зонтик с ручкой черного дерева и серебряной головкой, на коей выгравировано: “Alix 1891 г.”.

252. Фотографический аппарат панорамный фирмы Кодак из магазина “Карпова в С.-Петербурге, Михайловская, № 1”.

253. Наставление к сему аппарату.

254. Две коробки с негативами в количестве тридцати трех.

255. Стекла волшебного фонаря в количестве двадцати двух.

256. Две маленьких пряжки белого металла с блестящими камнями.

257. Флакон с туалетной водой Вербена.

258. Стеклянная мельница без крышки.

259. Белая костяная ногтевая щетка французского изготовления.

260. Черепашовый гребень для волос № 4698.

261. Деревянная с рукояткой щеточка для обмахивания пыли с ботинок французского изготовления.

262. Пара белых нитяных перчаток.

263. Две малых военных пуговицы с гербами.

264. Пять черных круглых пуговиц, из коих четыре с блестящими камушками.

265. Четыре черных гладких и одна черная с узором пуговица.

266. Клубок черных ниток № 40.

267. Пачка булавок с черными головками.

268. Две пачки иголок № 2 и 5.

269. Маленькая подушечка для втыкания булавок с воткнутыми в нее несколькими булавками с черными головками и одной с металлическим бантиком.

270. Мужская манишка белая крахмальная с дворцовым штемпелем.

271. Белая мужская ночная рубашка со следами какой-то отпоротой метки.

272. Одна бархатная ковровая скатерть с рисунком и бахромой.

273. Одна скатерть малинового цвета из ниток “ириса”.

274. Белая простыня со споротой меткой.

275. Белая батистовая простыня с меткой “Н. А.” и короной: под вензелем цифры: “72/95”.

276. Пуховая подушка в розовом атласном чехле; сверху белая наволочка с меткой: “А. Ф”, короной и цифрами под меткой: “72/94”.

277. Шелковая тонкая подушечка с бантиком.

278. 10 белых вязаных скатертей ручной работы.
279. Белая распоротая наволочка со следами споротой метки: “М.”.
280. Салфеточка для сахарницы, такого же рисунка, как и одна из скатертей.
281. Три покрывала для подушек, из коих два вязаны из белых ниток, ручной работы.
282. Кружева для простыни.
283. Мужские черные штиблеты с резиной.
284. Дамские туфли, коричневой лайки, закрытые, на шнурках; на подошвах оттиснуты цифры “1760” и “120” и метка: “М”.
285. Ремень тонкой желтой кожи с белой пряжкой.
286. Наружный металлический градусник Реомюра.
287. Спиртовка белого металла с фитильной горелкой.
288. Плоская металлическая спиртовка для дамских щипцов.
289. Спиртовка “Зелла”.
290. Двое стальных ножниц, одни — среднего и одни малого размера.
291. Деревянное основание от стоячего зеркала и часть зеркала.
292. Стальной складной для разрезания бумаги нож.
293. Рукоятка с обломанным лезвием мельхиорового столового ножа фирмы Хеннеберг.
294. Использованный флакон синдетикона.
295. Коробка с восемью электрическими лампочками.
296. Небольшой тючок с манным порошком.
297. Жестяная коробка с монпансье.
298. Зеленая картонная коробочка с этикеткой французской фирмы “Наво и К-о” с несколькими фитилями для лампадки.
299. Медный колокольчик.
300. Стальные щипцы фирмы Гапшталь.
301. Кисточка для клея.
302. Две кисточки для рисования.
303. Цветной (красный) карандаш Гартмута.
304. Жестяная коробка от папирос фабрики “Режи”.
305. Стеклоянная матовая большая чашка.
306. Белая фаянсовая банка.
307. Белая фаянсовая крышка.
308. Два фаянсовых чайных блюдца и две малых фаянсовых тарелочки фабрики Кузнецова.
309. Два стакана граненых в нижней трети.
310. Пакет с персидским порошком.
311. Жестяная баночка из-под перца.
312. Жестяная коробка с рисом.
313. Два висячих замка с четырьмя ключами.
314. Одиннадцать белых хорошей бумаги конвертов, в четырех вложены листы твердой синей бумаги.
315. Пять малых конвертов серых с белой каймой.
316. Большая цилиндрическая стеклянная банка с этикеткой на ней фирмы Эйнем.
317. Дорожный погребец, обтянутый черной кожей, застегивающийся ремнем; верхние углы и бока скреплены медью.
318. Желтая полевая телефонная сумка, обшитая парусиной, с ременными застежками. Внутри сумки на дне ее — надпись синим карандашом: “Заведывающий дворцовыми телефонами Коллежский Секретарь. Н. В. Фролов июля 28 дня 1802 г. Г. Новый Петергоф”.
319. Оловянные детские игрушки: пароходик, лодочка, два передка с пушками, одно тело орудия, семь пехотных солдатиков, шесть конных и две лошади.
320. Собака Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, породы спаниель по кличке Джой.

Все вещи, только что перечисленные, Михаил Иванов Летемина сам выдал властям, объяснив, что похитил таковые в доме Ипатьева.

При допросе его членом суда Сергеевым 18 — 19 октября 1918 года он показал, что все эти вещи после убийства царской семьи он взял 22 июля 1918 года из дома Ипатьева и его служб как брошенные. Собаку Наследника Цесаревича Джоя он изъял потому, что “пожалел” ее.

При обыске у него присутствовал камердинер Терентий Иванов Чемодуров, который и опознал все указанные вещи как принадлежащие царской семье и находившимся при ней лицам, показав, что все эти вещи находились в доме Ипатьева.

б) Вещи, найденные в квартире Кузьмы Иванова Летемина

Того же 6 августа Начальником Екатеринбургского Уголовного Розыска в порядке 258 ст. уст. угол. суд., в присутствии прокурорского надзора, был произведен обыск у родного брата охранника Михаила Иванова Летемина Кузьмы, проживающего также в Екатеринбурге.

У него было обнаружено:

321. Семь таких же детских игрушек, как и у Михаила Летемина: две одноколлки, лодочка, две лошадки и два солдатики.

Кузьма Летемина объяснил на дознании, что эти игрушки дал ему за несколько дней до обыска его брат Михаил.

в) Вещи, найденные в квартире охранника Павла Спиридонова Медведева 9 августа 1918 года в Сысертском заводе

322. Саквояж желтой кожи с металлическим замком.
323. Маленький красный сафьяновый бумажник на две створки с застежкой кнопкой; внутри четыре отделения для денег и два для марок.
324. Две золотые запонки, одна овальная, другая круглая; обе представляют сигарные этикетки под стеклом; на каждой из запонок дата: "27 июля 1914 года". Каждая запонка пристегивается раздвижным кольцом на золотой палочке с одним растянутым звеном цепи.
325. Марлевый широкий бинт.
326. Компас.
327. Серебряное колечко, покрытое темно-синей эмалью с надписью: "Св. Пр. Мати Ксения моли Бога о нас".
328. Серебряное колечко, покрытое черной эмалью; расширяясь в середине, оно образует щиток с позолоченным рисунком. На черной эмали надпись: "Пресвятая Богородица спаси нас".
329. Три пары суконных серых перчаток.
330. Одни пуховые носки.
331. Одно полотенце.

При допросе на дознании камердинера Терентия Иванова Чемодурова и по предъявлении ему сих вещей 10 того же августа он показал, что найденные у Медведева кольца принадлежат Великим Княжнам; все остальные вещи — доктору Боткину.

При допросе на следствии у члена суда Сергеева жена Медведева Мария Данилова 9 — 10 ноября 1918 года показала, что все эти вещи после 17 июля принес домой ее муж.

г) Вещи, найденные в квартире охранника Ивана Андреева Старкова 9 августа 1918 года в Сысертском заводе

332. Деревянный желтый полированный ящик. Он имеет наверху ручку и три отделения: два верхние, запирающиеся каждое выдвигной крышкой, и одно нижнее, являющееся выдвигным ящиком. Оба верхние отделения разделены в свою очередь каждое на три отделения.
333. Три мельхиоровые вилки: одна — столовая, с виньеткой на ручке, и две — десертные; на всех трех соскоблены какие-то монограммы.
334. Две восковых свечи из красного воска; обе обвиты золотом, причем одна на две трети, а другая вся целиком.
335. Стенной термометр Реомюра.
336. Флакон с духами.
337. Железный напилоч с деревянной ручкой.
338. Белый батистовый маленький носовой платок; в каждом углу платка вышит шелком кружок и по сторонам его три цветочка; метка вырезана.
339. Такой же платок; в каждом углу таким же шелком вышито по три венчика; метка срезана.

- 340. Такой же платок, но с голубой каймой; метка срезана.
- 341. Такой же платок, но без каймы; в каждом углу вышито таким же шелком по пяти веточек цветов; метка срезана.
- 342. Деревянная коричневая рамочка со вставным узором такого же коричневого, но несколько более светлого цвета. В рамке — маленькая акварель яхты с тремя мачтами и двумя трубами.
- 343. Маленькая рамочка, обтянутая синей кожей с двумя золотыми ободками. В ней — картинка с пакетика от краски для яиц.
- 344. Маленькая рамочка, обтянутая сиреневой кожей с двумя золотыми ободками.
- 345. Маленькая рамочка, обтянутая синей кожей с двумя золотыми ободками.
- 346. Такая же рамочка, но несколько большего размера.
- 347. Кисточка для крашения с деревянной черной ручкой.

При допросе на дознании камердинера Терентия Ивановича Чемодурова и по предъявлении ему сих вещей 10 августа он показал, что все эти вещи, найденные у Старкова, были в доме Ипатьева, как принадлежащие царской семье, причем ящик, напилоч, все рамочки и кисточка принадлежат Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу, платки — Великим Князьям, а вилки — кухне Императора.

д) Икона Святого Иоанна Тобольского, найденная на кладбище Сысертского завода

- 348. Икона Святого Иоанна Тобольского — чеканена на гипсе с основанием из дерева. На месте изображения локтя Святого вырезан ковчежец, где, видимо, хранились мощи. Сзади образа недостает одной планки. Сама доска покороблена, видимо, от сырости. Края иконы побиты, краска местами стерта. На задней стороне иконы определенно видны следы уничтожения бывшей здесь какой-то надписи.

Эта икона была обнаружена в августе месяце 1918 года на кладбище, куда ее, видимо, бросили во время производства обысков в квартирах охранников. 24 августа 1918 года она была предъявлена камердинеру Терентию Ивановичу Чемодурову, признавшему в ней одну из икон Государыни Императрицы.

е) Вещи, найденные в квартире курьера-сторожа в Уральском Областном Совете Петра Иларионова Лылова 30 июля 1918 года

- 349. Карандаш сиреневой эмали с вензелем “А. Ф.” и датой “1915”, имеет пробу 56.
- 350. Рамочка светло-зеленая для фотографической карточки.
- 351. Рамочка светло-голубой эмали с нарисованной на ней гирляндой роз для фотографической карточки.
- 352. Рамочка бронзовая с лавровым веночком вверху для фотографической карточки.
- 353. Маленькая пудреница зеленой эмали.
- 354. Золотое обручальное кольцо 94-й пробы с вырезанной внутри надписью “Г. Л. С. Ф. 1856”.
- 355. Головка от дамской шляпной булавки из металла, покрытого эмалью: в середине пустое отверстие, видимо, от бывшего здесь камня.
- 356. Медальон шейный, золотой, черненный, с золотым крестом на верхней крышке; внутри его — дата: “1 декабря 1891 года”.
- 357. Такой же медальон, но несколько меньше первого; внутри его — дата: “20 января 1888 года”, а под одним из стекол — темный волосок.
- 358. Золотой медальон. На одной из наружных сторон надпись: “Пожал. Е. И. В. Гос. Импер. Александрой Федоровной”. На другой наружной стороне — дата: “23 мая 1896 г.” Внутри медальона — серебряный, с цветной эмалью, вынимающийся образок Черниговской Божьей Матери и Сергия Радонежского.
- 359. Золотой медальон. На одной из наружных сторон — дата: “6 февраля 1875”. Внутри под стеклом — один светло-русый волос.
- 360. Золотой медальон.
- 361. Золотой медальон.
- 362. Золотой медальон.
- 363. Золотой медальон.

364. Золотой медальон с кружевной резьбой.
365. Серебряный нательный крестик, неправославной формы, с рельефным распятием на нем.
366. Золотой нательный православный крестик.
367. Золотая шейная цепочка. На ней надеты все три креста.
368. Серебряный круглый образок нательный; с изображением Нерукотворного Спаса; на обратной стороне — изображение Часовни Спасителя в Петрограде.
369. Такой же совершенно образок.
370. Пять брелоков; один — череп с двумя перекрещенными костями, другой — с изображением Мадонны, третий имеет в виде подвесков маленькие бляшки с буквами: “Р. О. М. А.”, четвертый — веер, пятый — Божья коровка.

ж) Вещи, найденные у гражданской жены курьера Лылова Феодосьи Иларионовой Балмашевой, которая также служила чайницей в здании Уральского Областного Совета

371. Четыре флакона косметики: “Петроль” немецкой марки, “Петроль” французской марки и два флакона воды “Кармес” французской марки.
372. Три куса глицеринового мыла французской марки “Флоренция”,
373. Пульверизатор для порошка от насекомых с металлическим наконечником и основанием.
374. Зонтик дамский белый муаровый в белом шелковом чехле. Конец зонтика и шейка ручки — слоновой кости. Ручка зонтика — из темно-зеленой яшмы, соединена с шейкой ручки золотым кольцом с двумя серебряными венчиками.
375. Зонтик дамский черный шелковый. Ручка металлическая с изогнутым серебряным наконечником.
376. Зонтик дамский белый полотняный. Ручка — деревянная с двумя металлическими колечками, из коих одно — с резной веточкой.
377. Зеленая коробка с фармаконом придворной аптеки.
378. Коробочка лекарства с рецептом от 27 января 1917 года № 151 на имя Шнейдер из “Придворной Его Величества Аптеки”.
379. Фарфоровое белое яйцо на розовой шелковой ленте. На яйце имеется вензель золотом “Н” и Императорская корона.
380. Лампада, состоящая из металлической подставки в виде чаши и вставного стаканчика темно-синего стекла. Верхняя часть подставки — резная — ажурная, в виде крестиков с дугами. На ножке подставки выгравировано: “Бог”, а на основании — крест и слова: “Да будет воля Твоя”.
381. Образ Иоанна Крестителя, большого размера, чеканенный на гипсе, на деревянном основании, в красках.
382. Маленькая черная брошь в виде пуговицы.
383. 56 мотков разноцветного шелка для вышивания.
384. Четыре деревянных желтых спицы для шерстяного вязания.
385. Две пуховые подушки.
386. Длинная, узкая, туго набитая подушка, обшитая с одной стороны сатином, а с другой — замшей.
387. Четырнадцать столовых белых салфеток с узорами. В каждом углу салфетки — инициалы: “Н”/П и корона; в середине — два Императорских герба в четыре знака, изображающих скипетр, перекрещенный мечом, и корону.
388. Белая столовая полотняная скатерть. На двух углах красным шелком вышита цифра “3”. Кроме того, по углам вытканы цифры “1894 — 1895”, а посередине — ряд Императорских гербов.
389. Распоротое дамское платье из шелкового фишашкового полотна. Из него уже отчасти сшиты: капот и маленькое детское платьице с дешевыми рыночными кружевами и прошивкой.
390. Детское платье из плотного хорошего розового шелка с дешевыми кружевами. Сшито весьма грубо, простыми нитками.
391. Дамский лиловый костюм в клеточку: юбка и жакет: последний — на белой шелковой подкладке, воротник и рукава отделаны темно-лиловым бархатом; на жакете — четыре бархатных лиловых пуговицы.
392. Дамское шелковое платье, темно-зеленого цвета: кокетка и рукава отделаны черными кружевами.
393. Дамский костюм из английской легкой материи, светло-серого цвета: юбка и жакет на серой шелковой подкладке, воротник отложной, отделан серой в полоску лентой.
394. Дамское платье из шерстяного фая; рукава на серой в полоску шелковой подкладке; воротник — кружевной, гипюровый, спереди завязан серым шелковым галстуком. На платье — два наружных кармана.
395. Дамское платье из тонкого сукна серого цвета: юбка и кофта; и та и другая отделаны шелковой .серой узорчатой тесьмой.

396. Длинный жакет от белого полотняного костюма на белой шелковой подкладке. Воротник — отложной, отделанный суровой узорчатой тесьмой. Перед, спинка и рукава отделаны белой аппликацией.
397. Распоротый и перекроенный уже костюм из белой английской шерстяной материи. На борту сохранился след от бывшей отделки.
398. Длинный жакет от костюма тонкой английской шерстяной материи на белой шелковой подкладке. Воротник — отложной: воротник, рукава, пояс и низ жакета отделаны черной шелковой в полоску тесьмой: на воротнике, спине, поясе и рукавах — гипюровая отделка.
399. Дамская блузочка тонкого сизо-серого сукна. Воротник, грудь и обшлага рукавов отделаны тонким шелковым шнуром в цвет материи.
400. Дамская верхняя юбка тонкой шерстяной материи, светлосерая.
401. Дамское летнее платье, белого полотна, шитое с прошивками: юбка и блузочка; воротник блузочки высокий, из узеньких прошивок.
402. Дамская белая шелковая блузочка с прошивками, на шелковой подкладке.
403. Белая летняя юбка со складками.
404. Белая шелкового муслина юбка, отделанная шелковой аппликацией в виде гирлянды по низу юбки. Юбка распорота.
405. Две гладкие верхние юбки, парусиновые, сурового цвета.
406. Нижняя юбка, теплая, черная, на шелковой подкладке; подол вышит фестонами.
407. Нижняя юбка, черная, шелковая, с широкой гофрированной оборкой.
408. Нижняя юбка, черная, шелковая, с узенькой внизу гофрированной оборкой.
409. Нижняя юбка, белая, батистовая, с узенькой внизу гофрированной оборкой.
410. Юбка-подкладка, белая, шелковая.
411. Юбка нижняя, белая, шелковая.
412. Юбка нижняя, белая, шелковая.
413. Лифчик черный, вуалевый, с высоким воротником и короткими рукавами.
414. Дамское платье, тонкого сукна, серо-сиреневого цвета. Платье распорото и перекроено.
415. Зимняя шапочка из норки, со спускающимися наушниками и затыльником, твердым козырьком.
416. Дамская полотняная ночная рубашка, распоротая и перекроенная.
417. Отрезанный низ от дамской полотняной рубашки.
418. Раскроенный чехол-предохранитель от платья с петелькой и крючком, из белого тонкого батиста.
419. Распоротый и перекроенный верх от дамской белой полотняной рубашки.
420. Такой же предмет; грудь рубахи имела мелкие складки.
421. Прямоугольный кусок белого полотна, подрубленный по двум сторонам; один угол вырезан.
422. Кусок белого мадаполама в 3У2 аршина; был подрублен по двум краям, а затем распорот.
423. Лиф-корсаж, белый, шелковый, кости вынуты.
424. Лиф-корсаж, белый, шелковый, с костями; вырезы для рукавов распороты.
425. Лиф белый, шелковый, отпоротый от платья; обшит по верхнему краю узеньким кружевом.
426. Лиф белый, шелковый, с короткими рукавами, застегивающийся на перламутровые пуговицы: верх лифчика и обшлага рукавов обшиты узеньким кружевом.
427. Лиф белый, шелковый; перекраивался и не дошит.
428. Лиф белый, шелковый: выпорот из платья, перекраивался и не дошит.
429. Три вязаных шелковых корсета: голубой, розовый и крем.
430. Четыре газовых лифчика, выпоротые из платьев.
431. Белая фуфайка, вязаная, шелковая, застегивающаяся на перламутровые пуговочки; по верхнему краю — вязаные шелковые фестончики.
432. Дамский нагрудник, белый, шерстяной, вязаный.
433. Шарф белый, газовый; средняя часть его покрыта черными мушками.
434. Три газовых вуали, шелковых, белых, с черными мушками.
435. Шаль шелковая, тонкая, восточного типа, с зеленым фоном, желто-розовым рисунком, с каймой малиновой, желтой, синей и голубой.
436. Такая же шаль, с желтым фоном, зелено-малиновым рисунком.
437. Дамский шарф, черный, шелкового плюша, с плюшевой бахромой.
438. Пара дамских чулок, черных, шелковых, со стрелками.
439. Пара дамских чулок, белых, фильдекосовых, ажурных, с французской меткой: “S”.
440. Шелковый шарф, узкий, восточного типа, с розовым фоном.
441. Дамский пояс, белый, шелковый, распоротый.
442. Желтого шелка прямоугольник, подготовленный для подрубки.
443. Две полосы, каждая сшита из двух кусков тонкого белого шелка с узором сиреневого цвета.
444. Шейный шарф, белый, шелковый, с бахромой на концах.
445. Оборка от юбки, шелковая, бледно-лиловая.
446. Несколько аршин муаровой ленты голубого и синего цвета.

447. Прямоугольный кусок шелкового лолотна, подготовленный для подрубки; на одном его крае вышита ветка сирени.
448. Кусок желтой канвы, на коем карандашом подготовлен узор для вышивания.
449. Такой же кусок канвы с подготовленным рисунком и начатым уже вышиваньем цветной шерстью.
450. Покрывало из шелкового полотна песочного цвета, вышито гладью, подбито ватином и подшито шелковой подкладкой фисташкового цвета.
451. Наволочка с диванной подушки, шелковая, цвета танго, с крупными цветами желто-серого цвета.
452. Белая мохнатая простыня.
453. Дамские туфли, белые, замшевые, на шнурках.
454. Покрывало из прошивок и рогожки, сурового цвета, обшито суровым кружевом.
455. Белая наволочка, сшитая, видимо, из простынного полотна; шитье грубое, нитки разные.
456. Свитер коричневый, шерстяной.
457. Мужская белая сорочка, грудь — пике в складку: на язычке — маленькие латинские буквы: “w” и “k”.
458. Мужская рубашка, белая в коричневую полосу из “Английского магазина в С.-Петербурге”.
459. Пуховые чулки серого цвета.
460. Мужской жилет, серый в черную полосу.
461. Покрывало с суровой прошивкой и кружевом весьма грубой работы, сшитое, видимо, из простыни.

Когда детей увозили в Екатеринбург, было вывезено из Тобольска все имущество царской семьи. “Эвакуируя” уже тогда Тобольск ввиду сибирской обстановки, угрожавшей большевикам, они вывезли из Тобольска и все имущество губернаторского дома.

Вещи царской семьи были доставлены в дом Ипатьева, губернаторские же вещи — в здание областного совета.

Случайно сюда попали некоторые царские вещи.

Лылов объяснил на допросе в Екатеринбургском Уголовном Розыске 4 сентября 1918 года, что главная их масса при бегстве большевиков из Екатеринбурга была похищена Белобородовым. Он же, Лылов, похитил их, в свою очередь, у Белобородова. В частности, карандаш Императрицы (№ 349) он похитил с письменного стола Белобородов

Примечания:

1. Так в документе.
2. Так в документе.
3. Подпись неразборчива.
4. Подпись неразборчива.
5. Подпись неразборчива.
6. В док. неразборчиво.
7. Так в документе.
8. Так в документе.
9. В док. неразборчиво.
10. Печатается по оригиналу, хранящемуся в Гос. Архиве Российской Федерации, ф. 740, оп. 1, д. 6, л. 1, 1 об.
11. На этой стр. тетради дневника — в тексте записи за 22 апреля нарисован план дома, в котором заключен был Николай Романов с семьей. Под планом надпись его же рукой: “Дом Ипатьева в Екатеринбурге”. (Не публикуется.)
12. День рождения Николая Романова (по старому стилю).
13. Поваренок Леонид Седнев.
14. Далее поденный характер записей в дневнике нарушается; Николай Романов ничего не записал 26, 27 и 30 мая, 1, 2, 4, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 15—20, 22, 24, 26, 27, 29 июня.
15. Отточие в документе.
16. Даты указаны по новому стилю.
17. Здесь и далее Николай II.

18. Здесь и далее цесаревич Алексей.
19. Имеется в виду доктор Деревенко.
20. Так в документе.
21. Так в документе.
22. В док. ошибка; вероятно, содержащаяся.
23. Так в документе.
24. Так в документе.
25. Так в документе.
26. Так в документе.
27. Так в документе.
28. Так в документе.
29. В док. неразборчиво.
30. Правильно Лукоянов.
31. Далее в документе отсутствует страница.
32. В док. ошибка. Правильно — Демидова.
33. Так в док. Правильно — Стрекотина.
34. Печатаемый ниже документ является перепечаткой стр. 3—29 сборника, вышедшего в Екатеринбурге под заглавием “Рабочая революция на Урале”. Сборник этот вышел в конце 1921 года в количестве 10 000 экз., после выхода был конфискован и уничтожен. В предисловии к указанному сборнику говорится, что статья “Последние дни последнего царя” написана П. М. Быковым, председателем Екатеринбургского Совета, и что она является сводкой “бесед с товарищами, принимавшими то или иное участие в событиях, связанных с переводом Романовых из Тобольска в Екатеринбург и их расстрелом”. Несмотря на свою грубую тенденциозность, сводка является ценнейшим историческим документом ввиду того, что она служит единственным показанием лиц, принимавших непосредственное участие в подготовке и расстреле Царской семьи, как и единственным печатным свидетельством большевиков о расстреле всей Царской Семьи.
35. Печатается по тексту газеты “Последние новости”. Париж. 1929 г. № 2899, 28 февраля, с. 3.
36. Valentin Speranski. "La Maison a destination speciale" (L Ferenza. Edit).
37. Печатается по тексту газеты “Сегодня”, Рига, № 193, 1928 г., 20 икум, с. 2.
38. 1928 год.

